

Борис Пьянков

Перелески

2004

Легкие и очень чуткие зарисовки о природе Бориса Пьянкова открывают нам удивительный мир, который обычно протекает мимо внимания людей и остается для них незамеченным. Особое удовольствие доставляет доступность всего происходящего, когда читаешь эту книгу... Как будто вы сами отправились по нескончаемой лесной дороге и она начала представляться вам давно совершившейся чудесной реальностью, которую всегда приятно вспоминать и каждый раз с еще большим удовольствием. Книга Бориса Пьянкова — это предоставленная всем нам радостная возможность соприкоснуться с жизнью птиц, зверей и растений, которая всегда загадочна и интересна.

Хожу по своим любимым лесным местам и не могу понять: отчего они однажды стали для меня дорогими? Чем таким особенным отличаются от других почти таких же перелесков, просек, опушек и покосов, в изобилии разбросанных по нашей необъятной лесной стороне? Что в них неповторимого, глубоко скрытого от чужих глаз, а моему восприятию кажущегося самым сокровенным?!

Уже порядком истреблены укромные и дорогие сердцу уголки, где я был когда-то счастлив. Мощные старые ельники с деревьями в два-три обхвата можно пересчитать по пальцам... Сказочный мрак от их переплетенных, будто сросшихся крон остался больше в воспоминаниях. Теперь уже только перелески, а не исконный дремучий лес приносят удовлетворение, и эти перелески, совсем как настоящая нетронутая чаща, еще очень остро будят воображение и щемят сердце. Они — как отголоски былых переживаний, когда ты жил другой жизнью. Было это давным-давно, и в той жизни все поклонялись лесу.

Наверное, я угадываю эти старинные, еще оставшиеся лесные уголки каким-то необъяснимым чутьем. Жажда ощущать свое единение с ними ни с чем не сравнима. Я ищу места далекого прошлого в лесу и иногда нахожу их, но случается это все реже и реже, а про себя думаю: как я люблю вас, древние, таинственные леса, уже пережившие целые века!

Сколько радости приносят эти маленькие лесочки, сколько неожиданных открытий и надежды, что не изведут леса навсегда, что наберется у человека здравого смысла сохранить почти утраченное. Не строй, говорят, семь церквей, а пристрой лучше семь детей,— и это выражение как нельзя лучше подходит к остаткам леса, оказавшимся без присмотра. Все перелески, как дети малые, разбежались по нашим необъятным российским просторам, и от нас зависит сохранить их, ибо было когда-то добро, да давно, а если опять будет, нас уж, может, и не будет. Перелески — это те драгоценные отголоски, по которым можно восстановить давно минувшее, и что может быть привлекательнее этих остатков былого!

Неизъяснимое счастье — затеряться в дорогих сердцу лесах и перелесках, в этих оставшихся островках лесного уюта и покоя. Остановившись в таком леске, присядешь на пенек, осмотришься и по еле уловимым приметам вообразишь себе тот первобытный лес, который покрывал нашу землю давным-давно. Старые ели, сосны и пихты растут так густо, что под ними всегда сыро и сумрачно. Многие деревья засохли на корню, им некуда упасть, и, навалившись друг на друга, они стоят мертвые, покрытые вместо хвои косятыми клоками серого лишайника. Поваленные же ветром деревья образовали непроходимый валежник, скопившийся за десятилетия, из которых слагаются нескончаемые лесные века.

Древние, давно упавшие колоды обросли сочным зеленым мхом, середина их давно сгнила, превратившись в труху. Нет ни кустов, ни цветов, ни даже травы в таком высокоствольном темном лесу. Лишь в отдельных сырых местах разросся огромный остролистный папоротник, а с деревьев свисают полустлел-4

шие, обломанные бурей ветви... Настоящее кладбище из черных стволов и сучьев.

Только пользуясь звериными, преимущественно медвежьими и лосиными, тропами, может продвигаться человек в этом буреломе. Почти не проникают под темный полог ветвей солнечные лучи. Там, наверху, набежавший ветерок слегка колышет могучие вершины, раздаются нежные голоса крохотных синиц, внизу же — мертво и тихо.

Необъятными тучами вьется в неподвижном воздухе мошкара. Изредка, ошалело взмахивая крыльями, подлетит к старой ели дятел желна, посидит, осмотрится, а затем вопьется в ствол когтями и начнет скачками подниматься вверх. Или глухарь, нарушая тишину, с грохотом сорвется с ветки и на распростертых крыльях скроется в непроходимой чаще. Но все это лишь иногда... Можно, наверное, пройти по такому лесу многие версты, но не увидать ни синиц, ни дятла, ни глухаря: редки здесь птицы и звери, величава и пустынна первобытная тайга!

Оставшийся после этой дремучей тайги перелесок — лишь небольшой лесок, отделенный полянами от других лесных участков. Он как бы нечто самостоятельное, с тайным умыслом удаленное и обособленное. Большой лес — к селу крест, безлесье — неугоже поместье, а такой неприметный вроде бы перелесок — словно лесное дитя, заплутавшее в необъятных лесных просторах, но не потерявшееся. Перелесок живет своей маленькой жизнью, часто скрытой от глаз, но даже обратив на него внимание, не всякий разберет его укромную жизнь. Разве в лесу лесу мало?!

Перелески же будто ждут, когда на них обратят внимание, и, как малые дети, радуются, пытаясь тотчас очаровать и увлечь за собой. Играют своими потаенными тенями и редкими сол-5

нечными бликами, путают укромными тропками, увлекают неведомыми голосами... Не хочешь, а забредешь в такой перелесок, невольно углубишься в него и обо всем позабудешь. Перелесок, как всякий озорной ребенок, только этого и ждал!

На первый взгляд, перелески будто бы пусты, в отличие от большого леса, но чем дальше в лес, как говорится, тем больше дров. И невелик, вроде бы, перелесок, а как обухом бьет. Словом, удивляет и все норовит подножку поставить, отвлечь от одолевших тебя забот. Ты и сам не заметишь, как увлечешься им, и про себя чему-то необыкновенно обрадуешься. И все это благодаря маленькому перелеску!

Перелески в нашей лесной стороне стали привычны и попадаютя гораздо чаще, чем большие лесные массивы. Бывает, перелески соединяют их, служа непрерывающейся зеленой «пуповиной». Всегда приятно заглянуть в такие лесные перешейки в поисках грибов и обнаружить у самой опушки, под раскидистыми еловыми лапами, семейство боровиков...

Опустишься перед ними на колени, неспешно срезаешь, а сам нет-нет да поглядываешь зачем-то по сторонам. Перелесок обычно просматривается насквозь, вроде бы негде тут схорониться тайне, но что-то невидимое все же происходит вокруг, постоянно присутствует и ты в какой-то миг опять оглянешься, поднимешь голову или отчего-то с удовольствием насторожишься: все в маленьком перелеске хорошо, необыкновенно, но где оно?!

Оно, это невидимое, но все же ощущаемое «нечто», есть не что иное, как душа леса, которая присутствует везде, в том числе вот в таких неприметных, на первый взгляд, перелесках, которые были когда-то сплошным огромным лесом. Люди постепенно уничтожили его и оставили узенькие лесные островки, мало-б

мальски укрепляющие почву и создающие впечатление здоровых лесных угодий. Перелески — это живые отголоски тех далеких времен, когда еще были целы темные дремучие леса.

Один перелесок, другой,— все дальше уводят они в лесную чащу... И вот уже новые, совсем незнакомые места окружают тебя. То повстречается укромная земляничная полянка, а то обретенное глухарем перо. Может быть, где-то здесь располагается по весне глухариный ток?

Неожиданно выходишь на волок — семь елок — старую лесную дорогу, пролегающую через небольшой перелесок, благодаря которому этот волок и остался. Я люблю такие старые заросшие дороги и тропы. Время сравняло глубокие колеи и стерло следы подков. Они заброшены и, зарастая кустарником и травой, никому не нужны. И все же в них таится какое-то неуловимое очарование, нечто неизвестное. Так и кажется, что за ближайшим поворотом дорожка оборвется у сказочной избушки или приведет к дуплу, из которого высовывается зеленая борода лешего...

По краям такой дороги, в душистой хвойной тени, глядят на тебя чудесные маленькие цветы... Это тоже перелески, что радуют душу своим тропательным и нежным взором, который бывает белым, розовым, фиолетовым, но любимый цвет у них — голубой, самый веселый, светлый и простой. Голубой цвет — это цвет скромности, которой обладают именно лесные цветы; пусть не броские, но замечательные цветки нежно улыбаются уставшему путнику и будто ободряют его. Яркие цвета не характерны для нашей средней полосы, где в них совсем нет необходимости: здесь радуется глаз милое цветочное разнообразие, в котором преобладает белый, желтый, фиолетовый и голубой... Перелески приветствуют нас скромным голубым обликом.

Голубого цвета много по лесному свету, но голубые перелески — особенные... Что-то в них вынуждает остановиться рядом и просто, открыто улыбнуться им. Присесть на пенек, послушать птиц, может быть набрать горсть земляники, но время от времени взглядывать на них, будто поддерживая неторопливый душевный разговор. Беседовать — не устать: было бы что друг другу сказать, а перелески, наверное, могут многое поведать о том, что повидали на своем веку, когда вокруг стоял прекрасный дремучий лес!

Лесные перелески такие простые, ненавязчивые и милые, что удачно послужили бы, наверное, украшением в начале и конце чудесной книжки про лес — пришлись бы как нельзя кстати в качестве своеобразной виньетки, очень хорошо отображающей лесную тему. И легко, и красиво, в конце концов — мудро.

Перелески не выдают клад, как папоротников цвет, не убивают и не опьяняют, не кружат без удержу, не вынуждают плутать, а тихо радуют: и сердцу становится легко, и на душе светлеет. Строишь на эти цветы и невольно восклицаешь: поцве-сти бы перелесками!

Перелески — будто глаза земли с лесной душой, открытые для всех. Улыбаясь и веселя, они при этом еще по-своему говорят, да и выслушать могут, поскольку они не только глаза леса, но и его мысли, которые в лесу незаметно становятся и твоими. На то они и перелески — цветы, призванные ненавязчиво и мудро скрашивать человеку нелегкую путь-дорожку, чтобы и сердцу стало спокойно и душа была рада.

Перелески — украшение укромных лесных дорожек, и если говорят, что на битой дороге трава не растет, а если и растет, то только спорыш, так это никак не относится к пере-8

лескам. Идешь по такой лесной дорожке, любишься на цветы и о скверном даже не помышляешь. Все худые мысли отгоняют милые перелески и помогают одолеть горы высокие, доли низкие, озера синие и берега крутые, леса темные, пенки да колоды... В самом сердце твоём родные цветочки по всей нелегкой дороженьке!

Живут перелески вдоль лесных тропинок укромно, тихо и очень уютно. Укромность цветов — лесное свойство, и выходит из-под лесного полога они не намерены. Перелески одаривают своим вниманием только лесного путника и не печалются, если тот не замечает их небесного настроения. Всякому, как говорится, свой путь, но того, кто разглядит их голубые головки, ожидают в лесу добрые вести. Перелески всегда приветствуют любознательного, равнодушного человека и своим присутствием облегчают его дорогу.

Ты идешь, любишься перелесками и думаешь обо всем, что тебя окружает, а перелески будто перетекают в тебя, радуясь, что ты их отметил, и открывают свои самые сокровенные тайны. Они — скрытая душа леса, которая благодаря милым цветам становится для всех доступной. Так идешь среди деревьев и цветов, а чувство такое, словно проходишь мимо друзей...

Когда на дорожках никого нет, перелески любят смотреть на солнце. Глаза желтые, ресницы голубенькие — так и провожают весь день солнечный свет с востока на запад. Солнце садится за лес — перелески закрывают глазки и тоже ложатся спать. Но больше всего перелески любят следить за человеком...

А вот когда нет ни солнца, ни лесного путника, перелески растерянно озираются, ищут хоть кого-нибудь и, никого не обнару-9

жив, понижают головками, уставившись в землю... Им недостает общения!

Даже закрываются на ночь перелески неохотно, как будто не наигрались за день, а поутру опять изумленно поглядывают из травы в чистое летнее небо и будто наполняют себя его цветом. Небо не скупится на свою голубизну, великодушно одаривает ею зацветающую землю, и голубизна перелесков на ней к лету становится нежнее неба, доверчивее любой самой открытой улыбки. И не правда, что в один день по две радости не живет: в лесу их целый воз, а перелески — одна из них!

Перелески-перелесочки... Не забыть их человеку, которого они хоть однажды приветили на лесной дорожке и будто обогрели своим нежным вниманием! Никогда не завянут они у человека в душе и всегда он будет радоваться им, вспоминая синее небо, щедрое солнце, ослепительно белые облака и несмолкающие песни птиц! Живы перелески — жива и душа человека, которая через них с Богом беседует...

Как просто быть счастливым!

Пробудившись рано поутру весной, не залеживайся в постели и поскорее собирайся в лес. Не забудь взять с собою нож, бинокль, а еще прихвати щепотку чая и котелок. Зеленовато-розовая полоска неба таинственно стекленеет над крайними домами, черные ели замерли отрешенно, не по-весеннему сурово, и дымки из труб тянутся в вышину такими длинными лисьими хвостами, что по ним, кажется, можно добраться до самых далеких звезд, которые из ярко-желтых постепенно превращаются в белые, слегка голубые...

Морозный воздух страстно схватывает щеки своими цепкими пальчиками, и на глазах сразу выступают слезы. Укатанная санями дорога поскрипывает под валенками, блестит, отражаясь зеленовато-нежным перламутром, и даже если не смотреть на небо, чувствуешь, как оно наполняется весенним радостным светом. Одно дело — просто ждать весну, готовиться к ней, и другое — встречать ее, да не где-нибудь, а в деревне, по соседству с лесом...

Хорошо открывать весну, когда повсюду еще лежит снег... Только миновавший февраль не сломил до конца рога зиме, и вполне могут взяться крепкие утренники, так что если не

знать, какой месяц на календаре, даже засомневаешься в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие вет-ровеи, что ранняя встреча весны и вовсе покажется напрасной...

И все же ты знаешь — весна уже где-то здесь, рядом, и если ее еще не видно и не слышно, то чувствуешь ее несомненно. Она вливается в тебя пока не широким потоком, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нашептывает что-то сокровенное, родное, будит в душе молодые силы и не дает спать.

Каждый февраль, задолго до этого ожидаемого весеннего праздника, мысленно отправляешься к своим родным лесным местам, которые всякий раз представляются по-иному, так же тревожат, навевают сладкие думы и воспоминания. Почему-то все весны, какие только у тебя были, никогда не соединяются в одну, торжествующую, но всякая весна по-своему оказывается незабываемой.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: так просто она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо непременно выносить ее в сердце некоторое время, соскучиться и возжелать радостного полета, чтобы, оторвавшись от земли, пропеть ее вместе с родными птицами и возвратиться обновленным, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

И вот отливающая небесными красками дорога увлекает тебя в пробуждающуюся от долгого сна лесную даль. Первые розовые лучи едва проникают в гущу елей, и на снегу вспыхивают редкие радужные огоньки, но чем выше поднимается солнце,

тем многоцветнее переливающиеся отсветы: синие, малиновые, фиолетовые, зеленые, желтые вспышки — нет им числа и меры. Ближе к полудню вся эта игра снега и солнца начинает напоминать какой-то сказочный калейдоскоп: в световых переливах появляются все новые сочетания и узоры. Хочется рассмотреть каждую блестку, но это никак не удастся: подойдешь к ней, а она тотчас теряется или гаснет.

Тончайшее зеленовато-розовое стекло, которым выгибались с раннего утра только небо и дорога, теперь полностью перетекло на снежную поверхность, как будто расплавилось и затопило собою всё. Вскоре многочисленные радостные блестки растают в белотелых сугробах, но зато в них прибавится светосилы, которая будто приподнимет тебя от земли и понесет к твоим любимым укромным полянам...

Все обещает: быть чудесному весеннему дню — с трогательной радостью рождающихся на ветвях сосулек, дружным хоромом отяжелевших за зиму, но по-прежнему стройных берез, разомлелым послеполуденным солнцем, розовеющим к вечеру и медленно расплывающимся за высокими елями... Над деревней стоит золотистая, ослепительная дымка, сладко кружит голову неуловимо легкий запах печного дыма... От проснувшихся домов и ограды веет доброй размеренной жизнью, уютным спорым достатком и теплотой. Пока весна продвигается по земле волокушею, но близок тот день, когда прокукует кукушкой, а уж потом и соловьем залетят: уберется тогда зима в самые глубокие лога и буераки.

Впереди лежит дорога, порядком наезженная и укатанная до блеска за март бесчисленными полосьями саней, вдрызг избитая копытами лошадей, усыпанная по краям клоками про-13

шлогоднего сена. Она уходит в синеву встающего перед ней леса, и где-то там, вдали, невидимо теряясь среди бесконечных заснеженных полей и островков дурманящей хвои, постепенно сходит на нет, превращаясь сначала в неширокую светлую просеку, поросшую по краям молоденькими стройными осинками, и дальше, все более плутая и путаясь,— в еле приметную глухую тропку, неожиданно завершающуюся небольшой полянкой. На таких заповедных, открытых весеннему небу полянах у старых заброшенных дорог, собираются весной на заре со всей округи тетерева... В беспокойстве от каждого постороннего звука вытягивая шею, готовые в любой момент пуститься наутек прямо по сверкающему насту, они поклевывают вытаявшие из-под снега бордово-глянцевые ягодки брусники и клюквы, заметно выделяясь на голубовато-белом фоне своим черно-синим оперением...

Идешь по такой весенней дороге к светлеющему за дальними далями востоку и думаешь о том, как хорошо было бы застать их там прямо сейчас, чтобы, неслышно подкравшись поближе и вдосталь насмотревшись на эту неповторимую красоту, не стреляя, поднять всю стаю на крыло веселым хлопком в ладоши. А потом, стоя в растерянности, зачарованно глядеть им вслед, словно навсегда прощаясь с чем-то очень дорогим и близким, боясь не увидеть его больше никогда.

Миновав светоносные поляны, спускаешься в неглубокий лог... Здесь еще стоит полудрема, длинные синие тени отливают приятной густотой и прохладой, так что появляется желание на какое-то время задержаться. У места впадения ручья, текущего по дну лога, в озерцо, открылась небольшая полянька, окутанная легким парком. К ней тянется чей-то непрерывный след,

даже целая тропа, и, только приблизившись вплотную, ты определяешь, что она волчья. Волки шли след в след, но перед небольшим кустом, как это у них водится, развелись и, оглябая его, оставили свои метки. Судя по всему, зверей было пять, может быть, шесть, не более...

Волки двигались по дну лога этой ночью в каких-нибудь двух километрах от деревни, и эта свежая звериная тропа, как и начинающаяся повсюду весна, пьянила. Причем, ни воздух, ни тишина, ни снег, испещренный набродами зверей, почему-то не вызывали тревоги. Было удивительно хорошо, и хотелось просто идти по следу волчьей стаи и ни о чем не думать, представляя волков очень близкими тебе существами, даже родными. Страх не ощущалось и в помине, а охватывала только радость от переживания недавнего присутствия зверей, восхитительного весеннего солнца и потаенных теней на дне лога, синева которых становилась все полнее и безраздельнее.

Но все же именно воображаемые волки, как ничто другое, воплощали в себе этот удивительный мартовский день: его нестигаемость, красоту и силу, и душа незаметно наполнялась праздником весны. Завтра день опять возьмет перевес над ночью, и я точно так же буду ждать его прихода, встречать вместе с птицами и зверями и пить до последней капли.

* * * Постоянно находясь в напряжении творческого труда, порой хочется просто отдохнуть, ничего не делая, например, прогуляться в лес. Но только выдается возможность такого ни к чему не обязывающего времяпрепровождения, и уже чувствуешь себя неловко, не в своей тарелке. И вот опять, кляня себя

за собственную неугомонность, ищешь и докапываешься до всего, пристально всматриваешься в окружающую тебя лесную жизнь и стремишься к чему-то очень важному, что вот именно сейчас никак нельзя упустить, отложив на другое, вроде бы более удобное время, и ничего не можешь с собой поделатъ...

Быть с природой в дружеских отношениях — это значит не выжимать ее без остатка, а пользоваться миром птиц, животных и растений бережно, во всем себя ограничивая, как если бы мы встали из-за стола с чувством легкого голода и это ощущение бы нас только радовало.

Поздней осенью зароет белка горстку орешков, забудет за зиму про спрятанный запас или оборвется ее жизнь в зубах ненасытной куницы, а на этом месте вырастет потом пышный куст лещины.

* * *

Не припомню, чтобы, попав в самую запропашую, гибельную пургу, я был охвачен безудержной яростью или тоской, а всегда меня переполнял только пьянящий восторг, какое-то необыкновенно приподнятое, до счастливого безумия, на строение!

* * *

Именно ласточки, первыми улетая на юг, уносят с собой разомлелый звон лета и его младенческую веселость.

На земле существует около трехсот тысяч видов трав и цветов, которые человек изучил и придумал им названия, не зная в то же время, как они называются на самом деле. Каждое растение своеобразно и хоть чем-нибудь да отличается от остальных. Но поражает более иное: наверняка Творец, все это создавший, знал, что творит, совершенно четко представляя себе образ создаваемой ромашки, василька или георгина... Ведь не могли все растения стать такими, какими мы их знаем, сами, постепенно, пусть даже в длительном — много миллионов лет — процессе эволюции, ни разу при этом не повторившись!

А теперь попытаемся себе предположить возможности этого Творца, его воображение, глубину и мощь замысла, добавив к бесконечному перечню растений не менее многочисленные виды насекомых, птиц, рыб и зверей!

Нарядные шмели в мае поначалу кажутся вальяжными вельможами, которые очень заносчивы и никого вокруг не замечают, но, присмотревшись получше, вдруг с удивлением открываешь в них милую обходительность, с какой они пристраиваются к медовым чашам.

От зари до зари светит нам солнце, но небо бывает при этом разным: предрасветное — обычно нежно-зеленое, чуть розоватое, а вечернее — оранжевое или ярко-красное.

Любая весна никогда до конца не наступит, пока в ней не осуществится последний поворот, поворот этот всегда незаметен и происходит в считанные мгновения, как будто по мановению чьей-то волшебной палочки, после чего кругом воцаряется тепло, землю омывает первый солнечный дождь, а в небе весело перекачивается многообещающий гром.

* * *

Кабаны и волки, барсуки и лисы, росомахи, хори и куницы, а еще горностаи с ласками да могучие медведи без усталы рыщут всю жизнь по лесным дебрям, но, кажется, так чего-то и не находят, и только птицы, наверное, догадываются, в какой стороне лежит счастье.

* * *

Никогда не бывает так, чтобы лес признавал тебя своим долго, почти всегда, а лишь изредка озарит улыбкой или легким прикосновением и опять уйдет в себя, пусть даже ты общался с ним всю жизнь, все время старался понять и относился с уважением.

Редко когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванном народом в их честь «волчьим солнышком». Луна и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детенышей, и они вырастают с присущей только им лунной мастью.

Зимнее поле не одноцветно, и, поблекший, казалось бы, мир на самом деле только готовится к своему новому рождению.

Недоступность вершины у старой красивой лиственницы почему-то не трогает, когда, запрокинув голову и придерживая шапку, вдруг обнаружишь в ветвях великанов глухарей, которые присаживаются сентябрьским днем на ее верхушку, важно расхаживают по веткам и осторожно склевывают сладкую листву, после чего устраиваются у самого ствола и замирают. Не сразу различишь их в переплетении мощных ветвей, но как приятно обнаружить эту пего-коричневую литую тяжесть птицы и еле уловимый свет белого пятна на ее плече!

Осиновый лист всегда дрожит сам по себе, но под осень — еще и от рева лосей.

Самый жаркий зной летом — земляничный...

Природа всегда манит и убажает человека, глухарина же песня в весенней ночи призывает его дух к труду и возвышает.

Невозможно весной делать что-либо так себе, мимоходом, а наоборот — только с великим желанием, когда при одной мысли о пробуждающейся вокруг природе становишься чище и сильнее.

В лесу никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, но всегда верно то, что тебя в нем ждет открытие...

Радостно, легко на душе, когда неспешно идешь на лыжах вдоль старых деревенских покосов, которые будто светятся и плывут над землей в проникновенном мартовском воздухе. Во всем ощущается какая-то удивительная приподнятость. Идешь, впитываешь все запахи и краски и даже не заметишь, в какую глухомань заведет тебя эта всепроникающая радость, а встрепенувшись, вдруг подумаешь: где-то тут спит под толщей снега воевода медведь и, неровен час, может пробудиться от твоего неожиданного присутствия. Уже более осторожно выбираешь путь следования, то и дело поглядывая по сторонам, но тихо вокруг, снега лежат нетронутые, и только следы куницы и белки ныряют в глубокий лог, зачаровывая своей потаенной устремленностью.

И все же почему-то не перестаешь думать о медведе, его дремучей косматости и силе, что в любой момент может нарушить устоявшийся за зиму покой. Но недаром говорят: от добра добра не ищут, от хлеба — хлеба, а от покоя — покоя. Медвежьему покою сопутствует особая лесная тишина, которую человеку надлежит не нарушать. Ну, а уж если потревожил,

пренебрег исконной таежной заповедью, то делай это так легко, чтобы медведь не заподозрил подвоха и возмущенное тобой затишье стало частью лесного быта. Стань сам зверем, растворяйся в лесном мире, дыши в такт его дыханию, и медведь, чутко прислушиваясь к твоим шагам, лишь успокоенно вздохнет, перевернувшись на другой бок.

Безмятежное состояние медведя в берлоге не могут нарушить размеренные шаги лося, однотонное постукивание дятла или вскрикивание филина. И если даже рядом с логовом лесного исполина окажется человек, ему просто не следует совершать резких необдуманных движений, останавливаться, внезапной тишиной настораживая зверя, а спокойно и ровно продолжать свой ход на лыжах: шик-шик, шик-шик, шик-шик, как будто это лесной зверь проходит мимо, и дела ему нет до медведя и его снов. Любой звук в лесу должен звучать по-лесному, под стать шорохам ветра, ветвей, мерзлой поземки. Все слышит ухо медведя, но не пугает его, если оно знакомо ему, и только чужой для леса звук может насторожить зверя, и он поднимется из берлоги.

Несмотря на умиротворенное мартовское солнце, синие тени от берез, радостно сбегаящие в лог, всю весеннюю восторженность в окружающей природе, ты не представляешь, что это на самом деле может произойти: зверь восстанет черной тучей, метнется к тебе и в два счета накроет с головой. Что ты тогда сможешь предпринять и как предупредить звериный натиск озлобленного со сна медведя?!

Сердце сжимается от страха при мысли об этом, гонишь ее прочь, а глаза цепко вглядываются в сугроб или завал из деревьев. Предупредительно обходишь его стороной, осматриваешься

и то и дело останавливаешься, чтобы успокоить учащенное дыхание; прислушавшись же, осторожно продолжаешь свой путь. Затаенно покоятся лазурные снега, уже покрывшиеся запекшейся на солнце корочкой, непробудно спит ручей на дне глухого лога, но недолго ему осталось ждать: скоро понесет он свои снеговые воды к лесной реке, которая будет становиться шире день ото дня, еле сдерживая подступающее возрождение, и однажды разбудит лесную тишину веселым грохотом и шумом.

Перейдя лог, неспешно преодолеваешь замершие полянки, уже приблизившись к леску на горке, облегченно вздыхаешь, будто сбрасывая с себя внутреннее напряжение: ничего не случилось и ты благополучно миновал глухие места. До деревни рукой подать, стоит только преодолеть старую делянку на краю лога да пару покосов. Затем — спуск к реке, отдых у родника и через какой-нибудь час неспешной ходьбы по наезженной дороге окажешься в нагретом за день доме у еще не успевшей остыть печки...

И вот тут, когда этого совсем не ждешь, в каких-нибудь шести-семи шагах от просеки, на которой ты замер, внимание твое приковывает повалившаяся от старости осина. Переломленная почти у самого основания, с наваленными на нее молодыми елочками и березками, она создает впечатление неумело сооруженного кем-то шалаша. А под осиной, в небольшой впадинке, занесенной снегом, чернеет отверстие, с добрую краюху, облепленное оранжевой куржавиной. Это чело — изголовье дремучего лесного зверя, который лежит совсем рядом и, может быть, через мгновение проснется...

Все, что есть у меня в лесу,— это чутье и видение, но этого вполне достаточно для постоянного переживания счастья и радости.

Заслышишь, бывало, в глухой речной долине сухой стук рогов, заметишь между маленьких сосенок на миг сталкивающиеся коричневатые тени, но ни стога, ни рева, ни всхрапывающих зверей не уловишь... Схватившись намертво, лоси молча месят острыми копытами заснеженную землю, и лес как будто еще более притихает от их отрешенного единоборства.

В декабре и поле, и лес, и небо — всё уже ослепительно белоснежное, но, присмотревшись, вдруг обнаруживаешь, что слагают эту белизну изумрудные, синие, оранжево-перламутровые, желтые и вишневые тени.

Еле заметный клюв у куличка-перевозчика — как приставленная дудочка: из нее он трогательно выдувает чистые нотки своей трепетной любви.

Проклюнувшиеся зеленые листики полны не только жизнелюбией, но и любопытства.

* * *

Весенние бабочки — это будто проснувшиеся мысли леса, которые перепархивают в воздухе легко и неумолимо.

* * *

Природа жертвует бесчисленным количеством семян шишек, одуванчиков, рыбьих икринок, чтобы только отдельные особи выросли и принесли плод, человек же не имеет права на подобную трату своих сил и ценою каждой жизни обязан заслуженно доказывать ее торжествующее бессмертие.

* * *

Весна хороша тем, что всякому существу надо выразить свою радость от встречи с ней, и такое всеобщее торжество, присущее только этому времени года, просто ошеломляет!

* * *

Звон зари бывает малиновым и красным, желто-оранжевым и розовым, но самый тонкий — перламутрово-зеленый...

* * *

Стоит только отправиться в лес — и в душе возникает предчувствие неминуемого открытия.

Кому довелось увидеть волчьи свадьбы, тот на заячьи игры по весне уже не засмотрится.

С появлением первых заморозков и радостного зимнего солнца повышается видимость и слышимость всего на свете, так что даже суета вездесущих сорок представляется особенной.

Утка, как старинный утюжок, гладит поверхность озера, превращая его в безукоризненное зеркало.

Золотистым барашкам ивы просто неоткуда взяться, как из самих ее ветвей, однако выглядят они — будто принесенные извне.

* * * В светлые майские ночи

созвездия уже почти не угадываются, но в этой пришедшей прозрачности времени совсем не ощущается пустоты.

* * * Мы совершенно спокойно

воспринимаем осенние бои сохатых, этих сильных и горделивых зверей, когда они борются за самку, но как объяснить подобные турниры среди прекрасных бабочек, например, махаонов, если они бьются до тех пор, пока не полетят кусочки крыльев?!

* * * Розовые лепестки волчьего лыка

источают по весне такой же сильный запах, как и волки во время течки. Неумолимый

ветер доносит его волны до самой деревни, а ты и не замечаешь, что тоже становишься диким и неприкаянным.

* * *

Десятки раз меня за лето свои оттенки, зеленый цвет к осени иссякает и просто желтеет.

* * *

Лесные существа обычно не показываются в дневную пору, но совсем без внимания оставить человека не могут и как будто для догляда посылают к нему черную ворону, которая изредка перелетает поблизости, тяжело взмахивая крыльями, усаживается на какой-либо сосне или ели и начинает громко каркать, напоминая о скрытой в лесу темноте и тайне.

* * *

Медведь отлично разбирается в настроении находящегося перед ним человека, но все же стремится побыстрее убежать.

* * *

Выпадет первый снег — и весь мир изменяется, так что кажется, и жить надо как-то по-другому — лучше...

* * *

Часто у тетеревов бывает так: большого весеннего сборища, которого обычно все от них ожидают, не происходит, но зато птицы яростно токуют в одиночку, кто где придется, и это никак не влияет на их радостное восприятие пробуждающейся природы.

Аккуратные головки мать-и-мачехи — как желтые граммофончики, которые радуют нас своей музыкой неслышно.

В осеннем лесу так тихо, что слышно, как ступают по сухой листве рябчики...

Смотришь зимней морозной ночью на таинственно сияющие далекие звезды и не боишься их потерять.

В марте по полям и в лесу еще лежат великие снега, но чувствуешь, как они полнятся вешней водой и уже не в силах сдерживать подъем сил в своей душе...

* * *

Дочке одной моей знакомой в школе задали придумать несколько предложений, о природе, в которых бы все слова начинались на одну букву. Мама девочки обратилась за помощью ко мне, и вот что из этого получилось...

Апрель азартно аккомпанирует аляповатыми аккордами, а август артистично аукает.

Бурый бычок бодает бедную буренку.

Выдра вертится в воде веретеном, вылавливая вертких выюнов.

Веселье волку — выть ветру вдогонку.

Весной всегда высыпают веселые веснушки, а вешняя вода все выводит.

Гулкими голосами гогочут у горизонта говорливые гуси.

Горазд глухарь греметь гордой гортанью.

Герасим-Грачевник гонит грачей гнезда греть.

Достопочтенный дятел деловито долбит дремучее дерево, добывая дотошливых древоточцев.

Дубовыми дубинами дубасят дураков.

Ели еле-еле ершатся ежами, ежи елей еще ершистей.

Жалко желтопузых жаворонков жгучею жарой.

Заря звонко заливается златогрудыми зябликами и зарянками.

Заяц — за зайнкой: знать, замуж зовет.

Злобным зверем завывает заморуха зима.

Изморозь истоиво изливает искрящийся изумруд.

Ил испещрен изящными иголочками: ибис ищет источник идиллии.

Коричневым комочком крадется колонок к камышовым корчажкам карасиков красть!

Лебедь ласково лелеет лебедят.

Могучего медведя манит мелкая малина.

Норка норовит незаметно набедокурить.

Осень окрасила оранжевыми оттенками облака.

По песку прытко побежало перекати-поле.

Песня перепела поутру полна подъема: «Пора полоть! Пора полоть! Пора полоть!»

Редко радуется разноцветная радуга.

Счастье сердобольной сороке — самозабвенно сокотать.

Синие сосульки свешиваются с солнечной стороны.

Тетереву токовать — только тетерок тешить!

Толстому тюленю тяжело тело топить.

Ушлый удод удит утлым удилом.

Фасон фазана — фантастично-феерический фрак!

Хороша хозяйственному хомяку халупа худыми холодами.

Цепко цедит цель царственная цапля,— цап!

Чи чайня чтит черный чибис частыми челобитьями?

Шилохвость шьет шелковистым шепотом шилохвоста шелестящий шум шальных шорохов.

Щедра щеголяет щеголеватый щегол.

Этак —эхо, эдак — элегия!

Юркий юрок ювелирно юлит юлой: «Юр-юл, юл-юр-р... Юрл-юрл-юрл!»

Язык ястреба — ясновиденье!

Вглядываясь в уходящую в глубину леса просеку, становишься еще более умудренным и загадочным.

Трудно представить в перевалистой неторопливой походке медведя его способность к молниеносной скорости и невероятной ловкости, но так оно и есть.

В зимние и без того короткие дни солнце, бывает, еще не успевает закатиться, а луна уж давно выключулась, засветилась неполным белым диском, будто никуда не исчезала, и у тебя

замирает сердце от ее нетерпеливой оголенности, с которой она пытается опередить время.

Когда по весне начинает пригревать солнце, крохотные синички вдруг становятся необыкновенно драчливы, и даже милый поползень ищет повода для ссоры.

Разноцветные, яркие платья деревьев в ясную погоду удлиняют осенний день, словно задерживая последние лучи солнца.

С раннего утра и до полудня собирал я однажды землянику, и так устал от надоедливых насекомых, что до станции решил добираться по железнодорожному полотну. Июльское солнце пекло неумолимо, и, шагая по шпалам, я не сразу обратил внимание на многочисленных бабочек, которые десятками витали над самыми рельсами. В основном это были переливницы ивовые, довольно крупные, отливающие перламутровой синевой, хотя среди них попадались и капустницы с боярышницами, крапивницы и «павлиний глаз».

Бабочки порхали вокруг разноцветным облаком и воспринимались летним днем совершенно естественно, но постепенно я обнаружил, что они не отлетают от насыпи, а держатся, как привязанные, у железнодорожных путей. Причем, невысоко, на уровне человеческого роста, извиваясь впереди нескон-

чаемой живой лентой. Я забыл и про комаров, и про землянику, и все никак не мог разобраться, что привлекает бабочек в столь неподходящем месте, когда вокруг так завораживающе тянутся к солнцу налитые травы, источают аромат цветочные поляны, повсюду стрекочут неутомные кузнечики?!

Но бабочки неустанно вились прямо под ногами, присутствие человека их ничуть не занимало и не отпугивало, и они были будто чем-то околдованы. Присмотревшись, я вдруг обнаружил, что многие из них вели себя, словно пьяные, перелетали как-то неровно, боком, некоторые вообще падали и, видимо, не в силах подняться, судорожно трепыхали крылышками. Временами попадались и вовсе окоченевшие, наверное, сбитые проходящими электричками, с изуродованными и разорванными тельцами, извалянные в пыли... Жалко было смотреть на эти беззащитные существа, еще недавно порхающие в воздухе живыми цветками.

Остановившись и отойдя немного в сторону, я стал наблюдать за происходящим и вскоре убедился, что виной необычному поведению бабочек был креозот, которым обычно обрабатывают шпалы, предохраняя их от гниения. Под палящими лучами едкая жидкость вытапливалась, превращаясь в густые матовые капельки, а бабочки летели к ним, привлекаемые исходящим дурманом, присаживались рядом и жадно пили, тотчас пьянея. Ни яркий солнечный день, ни его ласковое тепло, ни цветочный нектар уже не притягивали возвышенных насекомых, и им хотелось впитывать только этот неведомый, но чарующий для них «сок», с помощью которого они, наверное, уносились в еще более безоблачные и недостижимые дали.

* * *

Всегда жду весну, чуть ли не с осени представляю, как она нагрывает и вовлечет всех в свой ослепительный круговорот, но при этом никогда не тороплю ее, а дождавшись, не стараюсь оторвать побольше себе, и тогда она сама неторопливо заполняет меня до краев своим неиссякаемым богатством.

* * *

Если повнимательнее взглянуть в жизнь леса, то в чистых березниках заметишь промелькнувший было заячий хвост, в мглистых ельниках тебе померещится уже пристальное медвежье око, заросшие и тесные ольшаники покажутся чьей-то неразрешимой судьбой, редкие сосняки откроют щедрую и добрую сказку, а заматеревшие осинники нежданно-негаданно подарят радость постижения того, что всегда не давало покоя, пряталось, но все же однажды, погожим сентябрьским вечером, открылось в их серо-зеленых и чистых верхушках, на которых в лучах заходящего солнца грели золотисто-бурые грудки копалухи, а могучие мошники горделиво сидели рядом, изредка роняя в предвечерний воздух укромные капли-звуки: «чек-уоок, чек-уоок, чек-уоо-ок...»

* * *

Относиться к лесу следует так, чтобы он всегда был для тебя светел своей темнотой.

* * * Только у

волка в глазах мерцает луна...

Предзимняя морозная ясность так расчищает воздух, что долго ее вынести невозможно.

Хищный ястреб-тетеревятник уступает только своей самке: он меньше ее в размерах.

* * *

Ни про один гриб, кроме сыроежки, не скажешь, будто он повязал яркую косынку...

* * *

Торопливо, но тщательно плетет свои тенета паук.

* * *

Иногда в ноябре вдруг налетает какой-то ужасающе-несгибаемый, вселенский ветер, но от этого становится хорошо, а не страшно.

* * *

Однажды кем-то было сказано: вечность человеку не только недоступна, она ему просто не нужна.

На первый взгляд, вечность действительно не так необходима человеку, с головой погрязшему в перипетиях его настоящей и довольно непродолжительной жизни, но несомненно

ее невидимое присутствие, незаметно оказывающее свое воздействие. Чувство беспредельности и возможность в ней по-разному существовать всегда незримо проявляют себя в душе каждого, втайне настраивая ее на самые неодолимые задачи. Чтобы постигнуть, казалось бы, недостижимое, человеку следует отвоевать свободную бесконечность своего неиспользуемого времени.

Новые открытия ждут только в полной мере познавших ощущение дарованной им вечности. Вечность невидимыми пальцами прикасается к лицам тех, кто не устает смотреть на звезды, ловя исходящий от них свет у весеннего костра, в потаенной лесной тиши. Только весной исстрадавшаяся по дальней дороге душа способна воспринять его для будущей нескончаемой жизни.

Глядя на Венеру, которая во все времена года по большей части одинока, никогда не назовешь ее волчьей звездой.

Лесная тишина на самом деле не боится человека, не разлетается вдребезги от производимого им оглушительного грохота, а выдерживает любой злорадствующий напор и погребает его под собой.

Бывает, два оленя сплетутся рогами в схватке из-за самки и, не в силах разъединиться, оба погибают...

После ночного снегопада деревья в чаще засветились, как на солнце!

Розовый апрельский вечер, тишина... Старая прошлогонья листва, сквозь которую повсюду пробиваются подснежники, ударяет в нос ароматной сыростью, от парного воздуха, кажется, шевелятся и раскрываются почки... Все это — лучшая весенняя пора, которая называется в народе поэтично и просто — вальдшнепиная тяга, когда над оттаивающей землей, светлеющими верхушками осинки и оврагом, пересекающим поляну, проплывает молчаливая тень самки, за ней — утробно цвиркающий самец, и обе птицы, сбившись в комок любви, падают в кусты, время от времени вскрикивают там, а ты одиноко стоишь, смотришь на них и отчего-то чувствуешь себя опустошенным.

Земное подобие Вселенной — тишайшая и таинственная лилия... Раскрылась лилия — и весь мир как на ладони, закрылась — и засияла святостью сокровенной природной чистоты.

Дрожит последний лист в самой вершине осинки и будто мокрой ладошкой пытается затушить зажигающуюся звезду.

Темный-претемный лес в звездную ночь еще более затаивается в себе, устрашает, а в глухую метель, как ни странно, открывает душу низким снеговым облакам и ничуть не пугает.

С детства помню, как краснели ладошки от холода сосулек, но маленькие ручки не выпускали студень стволыки, сжимали крепко и наслаждались их прозрачной ребристостью. С особым удовольствием сосульки опробывались на вкус...

Бывалые охотники утверждают, что нельзя долго смотреть в глаза зверю, иначе он разозлится, но я ничего не могу с собой поделать, и все смотрю и смотрю...

Написание книги можно сравнить с появлением весной первого стебелька, только-только проклюнувшегося из земли, с его постепенным ростом, возмужанием и, наконец, цветением, которое навсегда остается в душе примером жизнеутверждающей красоты. Цветок созревает, распускается во всей своей красе и радуется собой мир; так и настоящая книга, задуманная, выношенная и написанная писателем, однажды приносит удовлетворение от приобретаемых благодаря ей знаний, учит более совершенной жизни и никогда не увядает.

Каждый шаг человека в лесу чаще всего связан с разрушениями: не ведая, ты превращаешь в развалины невидимые природные замки, которые, впрочем, быстро восстанавливаются.

* * *

Холодной сентябрьской ночью взвыл где-то волк, и на душе стало тепло и покойно.

* * *

Перламутрово-розовый снег слетает с небес в декабре, в ян варе валит темно-вишневый, а в феврале залепляет глаза фиолетовый, с непонятно тревожащими радужными отсветами...

* * *

Стылый северо-восточный ветер пронизывает до костей, стоит только за чем-нибудь ненадолго выскочить из дому, а взъерошенные воробьи что-то щебечут без умолку, усевшись друг напротив друга, и не обращают на ветер ни малейшего внимания.

* * *

В лесу еще не распустились на деревьях почки, а волчье лыко уже красуется розовыми лепестками, которые появляются на совершенно голых кустах даже раньше листьев.

Первая пороша не искрится, не ослепляет, а светится как бы ненароком, с лукавой улыбкой...

Январь незаметно и естественно переходит в февраль, февраль — в март, апрель своевременно вытекает из него бурными ручьями, и неудержимо рождает красавец май, а за маем уже нетерпеливо подступает июнь, его, в свою очередь, торопит роскошный июль, и вот уже довольный август выносит из июльских недр бесчисленные плоды, которые не утомляют и сентябрь, октябрь же — будто брат-близнец первому осеннему месяцу, который, несмотря на угасание в природе, ничего в ней не нарушает... И только бедолага ноябрь неприкаянно маяется своим иссеченным дождями неустроенным нутром, надрывается под нескончаемыми холодными ветрами и все ждет не дождется, когда, наконец, ступит на землю крутой воевода декабрь и успокоит его исстрадавшуюся душу.

* * *

Весной, задрав голову к небу, пытаешься угадать: друзья ли тебе изредка вскрикивающие гуси или они сами по себе, без каких-либо привязанностей, и просто отрешенно стремятся на свою северную родину, ничего не замечая?

* * *

Отлочишь льдинку от закраины ручейка и смотришь сквозь нее на скособоченную ограду, а там — целый пейзаж, стягивающий в себя весь огромный весенний мир.

* * *

Лес — огромная тайна, полная знаний, и он так мудр, что готов учить каждого из нас, если мы станем его слушать.

Все печальней отголоски осени, а рев лося становится еще более призывным!

Звездная рождественская ночь — это какой-то торжественный зимний сон, который с самого детства празднично сияет в твоём воображении и, кажется, никогда не погаснет.

Утки проносятся над головой всегда со свистом, а в воду — шлепаются.

В лощинах, где теряется солнечный луч, раскидывает перистые листья папоротник — ключ к отысканию кладов, по древним народным поверьям. В ночь на Ивана Купалу ходили смельчаки за его волшебным цветом и не могли найти, объясняя свои неудачи вмешательством леших и ведьм. В своём воображении я тоже отправляюсь сказочной ночью в лес и ищу огневой цветок папоротника, который вот-вот должен появиться и зацвести. Но он почему-то никак не показывается, хотя и сильно ощущается где-то совсем рядом, близко...

Там и днем сумрачно, а полная темнота наступает незадолго до полуночи, скрывая даже белостволье берез. Ходишь, ищешь и все не можешь отыскать волшебства, которое, кажется, почти нашёл. Что-то еще более значительное, чем трепещущий

в ночи очарованный цвет, не допускает тебя к этой ослепительной тайне.

Всего лишь месяц проходит после торжества глухариних токов, когда, казалось, для тебя не существует в жизни ничего, кроме этого весеннего возбуждения, затмившего самое дорогое, а только забываешь в макушку лета о весне, наслаждаешься его великодушным жаром и летишь над теплой землей, не помышляя ни о чем.

Весенний ветер так силен, неудержим и напорист, что и рад бы, наверное, где-нибудь передохнуть, да зацепиться не за что.

Удивительно точен русский язык, нет в нем ничего лишнего. Вот, казалось бы, что тут мудреного: пурга пуржит, вьюга вьюжит, метель метет, все одно и то же — снег да сильный ветер. Но метель, как метла, метет понизу, вьюга сверху крутит и вьет, а пурга знай снежной пылью курится, урчит и высоченные сувои к небу вздымает.

Даже если лес только еле слышно что-то нашептывает тебе, ему следует беспрекословно подчиниться.

...Однажды всю ночь преследовал меня одинокий волк. Волк ничего не грыз, не рвал, никуда вроде бы не стремился, а если и делал что-то, то так, что его можно было неторопливо рассмотреть. Словно все, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить, двигаться, смотреть по-волчьи равнодушно и как бы недобро.

Волк оставался открытым взгляду и воображению целую ночь. Похоже было, что он словно проживал вместе со мной мои мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо, полагая их для себя безопасными.

Волк все время находился в поле моего пристального внимания. Стоя на заснеженной утопанной опушке, он изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от вынужденного безделья, даже некоторой настороженности. Медленно поворачивал лобастую голову, косил мимо застывшим от постоянного напряжения собственной жизни взглядом... Мерно вздрагивающий в раскрытой пасти язык почему-то не обжигал жаром страха: он вызывал в душе, скорее, какое-то неустройство... Когда же язык показывался наружу, волк на мгновение казался и вовсе добродушным зверем.

К телу подступала приятная скованность, когда волк начинал двигаться. В такие минуты я не страдал и меня не одолевали разрушающие сомнения, а просто охватывала обыкновенная тихая жуть, которую почему-то также приятно было преодолевать.

Кружа по полю и приседая на задние лапы, волк изредка схватывал губами хрупкий снег, низко прижимая голову, ози-41

рался. Ему не составляло труда контролировать местность, тишину застывшего леса, приглушенные зимой запахи, не проявляя ни к чему окружающему своего пристального интереса. Озирался он как будто в поисках чего-то утерянного, но ни разу не снизошел про этом до открытого недоумения или растерянности.

Порой волк отрешенно замирал, и непонятно было, вслушивается ли он в холодное завывание ветра в верхушках деревьев, шуршание сухой поземки по мерзлому насту или его изощренное чутье скользит где-то рядом, ни на чем конкретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, сердце начинало учащенно биться, и кровь одурманивающе немела в жилах от его безутешного воя, одиноко плывущего над лесом. Проникая в душу, вой оседал в ней невятной опасностью, а на лес навевал состояние безмолвия и пустынности.

Время от времени зверь видоизменялся, слабо пульсируя то в одном, то в другом обличье. Но в любом случае было очевидно, что это волк, о котором я, оказывается, думал... во сне. Видение это не было чем-то пугающим,— сон приятно тревожил и обескураживал, словно мне самому предстояло вот так же скитаться, самозабвенно что-то искать и отупело выть на мерцающую в облаках луну, может быть, к кому-нибудь проситься?

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымаливает у судьбы подаяния, что он необыкновенно горд дарованной ему волей и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришел ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из какого-то древнего забвения, извлек своей памятью из таинственного глухого леса,

потому что он был мне нужен. Волк, наверное, уже давно был моей судьбой, не принимающей слепого смирения даже перед божьей милостью, а желающей только одного: неутомимого поиска, и я был благодарен зверю за то, что он поверил мне и отозвался.

* * *

Совсем не хочется объяснять людям, что зимний день в лесу может быть красный, синий, даже перламутрово-зеленый, но никак не белый.

* * *

Весенний наряд тетерева-косача лирообразен, красноборов, головокружигелен, самки же — практически выдержан в цветах лесной подстилки из прошлогодних листьев и увядшей травы.

В фиолетовых колокольчиках отстаивается нежная лазурь утра, зреющая синь дня и сгущающий лиловый вечер...

Крылышко стрекозы прозрачно и хрупко, а между тем — всем открыто.

* * * Человек старается скрыть в себе то, что обнажено в природе,— половую страсть, борьбу, озлобленность гордеца за справедливое возмездие, но, обращаясь к ней, не замечает там всего этого, обнаруживая только радость.

Слушай весну — и ты услышишь самого себя.

И у волка, и у зайца, и у рыси с лисицей следы по белому снегу — синие...

Тянет в щели лесной избушки смоляной душистый ветер, сбивает набок язычок пламени на фитиле, но от этого он светит еще ярче, ровнее, рождая дорогие сердцу воспоминания, и хочется опять не мешкая отправиться в путь, познавая тайны лесной жизни.

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру... Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребенком. Она неугомимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлепала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе и выдра использовала горку неоднократно, потому как от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь...

С тех пор прошло немало лет, многое изменилось в моей жизни и в лесу, но я неизменно по дороге на глухариный ток захожу туда каждую весну и, прежде чем выйти на берег,

осторожно выглядываю из-за деревьев: а вдруг выдра опять там?!

* * * В теплом хлеву мирно жует солому домашний скот, а за окнами — безудержный ветер и снегопад.

Послушай хотя бы один вечер, как переговариваются между собой на лесном озере гуси, и ты непременно проникнешься важностью их беседы.

* * * Прелесть жизни заключена в том, что таинственно расцветающая июньской ночью фиалка обыкновенно бывает... белая.

* * * Лепестки ромашек, будто реснички, ближе к вечеру, кажется, удлиняются, загибаются на самых кончиках и осторожно прикрывают уставшие за день желтенькие глазки.

Душа человека слагается из всего, что окружает его в природе.

* * * Талая снеговая вода стоит между березами налитая, тягучая, и от нее веет такой душистой прохладой, что покажется вдруг,

будто это березовый сок наполнил собой все пространство в лесу, воздух стал необыкновенно свеж и сочен, и после ослепительного царства света в природе сразу наступила самая благодатная пора.

Черные жуки в своих обтекаемых панцирях похожи на чопорных господ в смокингах, сине-зеленые сухие стрекозы напоминают балерин в прозрачно-блестящих пачках, мохноногие пауки — волшебные чудища с восемью глазами, а улитки-невидимки со спиралевидными, тонко вылепленными домиками-кувшинками — будто заколдованные злой принцессой дворцовые слуги, и все они — герои чудесной сказки, в которую, как в детстве, до сих пор страстно хочется попасть и быть очарованным.

При всей красоте природы бесполезно искать гармонию вокруг себя! Гармония живет внутри нас, только в мудром согласии души и тела, и уже через это мудрое сочетание выходит в мир, укрепляясь в нем всеобъемлющим и радостным жизнелюбием.

Лесному человеку не дано знать, когда призовут его лесные боги, но он каждую минуту должен помнить об этом и ощущать их невидимое присутствие.

И мышь-полевка может взобраться на дерево, спасаясь от вешней воды...

Следы на снегу — это не только лесная примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет свое имя. Заячий — малик, лисий — на-рыск, волчий — сакма, медвежий — переступы, след такого мелкого зверька, как горноста́й или ласка,— побегка, а чуть видные кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям. Торный же след выдры или ондатры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовется лазом. Все они друг на друга не похожи, как и звери, которые оставляют о себе на снегу хрупкую память и всю зиму безуспешно от нее убегают...

Грустно порой становится от того, что не находишь истинной осмысленности в поведении животных и птиц, которую им обычно приписывают. Вот дятел выдалбливает в крепких сушинах многочисленные углубления, и все уже склонны видеть в этом его заботу о пернатых, а не собственную ни с чем не сравнимую и неутолимую жадность в добывании лакомых личинок. Всегда замкнутый в себе дятел большую часть времени проводит в поисках пищи.

Но дупла, как никак, все же достаются птицам, укрывая

их в лютые зимы от холода, а осенью — от нескончаемой сырости и ветра, и, убедившись в этом, начинаешь неожиданно для себя сознавать, что дятел — птица необычная, отшатнулся ты от нее в мыслях напрасно и благодарным ему обязаны быть многие из лесных жителей. Дело это немаловажное в жизни, где каждый норовит в первую очередь позаботиться о своей сохранности.

Так, подивившись чудному лесному миру и его приятной, на первый взгляд, неразрешимости, постепенно придешь в себя, успокоишься, а грусть незаметно улетит, словно ее и не было.

Огромные, похожие на слоновьи уши листья лопуха на ощупь теплые...

Ноябрьские синие тени быстро укорачиваются, исчезают, но издвигающейся в природе темноты постепенно вырастает огромное желание света.

Старые лысые пни не похожи на монахов-богомольцев, но свое вынужденное смирение несут по-божески, достойно.

Обычно сухая и надоедливая стукотня дятла весной наконец-то приобретает нежность капли.

Несмотря на то, что летом хватает тайны — и в ранних вос-
торженно-проникновенных восходах, и в неопишимо очаровательных
розовых закатах, которые не хочется упускать, и в слепых солнечных
дождях, осеняющих землю еще более золотистым живительным
светом,— только зимой тайна по-настоящему необъяснима, сказочно
обворожительна и так загадочно тиха, что кажется, будто она
постоянно находится рядом, все о тебе и всех знает. но не спешит себя
проявлять, как бы предоставляя возможность самому постигнуть ее
завораживающую глубину.

* * *

С виду глухая стена леса на деле оказывается нескончаемой
глубиной.

* * *

Темно-бурый и белоногий, под стать пожухлой коричневой
листве и молоденьким березкам, среди которых он часто стоит, лось
даже в оголенном осеннем лесу остается незаметен, и если наконец
выбирается на открытое место и осторожно преодолевает просеку или
полянку, все равно убеждаешься в его изумительной слитности с
лесной чащей, когда зверь вроде бы и пересекает пространство, но
получается это у него опять же как-то неприметно.

* * *

Когда вокруг ни души и над лесом одиноко блуждает холод
ная луна, еще сильнее хочется быть человеком.

49

Никогда не увидишь, чтобы одинокий ворон летел куда-нибудь торопясь.

Поздней осенью, когда все работы в саду были завершены, решил я избавиться от старого куста смородины, который изрядно иссох, уже давно перестал плодоносить и лишь занимал место. Выкопал его, тщательно высвободил толстые корни и отнес в самый дальний угол огорода, где обычно складывал ненужный хлам. Так куст и остался там лежать на всю зиму, с неестественно торчащими ветками и повисшими на обнаженных корнях лохмотьями земли.

А весной, когда зацвела черемуха и распустились тюльпаны, смородина неожиданно покрылась множеством набухших салатно-сиреневых почек, которые тоже стали распускаться и набирать цвет. Сначала я не придавал этому значения и просто не обращал на куст внимания, но он вскоре зацвел в полную силу, и это — лежа на боку, совершенно оторванный от земли... Вот тогда я и попробовал вновь его посадить, наскоро выкопал яму и удобрил землю. Куст как будто воспрял, и мне даже показалось, что в этом году он начнет плодоносить...

Но к середине лета, несмотря на тщательный уход, смородина стала подсыхать, а листочки свернулись и постепенно опали. Местами кора даже отошла от веток, повисла струпами, и к сентябрю куст выглядел безжизненным и жалким. Почесав в затылке, я в сердцах выкопал куст и опять оттащил его в дальний угол, думая, что теперь уже навсегда.

Бедному кустику давно бы погибнуть, да случилось так, что к очередной весне он вновь сумел зацепиться за жизнь, весело распустился, и мне ничего не оставалось, как во второй раз его посадить. По всему было видно, что куст чувствует себя не так уж плохо. А вскоре смородина не только выпустила листья, но и зацвела, погнав к теплу и свету новые побеги, которые совсем, должно быть, не задумывались, кому они обязаны своим возрождением. Жизнь в смородине по неизвестной причине дружно взялась за работу и даже в таком невыгодном положении она опять обрела надежду.

Все лето смородина, ничем особым не выделяясь, распускалась, цвела и плодоносила. Ягод, правда, было немного, в основном мелкие, но ничего лишнего куст не требовал. Я уже было уверовал в его жизнеспособность, как вдруг безмятежное существование необычной смородины нарушилось: она быстро начала чахнуть и к осени засохла. Чего-то не хватало ей для полной красоты и гармонии, а я никак не мог помочь, видимо, лишь доставляя мучения... Выход оставался один: выкопать, причем окончательно.

И вот уже третий год подряд я выкапываю свою сухую, безжизненную смородину, отволакиваю ее в захламленный угол, а сам про себя рассуждаю: если смородина все-таки зацветет на будущий год, то что же — мне опять ее высаживать?!

Июльские стога сена чутко хранят в себе память всех цветов и навевают светлые думы, которые проплывают над тобой, как облака, если упадешь в стог навзничь.

* * *

Осенью все мысли медленно и неумолимо устремляются вниз, в корни, в какую-то неведомую, бесконечную глубину, и оттого душа начинает жить размеренно, с затаенной загадкой на неторопливую и длительную работу; весной же каждый день горит как последний, но, догорев, не угасает, а через какое-то время вновь разгорается с еще большей силой, а ты даже не задумываешься об истоках своей радости и только тянешься ввысь, к свету.

* * *

Ни одному русскому не придет на ум снимать с прелестной ножки весны мерку, потому как каждый еще загодя, может быть даже со Сретенья, ясно обрисовал ее форму в своей душе.

* * *

Только пройдя долгий лесной путь, постигаешь, что нет силы без знания и нет знания без муки.

* * *

Человека можно обманывать бесконечно, зверя — только один раз.

Даже в самых далеких землях, за множеством рек, лесов и морей, живут близкие всем нам боги.

* * *

Нет у тебя ни ножа, ни карты, ни компаса, а только чуткое сердце, но именно оно и есть незаменимое оружие в дремучем лесу.

* * *

Если даже неумело завоешь волком, он обязательно отзовется.

* * *

В лесу я охочусь не за птицей или зверем, а за счастьем увидеть и воплотить это увиденное в живом слове.

* * *

Из всех диких животных олень, пожалуй, самый красивый и благородный, но в его прекрасных глазах всегда почему-то таятся непреодолимая тревога и скорбь.

* * *

В первые дни зимы, с пробными ядрёными морозцами, в воздухе носится нечто неуловимое, но такое предрешенное, что сердце приятно обмирает от ощущения будущих жестоких холодов и непрекращающихся забот о домашнем уюте.

* * * Птенцы-поршки всех птиц, как и дети у людей, удивительно доступны в своей трогательной доверчивости, и совсем не хочется, чтобы они росли и крепили, все более отдаляясь.

Прелесть сбора грибов, заключающаяся главным образом в неожиданном обнаружении, под стать их появлению в самых непредсказуемых местах.

Пижма вроде бы отошла, стебель и листья ее пожухли, покрылись за лето обильной пылью, но жёлтенькие бутончики только набирают цветосилы и поднимают к небу новые гроздья ярких маленьких солнышек.

Прямые ногами опавшие листья будто вновь на миг оживают, озаряясь последней прекрасной улыбкой.

В июльский зной ветер не в силах пошевелить даже листик осины.

Весной сидеть в избе никак невозможно: летят птицы.

Выкопали у меня однажды по осени все яблоньки, которые так дружно взялись, зашелестели и раскудрявились, что пригорюнился я и с разочарованием в сердце решил больше ничего не садить... Но пока длилась лютая зима, все же переживал,

вспоминая про них, а как начал сходить снег, вдруг подумал: кто знает, не явится ли погубившее молодые деревья зло той причиной, которая зажжет в моей душе неувядающий сад? И в скором времени взял да и посадил на место выкопанных новые яблоньки.

В старину особые умельцы ладили на зверя такие чуткие капканы, что их заглавную часть называли душкой, или душой, как и у человека.

Издали вороны кажутся зловещими, но, приглядевшись к ним вблизи, вдруг отмечаешь их трогательную неуклюжесть и какую-то неприкаянную растерянность. Вороны, должно быть, погибли бы в одиночестве, очень его боятся и хорохорятся, чтобы никто этого не заметил.

Очень важно уметь приспособить окружающий мир себе на пользу, не принося ему никакого вреда. Для этого нужно научиться распознавать природные знаки воды, земли, леса и звезд, которые очень просты, именно этими знаками изъясняется с нами Бог, и только по ним однажды приходят к каждому человеку повеления изменить свою собственную судьбу, но многие так ничего и не замечают.

Всем нам следует неукоснительно исправлять себя, совершая ответственные поступки на пути познания мира. И, совер-

шив, не ставить их себе в заслугу. Человек должен оставаться отрешенным от своих побед и в то же время находиться в мудрой взаимосвязи со всем. Будет очень хорошо, если он не станет воевать с этой поразительной природой, а заинтересуется ее загадками и неизмеримостью. Человеку надлежит быть ответственным за чудесный мир, в котором он живет, несмотря на то, что он здесь не хозяин, а всего лишь гость, и, наверное, никогда не раскроет все его чудеса до конца, но обязан к этому стремиться.

Ондатра — единственный зверь, кто в половодье умудряется изготовить маленький плотик из мусора, на котором и спасается, безопасно для себя переживая десять — двенадцать дней высокой воды.

Ранним туманным утром, задрав маленькие аккуратные головы, степенные журавли отрешенно и даже несколько устрашающе выступают навстречу друг другу, предвещая тем свои торжественные свадьбы, а невидимые росинки весело скатываются по клаукающим клювам и, блеснув на миг, никем не замеченные исчезают среди перьев...

Как крепко прилепляется к стволу дятел, как слитен он с тем, без чего не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждет, когда птица подлетит, присядет

и тщательно прослушает его. Дерево замрет на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если птица улетит — облегченно вздохнет: дятел ничего не обнаружил, значит можно продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на ветру, втайне оставаясь благодарным неутомимой птице.

Легкий ветерок холодит мокрые плечи могучих елей, и их прохладные ветви заботливо прикасаются к твоим разгоряченным щекам и шее.

Еле слышно, тише, чем вполголоса, провозгласит старый ворон какое-либо известие, и оно разносится далеко-далеко и будто совсем не тает.

Сходство поступков и действий зверей с человеческим поведением меня не озадачивает и не удивляет.

Весной воздух звенит от щебета птиц, летом их пение в нем утопает.

* * * Теплое тетеревиное перо в жаркий августовский полдень приятно холодит ладонь...

Любишь животных, птиц и растения — постигнешь однажды божественную тайну.

* * * Как только затихает вдали протяжный гудок электрички, и ты остаешься один на маленьком полустанке, немного погода из тьмы заснеженного леса выступает его душа и как-то незаметно перевоплощается в твой собственный дух, готовый слиться с любым деревом, шорохом или зверем.

Махонькие воробьи, заранее предугадывая непогоду, дружную гурьбой жмутся под застрехой, тогда как человек ничего не чувствует и все норовит, несмотря ни на что, воспарить гордою птицей.

* * *

Затерявшийся огонек фонаря в пургу мерцает волчьим зрачком.

* * *

Когда-то мне очень захотелось посмотреть на невиданную мощь природы, ради чего пришлось пожертвовать очень многим и уехать аж к Тихому океану, но я и не догадывался, что еще в детстве спокойно увидел эту мощь в лесу...

Величавость Вселенной создается из крохотных частичек

красоты, и каждый должен воспитывать ее в себе неустанно, в течение всей жизни.

Сколько уж лет прошло, а все хочется, как в детстве, спрятаться в траве, затаиться в ней и, слушая звенящую тишину летнего полдня, мечтать о том замечательном, что тебя обязательно ждет и никогда не минует.

В общении со зверями больше надеешься на их удивительное добродушие и благоразумие, нежели на собственное умение.

Когда сижу напротив жарко пышущей печки и смотрю не отрываясь на огонь — как будто заглядываю в какую-то нескончаемую даль и постепенно обретаю самого себя.

Весь сентябрьский день провел я в лесу, отмахал без малого двадцать верст, а кроме двух рябков так никого и не встретил. Лишь под вечер забрел на старый заброшенный покос, спускающийся к глухому логу, и неожиданно потревожил у опушки крупного лося. Лось неторопливо обрывал мягкими губами листья со свисающих до земли ветвей осины, вздрагивал ушами, изредка замирал и прислушивался, а завидя меня, не испугался и так же неспешно двинулся вниз, к логу.

Я стоял как вкопанный и не отрываясь наблюдал за ним. Сохатый же никак не реагировал на мое присутствие, лишь однажды замер посреди поляны, оглянулся, мотнув рогатой головой, и тотчас рядом с ним взмыли в воздух две золотисто-рыжие копалухи. Лось мирно всхрапнул, и только ступил несколько шагов, как из-под самых его ног прыснул серовато-белый заяц, метнулся сначала в одну сторону, затем — в другую и, совершив огромный затяжной прыжок, исчез в елках. Все это происходило секунды, лось еще не скрылся в лесу, мерно переставляя свои ходули-ноги, и когда я подошел к тому месту, откуда вспорхнули глухарки, то обнаружил в траве два чистеньких подберезовика...

* * *

Лица деревенских людей, их простые деревянные дома, лес за покосившейся околицей и низкое серое небо над ним могут быть очень печальны, даже сиротливы, но в них никогда не ощущается равнодушие.

* * *

Упруго и мягко вспархивает затаившийся в еловой чаще рябчик, будто надорвали кусочек шелка,— «пр-р-р-р-р», но если обмолвятся меж собой охотники, что рябчик испугался и улетел, з-а-г-р-е-м-е-в (!) крыльями, все воспримут это вполне обычно, как должное.

* * *

Более всего почему-то соблазняют звезды именно Большой Медведицы. У каждой из них, оказывается, есть имя, узнав ко-60

торое, хочется, неспешно произнося его, молиться: Дуббе, Фекда, Алиот, Бенеташ, Мизар...

* * *

Самый молодой снег не сочетается ни с ельничком на взгорке, ни с завалившимся огородом, ни с самой деревней, а только кричит!

* * *

Тихим августовским вечером вернулся я из леса с полной корзиной грибов, а соседка, баба Шура, не дав мне толком передохнуть, тотчас прислала своего сына. Мальчик заболел,— сообщил он недоброе известие, и на мой недоуменный вопрос: «А я-то здесь при чем?» — ответил: «Слово какое-то знаешь, так бабушка сказала. Она тебя ждет...»

Слова я, конечно, никакого не знал, и все это показалось мне очень странным. Но, решив, что старый человек просто так говорить ничего не станет, поставил грибы в тень и отправился к соседям, захватив кусок батона и плавленый сырок. Думаю что в первую очередь меня подогревал интерес, к тому же очень хотелось посмотреть на Мальчика: какой он, отчего заболел и действительно ли я смогу ему чем-нибудь помочь?!

К телятам у меня всегда было однозначное отношение: они мне нравились. Нравились их озорные, с длинными ресницами глаза, вихрастые взлобки, которые хотелось погладить, и симпатичные ножки с аккуратными копытцами. Телята широко расставляли их в разные стороны, будто боялись упасть, и, не мигая, настороженно рассматривали того, кто пытался прибли-61

зиться к ним, как бы норвя вот-вот кинуться навстречу и забодать. Они были милые, непредсказуемые и непременно что-нибудь выкидывали.

Именно таким оказался Мальчик, но только сейчас он был печальный, как будто неживой. Мальчик лежал, уткнувшись сухим черным носом в солому, и отрешенно смотрел перед собой. Когда я вошел в конюшню, он даже не повернул голову, а только тяжело и коротко вздохнул. Весь вид его предполагал удрученное состояние духа, он был не похож на самого себя. Бабушка, перекрестив меня и не говоря ни слова, открыла в загон калитку...

В первое мгновение я ступешался, присел рядом с теленком и погладил его по голове. Мальчик никак не прореагировал на мое прикосновение. Я достал из кармана сырок, отломил кусочек батона и хотел было уже поднести ему свой гостинец, но в последний момент передумал. Я вдруг остро почувствовал, что теленку нужно нечто другое, вот именно в этот момент он ждет решительной помощи, сам не в силах чего-либо предпринять. И как-то само собой открылось: Мальчика необходимо поднять, поставить на ноги.

Обняв теленка, я попытался стронуть его с места, но он оставался недвижим, и только вместе с сыном бабы Шуры нам это довольно быстро удалось. Мальчик, сначала привстав на колени, как-то отрешенно всхрапнул, закашлялся, а потом вдруг неожиданно резво мотнул головой и выпрямился. Ножки его еще какое-то время вздрагивали, но уже чувствовалось, что он воспрянул.

Теленок стоял, не решаясь двинуться в какую-либо сторону, и я чуть подтолкнул его к кормушке с водой... Мальчик, как

ни странно, сразу тронулся с места, ткнулся носом в темную воду и тихонько залакал. Сырок он есть так и не пожелал, а пил жадно. Мальчик воскрес!

Тем же вечером я уехал в город и вскоре забыл про теленка,— слишком несущественным показался мне этот случай, не поверил я в свои силы. Вернувшись через неделю в деревню, я принялся копать картошку. Вскоре к забору подошла баба Шура, тихо окликнула и говорит: «Оклемайся ведь твой подопечный, деда вон вчерась чуть не окрестил задними копытами... Одно слово — колдун». И улыбнулась в сморщенный кулачок. А я тогда подумал: бабушка меня таким образом зачем-то проверяла...

Отправившись в лес и повстречав там зверя, который вдруг попытался напасть, глупо было бы обвинять его за это. Будучи увлеченным чем-либо в лесу, ты в то же время должен оставаться отрешенным от него, чтобы не пойти на поводу у страха, а поэтому и лес, и зверя необходимо воспринимать как нечто обыденное, вполне естественное. Именно так, принимая лесное естество и себя в нем, ты увеличиваешь свои шансы на пути обретения знания и собственной безопасности, когда никакой зверь, чувствуя твое продуманное состояние, тебя не тронет.

В особо лютые зимы волки даже могут выгнать медведя из берлоги и загрызть.

В декабре, когда все наконец укрывается снегом и взгляду, кажется, не на чем остановится, начинаешь замечать огромное небо, в котором незаметно утопаешь, как в пуховой перине, и вскоре уже не помышляешь о возвращении на землю, хотя вокруг только голые облака, призрачный свет и бесконечные серые дали.

Я очень люблю лес, море, цветы и землю и думаю, что никогда к этому не привыкну.

Огромные ярко-оранжевые глаза филина смотрят так пристально, что в них произвольно угадывается глубокая мысль...

Иной раз заслышишь впереди дробную дятлову стукотню и тотчас несколько разочарованно подумаешь: опять дятел, встреча с которым ничего нового уже не принесет, поскольку за свой лесной век понасмотрелся ты на этих птиц вдосталь, все, кажется, про них прознал и ничем тебя не удивить! Остановившись от дятла чуть поодаль, решишь немножко передохнуть и, оперевшись на палку, станешь без всякого интереса наблюдать, как он небрежно и в то же время размеренно взмахивает головой, отбрасывает в сторону щепку и вновь ударяет: «Тук-тук, тук-тук, тук-тук!» Стоишь, смотришь и постепенно вдруг начи-64

наешь замечать, что дятел прикладывается к стволу не как придется, а аккуратно, будто его... целует.

Не чудо, если глухарь начнет кланчить у вас кедровые орешки или, тем более, принимать их с руки,— чудо, когда он по-прежнему будет пугать человека неожиданным взлетом и оставлять в неведении относительно своей древней судьбы.

Вспугнутые с лесного пруда утки поднимаются винтообразно, совершая каждый круг шире предыдущего, а достигнув недосыгаемой для выстрела высоты и убедившись в отсутствии для себя опасности, так же постепенно, сужая круг за кругом, снижаются и опять садятся на воду. Но прежде чем опуститься, они хотя бы раз пронесутся над твоей головой и всегда поприветствуют, чуть покачивая крыльями, если ты идешь без ружья...

Драка тетеревов на весеннем току — это проявление жизненной энергии, бьющей через край, а не злобное стремление во что бы то ни стало победить возможного противника.

До чего же хороши наши вороны, что даже карканьем могут приветствовать снегопад!

По мере того, как приближается момент появления птенцов, самка ястреба все чаще наклоняется к яйцам, трогает их клювом и прислушивается, а иногда что-то тихо произносит.

Как ни странно, состояние безудержной ярости совсем не присуще природе зверя, а любо человеку, который таит его в себе, не хочет с ним расставаться и может вызвать в любой момент.

Многие птицы, которые прилетают к нам на зиму, при виде кормежки тотчас рассыпаются кто куда, но вот чечётки всегда держатся сплоченно, кормятся на одном дереве и даже на придорожную траву опускаются все вместе.

Гаснут в небе звезды — и все более разгорается в лесу птичье пение, будто просыпающиеся птицы — это потухшие небесные светила... Исчезнет одна звезда — и пробудится зарянка. Не станет двух звезд — засвищет пара дроздов. Слушаешь целое утро, смотришь, считаешь и только диву даешься: сколько же их прилетает к нам на самом деле в весеннее время, поет, радуется да еще выводит птенцов, а наступит ночь — птицы, кажется, опять перебираются на небо: светят призывно, завораживают своей переменчивой тайной и томятся ожиданием первозданного утра.

Многим представляется, что городские воробьи избалованы жизнью, которая бьет в них ключом но, понаблюдав попристальной, убеждаешься: маленькие птички вынуждены быть вездесущими, чтобы хоть иногда потешить себя лишней крошкой или семечком.

В неустанном куковании кукушки в весеннем лесу слышится нескончаемая влюбленность.

Счастлив тот, кто, не истратив себя, продолжает всю жизнь учиться, и как хорошо это выходит в общении с природой.

Красиво, как древние письма, вычерчиваются по первому снегу отпечатки лап сорок и ворон, и обыкновенные, порядком надоевшие всем за лето птицы сразу начинают представляться неизведанными.

Когда темнеет, лес, кажется, надвигается на деревню, и ты чувствуешь, как он пристально всматривается во всё, вслушивается, но никого не пугает.

Всего лишь птичка-кроха пискнет за густым переплетением ветвей, но зачем-то начинаешь подбираться к ней потихоньку, терпеливо высматриваешь и сразу обо всем забываешь.

Завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией волчьей тоски, но так ли тосклива волчья песня, действительно схожая по звучанию с самой свободной стихией?!

Вынужденная отыскивать корм даже в жестокую стужу, ворона неуклюже ковыляет на одной ноге, спрятав в перья другую, время от времени меняет их, а чтобы не потерять равновесие, подпирается полураспущенным крылом.

Про обычную ветвь всем известного дерева, хотя бы той же ели, женщина всегда скажет: «Я заслонила веткой», а мужчина: «Я смотрел сквозь нее».

* * * Маленькие стаи пернатых шумливы, быстры и всегда норовят опередить весну.

* * * Было дело, подстрелил я на заброшенной пасеке выпорхнувшую из-под ног серую куропатку... Куропатка театрально

спланировала прямо на деревянный настил у домика и, раскинув крылья, замерла. С переломленным ружьем, ничего не подозревая, я подошел к ней почти вплотную и уж было протянул руку, как птица неожиданно встрепенулась, неуверенно приподнялась над землей и бочком-бочком, постепенно выправляясь, улетела...

Камни на дне потаенных лесных ручьев всегда смотрят на склонившегося человека зеленовато, влажно и очень целомудренно.

Глухарю безразлично, что в своей восхитительной страсти он никому не видим, человек же безвестности не выносит, даже если умудрился сохранить в сердце цветы жизни.

Когда ястреб нацеливается в броске на увлеченно долбящего шишку дятла, тот, заметив опасность, не спасается бегством, а ловко шмыгает в последний момент на другую сторону ствола и возобновляет свою работу.

Замершую весеннюю тишину может разбудить даже трепетное биение твоего собственного сердца.

Все в природе почему-то воспринимается как должное: чижи всегда первыми шелушат орешки, семечки и чешуйки, а чечетки довольствуются оставшимся, и их это вполне устраивает.

Человеческая жажда полета — есть, на деле, слитность земли с простором неба.

Из оврага хочется поскорее выбраться, а в лог — спуститься.

«Все есть яд, и все есть лекарство, тем или иным делает лишь доза»,— гласит древняя мудрость, и это «все» создал Бог, который намеренно предположил существование в природе двух противоположностей, призванных к мудрому соединению. Белоснежная пороша, укрывшая перегнивший черный лист, брачное оперение самца, скрашивающее блеклое одеяние самочки, разомлелый дневной жар бабьего лета, сменяющий пронизывающий холод сентябрьского утренника,— все это две ладони, способные сомкнуть в себе, а потом раскрыть торжество и красоту Вселенной. И даже если переборщишь с мерой и она вдруг обернется тьмою, то надо понимать, что и мир тьмы — это не какая-то иная, чужая жизнь, а именно дарованная нам Богом, которая по-своему замечательна, и ее необходимо знать, но куда мы все же так боимся заглянуть и уж совсем не жаждем в ней открытий.

На птицу невозможно смотреть просто снизу вверх, а всегда только с открытой душой и ясными глазами.

Чарующие сине-голубые цвета — это и мартовское небо, и трепетные кустики вероники вдоль июньских дорожек, и нежные крылышки бабочки-голубянки, порхающей все лето над цветами, но невозможно выразить только через голубизну всю пронзительность влюбленной души...

Манера охоты у стрижей и ласточек одинакова, но первые — стремительны, а вторые отличаются юркостью.

Все, что происходит вокруг скворца, составляет лишь музыкальное отступление, после которого и начинается его неподражаемая, зажигательная песня.

Суровое лесное слово «нодья» означает зимний охотничий костер из цельных бревен, а можно в жестокий мороз перезимовать и у «нодьюшки»...

* * * Широко и вольготно простирается вокруг величественная осень, темно-синие ельники сменяют оранжевые и пунцовые

осины, а березы уже почти облетели... Всеобъемлющие покой и тишина опустились на землю, всех зверей и птиц постепенно умиротворили и как-то необыкновенно обособили. Всем до всего в лесу стало дело, и каждый, не мешая другим, неспешно принялся обустроивать перед долгой зимой свою жизнь.

Лишь человек, обуреваемый необъяснимыми думами и чувствами, зачарованно вступает под лесной полог, отрешенно бродит по укромным тропинкам и никак не может разобрать, для чего он это делает.

Только заслышишь ворона по сильным взмахам крыльев, оглянешься — а его как будто и не бывало.

Любовь к людям, как ни странно, приходит через любовь к травам, цветам и насекомым.

Лениво, будто спросонья, летают вороны над лесом, не то что в деревне, где за ними невозможно уследить: только поспевай!

В укромной свежести октябрьского дня мне всегда чудится ранняя пора моего далекого и глубоко затаенного детства.

Тетерев-косач — это сплав удивительной быстроты, мощи и завидной умиротворенности. Взорвавшись в осиновом молодняке и порядком напугав, он напоминает тугой футбольный мяч, с силой выбитый в поле и улетевший бог весть куда... Усевшись же для кормежки на заснеженную березу, тетерев становится похож на черную грушу и вызывает в душе неожиданное успокоение.

* * *

Только весенним светлым утром до тебя наконец-то доходит, как противоестественно держать наготове заряженное ружье...

* * *

Поздняя осень, вечер, еще не выпал снег, и я иду по темной деревенской улице на станцию. Холодный ветер отрешенно мечется между еле различимыми домами, и редкие огоньки светятся как-то неуверенно, кажется, они вот-вот погаснут. Под ногами хлюпают стылая грязь, собак не слышно, а на небе не видно ни единой звезды... Жизнь будто умерла.

Идешь, то и дело оскальзываясь, вслушиваешься в эту объявшащую все предзимную немоту, а слышишь только удары своего взбудораженного за лето сердца. Вспоминаешь, какое лето было разомлелое и цветное, с обилием грибов, ягод и ранними подъемами, с запекшейся на солнце земляникой и неугомонными пчелами, разухабистое, неуправляемое, самое желанное...

От этих приятных воспоминаний невольно улыбаешься, и тогда окружающая темнота постепенно расступается и тоже

отвечает тебе улыбкой, в которой начинают угадываться и цветы, и ранний восход солнца, и алеющая по покосам земляника... Нескончаемое лето, оказывается, незаметно перетекло в осеннюю темноту, и она зачем-то чутко хранит в себе это радостное проявление жизни.

Когда цапля только расправляет широкие крылья и поднимается в воздух, полет ее представляется торжественным, но затем почему-то быстро приедается и теряет свою красоту.

В лесу быстро понимаешь, что всем хорошо никогда не будет, а только тому, кто душевных сил не жалеет, о других думает и Бога не забывает, и главное — не устает удивляться этому неизведанному миру, который постигает всегда с волнением и радостью.

В ворону можно пальнуть из ружья просто так, без зазрения совести, в ворона — даже не подумаешь.

Ходишь всю зиму в лес в надежде вытропить зайчика, спозаранку встаешь и заполночь ложишься,— словом, нет такой силы, чтобы обуздала твои охотничьи желания, и все же не встретишь ни одного косоного; но вот где-нибудь в апреле выбегут из кустов прямо тебе под ноги два зайца, о чем-то перегова-74

риваются между собой, играют, как дети, а в тебе уже никакого азарта!

Птица, взлетая, привлекает внимание человека, которое затем перетекает в мысль и постепенно воплощается в нечто живое.

В сгущающихся осенних сумерках совы усаживаются на голые верхушки облетевших осин, стоящих вдоль дороги, и будто провожают тебя из леса, молча напутствуя не забывать его и хотя бы изредка возвращаться.

В ноябре звезды колючие и недостижимые, как на рисунках милых и непредсказуемых малышек, а в мае — доступные и мягкие, наподобие новогодних катышей из ваты, что обычно изображают пушистый снег, в который никто не верит.

Когда наблюдаешь весенним ветренным днем за ястребом, кажется, будто воздух сам несет птицу, но на деле ястреб умело отдает себя ему, сберегая всю свою силу.

Идя однажды по упругой деревенской дорожке в рождественскую ночь, я вдруг почувствовал нерасторжимую связь зимы

с летом, их восхитительную слитность и тотчас представил себе летнюю тропинку, которая так же легко, как и в светлый зимний праздник, приподнимает тебя над землей.

Глухарь — единственная реликтовая птица, оставшаяся в наших лесах с доледникового периода, наверное, только за тем, чтобы поддерживать связь времен.

Люди часто приписывают животным и растениям человеческие свойства, и это называется антропоморфизмом, но истинная суть происходящего в природе заключена в том, чтобы обычные свойства животных стали применимы для большинства людей.

Еще в первых числах октября случился неожиданный снегопад. Снег валил два дня и две ночи, пригнул маленькие кустики и деревца к самой земле, а стылый северный ветер не прекращался. В эту непогоду все птицы бросились утеплять свои гнезда. Но где найти подсобный материал?

И вот вороны, сороки и воробьи с синицами нацелились на мои окна: особо не церемонясь, присаживались на верх наличников и сразу принимались вытягивать паклю, так что по всему дому стояла жуткая стукотня. Одни только сорвутся к гнезду, другие уже тут как тут — и опять шум, шорох, озабоченное копошение. Даже очередь установили: первыми, как водится,

кто посильнее, ну а мелкота — последней. Не успевают друг друга сменять, того и гляди сцепятся.

А я сижу, слушаю завывания холодного ветра, изредка поглядываю на птиц и работаю над новой книгой. Мне не жаль ни одной пушинки, которые они тащат прямо из-под моего носа, и очень хочется, чтобы птицы не замерзли, а успели утеплить свои гнезда. Я смотрю в окно на приближающуюся зиму, улыбаюсь птицам, и пишу про весну.

* * *

Услышишь русское — «колотьё», и сразу представляется смерзшаяся, в ледяных култышках земля, тугие от зазимка колеи с похрустывающим ледком и как гулко ударяются в них подкованные подошвы сапог, сами, ровно эти подстывшие колдобины, сжавшиеся и тупые... Ледок, будто морщинки в уголках глаз, пронизан по краям длинными белыми иголочками, вода промерзла до земли и все вокруг, вместе с полегшей бурой травой, стылой землей и скорчившимися у обочины кустиками, сжалось так крепко, что, кажется, не оттает уже никогда. Прокален морозом и воздух, которым трудно дышать, воздух обжигает рот, нос, щеки, забирается в рукава, за шиворот, так что через некоторое время тебя начинает колотить озноб... Только колкие удары сердца сохраняют в теле тепло, но заморозок и не думает отступать, к рассвету еще более цепенит, сковывая ледяным дыханием... А всего лишь одно слово — «колотьё».

* * *

Из всех птиц только поползень, попав в ловушку, не бьется в ней изо всех сил, а спокойно ждет, когда его выпустят.

На первый взгляд кажется, будто лягушки, сидя по весне в своем болоте и утробно урча, всех передразнивают, на самом же деле они распевают, как птицы...

Светло-радужная оболочка вокруг глаза у галки придает ей внимательную озабоченность, и в этой маленькой, не всегда замечаемой людьми черточке — вся суть птицы.

По медвежьему хотению, говорят в народе, зима студеная длится: как повернется он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. А по человеческому волеизъявлению — все всегда кабы, авось да не так, и в любое время года, как ни крути, человеку вечно чего-то не хватает.

Лето на дворе, вокруг сплошная благодать и радостное убранство, да вот только жар его шибко томит. С осенью наступают долгожданное умиротворение и прохлада, вроде бы — живи не хочу, но смущают настроение нескончаемо нудные дожди, которые вот-вот прольются, а то еще задует пронизывающий северо-западный ветер. Пришла зима — и все страсти утихомирились, в сердцах людей воцарились полное довольствие и покой, но и в эту пору отчего-то начинают мучить сомнения, белый свет становится не мил, и человека неумолимо клонит ко сну. И наконец прилетает на разноцветных крыльях чудесни-ца-весна: ни цветами ее не измерить, ни голубизной небесной

не объять, только проникновенный свет и великая радость, нескончаемый восторг и сладкая боль. А где-то в самой глубине души уже закрадывается подозрение: исполнится ли на сей раз сокровенное желание, не обманет ли опять многообещающая, но непостоянная пора?!

Вот когда позавидуешь медведю и пожелаешь обустроить свое житье так же просто, как это получается у зверя, чтобы и долгая зима была не в тягость, и лето не ложилось на плечи нелегким бременем, и не наскучила однажды непогодливая осень, а весна принесла бы все, о чем мечтает душа.

На кончике клюва, в невидимой капле приносит рассвет маленькая птичка зарянка и, элегантно обронив ее на грудь, во всеуслышание провозглашает!

Ни одно растение, зверь или птица никогда себя не обманут, и лишь человек в течение всей жизни предает свои самые сокровенные мечты.

После полудня сосульки сваливаются с крыш и бесшумно утопают в снегу, еще какое-то время растапливая его накопленным в себе солнечным светом.

Весной всю живое льнет друг к другу: веточка к веточке,

кусточек к кусточку, птичка к гнездышку, и даже эхо, радостно оживая, ищет, к кому бы приткнуться, а найти себе пару не может,— так в эту пору все слитно, насыщенно, многоголосо; только осенью ветер подхватывает его и беспрепятственно разносит по далеким лесным отрогам, и эхо какое-то время благодарно отзывается ему, но, обретя вдруг свободу, вскоре умирает.

* * * Вытянутый вверх древесный нарост напомнил мне в сгущающихся сумерках сидящего на суку филина, который зажмурил оба глаза, нахохлился и замер в ожидании добычи, будто окаменел, волнуя воображение скрытой в себе цепкой жизнью, а когда я приблизился к елке, вдруг... ожил, взмахнул мохнатыми крыльями и растворился в чаще.

Когда трубят по весне журавли, все валится у меня из рук, и тянет в лес, на скрытое от глаз глухое болото за рекой, которое птицы облюбовали для своих свадеб, а я жадно вслушиваюсь в их тревожащие душу голоса и чего-то жду...

Какое счастье — просто взять и отправиться в лес, затеряться в нем и, разведя костер, остаться там один на один со всем мирозданием.

* * * Когда скворцы покидают скворечники и перебираются
бли-80

же к лесу, в огороде становится так тихо, будто бы кончилось лето. А оно еще только началось...

Солнце весною рыжее и взлохмаченное, похоже на влюбленное сердце.

* * * Странно, но на снегу никогда не бывает черных теней, а только синие, голубые, лазурные...

Однажды я подглядел в лесу загадочную птицу... Птица сидела на вершине ели и издавала странные, не слышанные мною раньше звуки. Чуть подаваясь вперед и осторожно отодвигая крылья от туловища, она как бы хрипела в себя, причем очень ровно и долго, а в следующий момент раздавался утробный клекот и крылья делали небольшой взмах, с замиранием звука возвращаясь в прежнее положение. Птица околдовывала таким необычным поведением, и хотелось идти на этот kloкочущий голос, ни о чем не думая, и просто наслаждаясь ее диковинным присутствием.

Проделав порядка двадцати необычных возгласов, птица сорвалась и улетела, а разбуженные верхушки елей скрыли ее тревожащий полет. Размером она была чуть больше тетерева, только вытянутая. Оперение темное, гладкое и еще какое-то неопределенное— разглядеть его более тщательно тогда не представлялось возможным из-за морозной туманной дымки, повисшей над лесом.

Позже я убедился, что это был ворон. Птица, как утверждают народные поверья, наделенная таинственной способностью перевоплощаться. Тайна перевоплощения заключается в ее изобретательности: она не только безукоризненно копирует поведение и возгласы других птиц, зверей, поскрипывание старого дерева или завывание ветра, но и придумывает нечто не существующее, ранее не слыханное. Отчего-то ей необходимо вести себя таким образом, и тайна птицы зачаровывает.

Ворон в лесном мире — само воплощение его древности и тайны, той глубины, которая незаметно уводит за собой и часто даже убивает. Верно хранит ворон лесную тайну, лишь изредка вскрикивая, не в силах сдерживать себя, но, спохватившись, опять замолкает. Тайные помыслы леса ведомы, наверное, и волку, и медведю, и старому лисовину, но только ворону подвластно владеть ими в полной мере и иногда напоминать о них всем.

Зорко вглядывается ворон в окружающую жизнь, ничто не проходит мимо его внимания, но никогда не тяготит это пристальное присутствие необычной птицы. Все замечает ворон, сам оставаясь невидимым, а показавшись, зачем-то перевоплощается — чтобы, наверное, не переставали им восхищаться, постоянно думали о нем, удивлялись и немножко побаивались.

Ворон несет в себе эту удивительную возможность перевоплощения и никому не открывает своего древнего знания, то и дело наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти чудеса негаданно выплывают по ее пытливым, сокровенным волнам из глухой непостижимой древности, и лес как будто оживает в такие моменты, возвращаясь к временам своей дале-82

кой молодости. Может быть, именно поэтому я тогда и не разглядел эту птицу, а только засмотрелся на нее, позабыв обо всем.

Скажут: «Неутомимый сеттер поднял стремительных куропаток...», и фраза тотчас пропадет, даже толком не появившись, но вот кто-то знающий заметит: «Порхая борзая выгурила из чашобы толстоусого русака...» — и слова сразу заиграют, забегают, как этот русак, и живо представятся осенний лес, притихшее жнивье и жалобно вскрикивающий дятел-желна, которого вспугнул за соседним перелеском стронутый с лежки заяц...

Первый снег покрывает землю легким кисейным покрывалом, первый лед скует озера и реки изысканным хрусталем, а первый зазимок так выяснит небо лазоревыми изразцами, что родной для тебя лес еще более преобразится и станет совсем неузнаваемым.

В марте можно послушать заячью ночь, когда зайцы без устали бочуют по всей округе до самого утра, в августе — волчью, с проникновенным и вдумчивым завыванием загадочных зверей, а зимой упоительно угадывать тетеревиною, которая укутана пушистыми снегами, переливающимися под звездами драгоценными камнями.

Набедокуришь в лесу — захочешь все поправить, но ничего нельзя в нем вернуть: если лес однажды застал тебя за тем, чего ты стыдишься и все же допустил, то сколько бы ни совершал потом добрых дел — он никогда уже не простит...

Всегда умиляет потребность волков зачем-то обходить с обеих сторон попадающуюся им на пути преграду — куст, пень, или небольшой взгорок, невозмутимо продолжая движение дальше.

От талого духа весной становится до тошноты разнежено и дурно, и только маленькие щиты бесчисленной солнечной рати — мать-и-мачехи — в миг отражают всю твою онемелость и, отрезвляя, наполняют бодростью.

Всем к лицу первое снежное утро, и даже старая беспризорная собака хорошеет.

Ястребиная сова... Вроде бы звучит грозно, даже устрашающе, но ничего хищного в ее облике нет. Может быть, только слегка загнутый клюв напоминает страшную для всех птицу, да еще то, что остальные совы отдыхают днем в дуплах, за-84

бываются в самую чашобу, а эта, как нарочно, устраивается на виду. Так и сидит целый день, подобно ястребу, высматривающему таким образом добычу, но не нападает, потому как ничего не видит. Пристроится на самой высокой вершинке какого-нибудь дерева и спит, изредка поворачивая за солнцем своей ястребиный профиль, на который никто не обращает внимания.

Нащупывая широкими крыльями малейшие потоки воздуха и используя их для подъема, черный коршун может часами парить над лесом, пока ему не повезет с добычей.

Сколько счастья, по-видимому, переживают в своих маленьких сердцах только что прилетевшие с юга кулики-черныши, которые, стремительно срываясь с придорожных озерин, поначалу только всхлипывают от переполняющих их чувств, не в силах выразить всей радости, и уже затем вытягиваются в полете с будоражаще-восторженным стонущим свистом!

Даже в самый сильный мороз ворон не топорщит перо, как грач или ворона, не прячется от ветра, а с еще большим достоинством восседает на снегу, сохраняя свою родовую древнюю выправку.

Воробья легко можно обидеть, но никогда не увидишь его расстроеным.

Раскатисто засвистал в майской ночи ее властелин — соловей, и в восхищении замерли земля, лес и даже ласково струящийся воздух.

Вроде бы и размеренная, работа дятла отличается восхитительным остервенением.

Случается, весной, неизвестно отчего, поднимешь голову к небу и, к своей неожиданной радости, заметишь в нем торжественные косяки уток. Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь между собой в недостижимой вышине, утки летят с юга на север.

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие над головой, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, видимо, подстраиваться под общий такт полета всей стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент жизни не допускает какие-либо вольности, которые птицы могли бы себе по-86

зволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуввав малейшие, только им известные и неуловимые признаки, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

К концу зимы снегири пересвистываются — как серебристые ниточки между деревьями натягивают: приглядишься и будто воочию начинаешь различать эти трогательные, прозрачные струны.

Нет для человека более величественного зрелища, чем звездное небо, однако порой проходит целая жизнь, а он на него так и не взглянет.

Летним вечером на лугу начнешь подбираться к коростелю на его скрипучий голос — и он сразу смолкнет, а повернешься спиной — снова закрекает, так что удивись чуткости этой скрытной птицы, которая, по народному поверью, даже на юг отправляется только ночами, пешком и в одиночку.

Однажды на охоте в жаркий августовский полдень вдруг так пересохло в горле, что я от души напился прямо из болота...

Нет, кажется, более заботливых родителей, чем чибиcы, но, как ни странно, гнездятыя они прямо в открытом поле, на перепаханной c осени земле. Далеко от гнезда встречаются чибиcы проходящего мимо человека, храбро бросаются вниз, чуть ли не на голову, пронзительно кричат и долго провожают... Отчего же они себя так мучают?

Наверное, их переполняет не испуг, а восторженность от своей опыняющей открытости, на которую решаются по весне эти чувствительные птицы.

* * *

Всю зиму завывали в лесу злые метели и вьюги, стонали верхушки деревьев, трещали от лютого мороза скованные льдом озера и реки. Все лесные обитатели попрятались кто куда, будто умерли, кроме вездесущих синиц и дятлов. Но вот зароиcя нагретый мартовский воздух, на южном склоне лога зашевелился муравейник,— и оказалось, что пережили зиму зайцы, глухари, тетерева и рябчики, выдры и лоси, волки и рыси, бобры, куницы и норки, поползны, белки, и все вместе возликовали от солнечного тепла и жизненной силы!

* * *

Надо слышать, как вскрикивает белошекая казарка в даль нем перелете: она говорит обо всем!

* * *

Именно в том, как умолкает природа к осени, проявляется ее доверительное сближение с человеком.

Хруст глухариных крыльев повергает своей мощью, неожиданной даже для лесной чащи, и еще сильнее хочется разгадать тайну птицы, которую она принесла с собой из неведомой древности.

Из надломленных веток старых берез сок льется дождем...

Серой вороне, похоже, никогда не надоедает ее будничное карканье: ей, наверное, кажется, что всякий раз она каркает по-новому.

Когда цветок ландыша раскрывается, он склоняется к земле и становится очень похожим на маленький колоколец, оповещающий о себе волнами тонкого аромата... Но вот на юге России в нем увидели ланье ушко, на севере — лесную лилию, на Волге — воронец или ландушку, в Калуге — заячью соль, а на Смоленщине — собачий язык!

Уже близится скорый осенний вечер, а дятел все стучит и стучит на одном и том же месте...

В середине апреля гладишь нежную кору березы, и трепет ее сердцебиения явственно отдается в твоей ладони.

* * * Свет от луны в самом черном
ночном лесу никогда не бывает желтым, а всегда таинственно
бледным, даже белесым, и лишь изредка — мертвенно-серебристым.

* * * Когда подступает весной такое
время, что снег начинает таять даже ночью, к нам прилетают
удивительные птицы — вальдшнепы, чьи глаза переполнены
смородиновой нежностью и теплотой юга.

* * * Если взять осиновый лист и
посмотреть сквозь него на солнце, то рисунок жилок совпадет с
рисунком кроны, живо повторяя разбег даже самых мельчайших
веточек.

* * * Крупная, под цвет осенней
листвы глухарка подпустила меня почти вплотную, так что я заметил
ее только в последний момент, поднялась на крыло неторопливо и
полетела с нескрываемым достоинством.

* * *

Беспредельная мощь океана ощущается не только в прилив,
но и в пору отлива... Несказанная сила ветра проявляется даже

в его отсутствие, когда ничто не предвещает этого непередаваемого
порыва стихии, но предчувствие великой неггибаемости в природе все
же присутствует, и ее несет в себе зарождающийся в отрогах
Вселенной ветер.

Своим оперением чечетки очень схожи с воробьями, но последние
не виснут вниз головой на тоненьких веточках, а сидят на них бок о
бок дружную оравой...

По-ноябрьски тяжелый темно-красный закат обещает наутро
легкий серебристый заморозок.

Каждый год тысячи жаворонков, трясогузок, зарянок, коньков и
пеночек спешат на север, но никто из них не знает зимы.

В отличие от человека, души животных и растений не обременены
собой и принимают любую окружающую их среду беспрекословно,
мудро сливаясь с ней, а не пытаясь ее подчинить.

Домашний гусь — само тщеславие, что важно вышагивает
взад-вперед и никак не может сообразить, куда себя деть.

В дремучем лесу даже шорох замирает неожиданно, будто боясь нарушить его дикую тишину.

Вспугнутые птицы, особенно певчие, никогда не уходят свечой в небо, а чаще всего слетают к земле.

В старину, когда люди слышали, как ухает в лесу филин, они думали, что это кричит леший, крестились и старались побыстрее миновать гиблое место, искренне полагая, будто кто-то наводит на них погибель. Но на самом деле филин опасен только для лесных обитателей и вылетает на охоту с наступлением темноты. Бьет по ночам все живое — зайцев и белок, ворон и тетеревов, сорок и галок, никому не дает пощады, а при случае может прикончить ястреба, лисицу и даже ежа.

За это все птицы сильно не любят филина, и стоит ему только показаться в дневное время, как они поднимают невообразимый гвалт, после чего неумоимо преследуют его, порой забывая до смерти. В таких случаях филина может спасти только темная чаща, и он старается побыстрее в ней исчезнуть, чтобы с наступлением сумерек вновь приняться за свое черное дело. Без помех ориентируясь в темноте, всю ночь бесшумно летает филин между деревьями, выискивая себе добычу.

Ночью филин, что называется, отводит душу и очень часто посещает глухариные тока, обычно за короткий срок изводя

птиц напрочь. Зная места токовищ, филин без труда отыскивает спящих на соснах глухарей, в мгновение раздирая их когтями и мощным клювом. Вскоре даже богатое токовище совершенно пустеет.

Один мой знакомый старик-пасечник, несмотря на семидесятилетний возраст, предпочитал охоту на глухариных токах другим охотничьим забавам и, раздосадованный неслыханным коварством филина, решил защитить свой ток от хищника. Причем, долгое время он никак не мог угадать, кто хозяйничает на току. Ток этот располагался неподалеку от его лесной пасеки, и он часто находил на нем убитых глухарей, у которых голова и крылья были целы, а из ошипанной груди торчали голые кости скелета.

Выбрав наиболее удачное, по его мнению, место, сметливый дед натянул между соснами веревки. Филин, присаживаясь на одну из них, тотчас терял равновесие и, инстинктивно сжав лапы, переворачивался вниз головой на вихляющей веревке, уже не в силах разъединить сцепившиеся когти... Сильные пальцы, видимо, не ощутив достаточной опоры, как если бы это была толстая ветка дерева или даже добыча, чуть ли не впивались сами в себя, а филин, перевернувшись и очутившись в таком незавидном положении, почему-то сразу впадал в странное оцепенение... Совсем недавно грозный и безжалостный, хищник в считанные секунды становился совершенно беспомощным, превращаясь в легкую добычу. Отловив таким незамысловатым способом за весну аж пять птиц, старик не без гордости и как бы по большому секрету серьезно уверил меня: «Филин-пугач — совкин деверь, спутник лешего, не все ему баловать!»

Приходилось ли вам стоять возле поющего глухаря, перед самым рассветом, когда не видно ни одной звезды и оранжевая луна повелевает на небе? Нет?! Тогда зачем вы живете?..

Горячий июльский ветер, прорываясь сквозь зеленую чащу, остывает.

Утренняя заря веселит душу, а первая испуганная тобой птица успокаивает ее.

Если весенний вечер ясный и холодный, то вальдшнеп торопливо машет крыльями и старается быстрее пролететь над поляной, догоняя самку, но когда погода погожая, пусть даже пасмурно, то он летит медленно и важно, будто норовя задержаться в воздухе как можно дольше, насладиться его теплотой и светом, и, конечно, не боится ничего, открываясь в своей любви...

Береза — одно из самых красивых деревьев в нашем лесу: на утренней заре она выглядит розовой, к середине дня становится ослепительно белой, вечером — голубеет, а когда ночью волшебный луч луны нежится на ее стволе, кажется, что она светится изнутри серебром!

Вспомнишь, как красивы опушившиеся к зиме иссиня-черные тетерева, представишь их ночлег в морозном лесу, под снегом — и сразу повеет необыкновенно уютным и сказочным теплом!

Привычка говорить с вещами появилась у меня благодаря лесу.

Среди множества прекрасных птичьих голосов встречаются и хриплые унылые крики...

Домовито, с хозяйской сметкой и нескрываемой сытостью квохчут по осени упитанные дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево, а рябинки после них кажутся обнищавшими.

Странно, что для таких первобытных птиц, как глухари, с осени и до весны употребляющих в пищу одну жесткую хвою, природа не предусмотрела какие-либо «жернова» для ее перемолки в их желудках, и они сами выходят из этого положения, собирая по утрам на лесных дорогах, по берегам рек и озер маленькие камешки... К тому же, в древности на земле отсутствовали лиственные леса и произрастали только хвойные

породы, что не могло не способствовать появлению у птиц в организме недостающего механизма...

А оказывается, так называемые жернова намеренно не предусмотрены природой, поскольку иглы хвои перевариваются примерно на десять — пятнадцать процентов, вся же остальная древесная масса скапливается в толстой кишке, напрочь очищая ее от ленточных глистов. Именно для этого предназначена грубая хвоя сосны, пихты и ели, а горстку твердых кварцев глухарям ничего не стоит отыскать в осенней тайге. Вдобавок птицам это еще и очень нравится: прилетать ранним октябрьским утром на речные осыпи, подернутые серебристым инеем, изредка оскальзываясь, неспешно бродить по ним в поисках прозрачных камешков и отчего-то замирать на мгновение, чуть приподняв одну лапу, в то время как рядом длится и незаметно куда-то утекает красавица осень...

Среди орнитологов принято думать, что в одиночку, помимо хищных птиц, к нам летят с юга только кукушки. И вот как представишь себе этот одинокий полет ночью, когда птица абсолютно беззащитна и лишь чутье подсказывает ей верную дорогу, так сразу проникнешься еще большим уважением к кукушкам, которым Бог и без того predetermined нелегкую долю родителей, вынужденных отказываться от своих детей во имя здоровья природы.

* * * Нет большего удовольствия весной, чем вглядываться в мартовские дали.

Филин такой по-сказочному мохнатый, не похожий на других лесных птиц, даже неправдоподобный своим огромным и каким-то старообразным силуэтом, что, кажется, дотронешься до него рукой — и он тотчас обернется загадочным существом, напугает и унесет с собой твою душу.

Только весной, особенно в марте, так безудержно пахнет простором и свободой.

* * *

Маленькая рыжеватая пустельга то чуть ли не касается травы острым крылом, то, отброшенная ветром, исчезает в выши не, а остановившись в воздухе, пристально, но без надменности разглядывает тебя и, сжав своим когтистым взглядом, забирет с собой.

* * *

Золотистый зверобой и фиолетовые колокольчики, наконец дождавшись своего часа, с нескрываемым удовольствием утверждают в течение всего лета одно из самых дивных цветовых сочетаний. Милые ромашки и застенчивые васильки вторят им добрым согласием...

* * *

Бывает, солнце поутру закатывается, а к вечеру — раскатывается, так и человек: пропустит в трудах праведных свою молодость, но уж зато под старость золотом разольется!

* * *

Голос у вороны неблагозвучный, порой невероятно надоедливый и неприятный, но в нем отражено все то, чего не видит, не слышит и не понимает никакая другая птица.

* * *

Пристально вглядываясь в Природу, все более убеждаешься, что Творцу необходимо постоянно поддерживать ее мудрость и красоту, и для этого он создает бесчисленные души, стремящиеся к совершенству. Тем самым Творец сохраняет абсолютное благо Природы и его бесконечность.

* * *

Весенние выкрики домового воробья у еще не достроенного гнезда трудно назвать песней, но и они не на шутку будоражат сердце.

* * *

Удивительно подымает настроение журчащий в сугробах ручеек, до которого всегда хочется добраться и с надеждой взглянуть на него.

* * *

Иногда в лесу можно обнаружить ежиные шкурки, начисто выеденные и вылизанные хищными птицами и зверями, но вот филин не оставляет ничего и глотает даже иголки.

* * * Иду по лесу, а вокруг птицы, звери, деревья, кусты и насекомые, травы с цветами, и все видят, слышат и понимают меня.

* * * Глухарь только присаживается с шумом, неожиданно гремит крыльями, когда срывается с ветви, а летит неслышно, будто это вовсе и не глухарь.

* * *

Только кажется, что, запев в весеннем лесу под вечер, дрозд кого-то окликает, на самом деле, если прислушаться, он скороговоркой всем подсказывает: «Быть добру, быть добру, быть добру!»

* * *

Еще стоит сухой, крепкий октябрь, и до конца не опал лист, а заячий мех уже насквозь пронизан нежной голубизной.

* * *

Не замечаешь времени в лесу, где никто никуда не торопится.

Весной птице надо во что бы то ни стало лететь, а осенью возвращаться.

Высота приглушает гортанный гогот пролетных гусей, но он, как ни странно, становится от этого проникновеннее и мягче.

Когда вокруг воцаряется непогода, я смотрю на нее глазами любви и принимаю как часть прекрасного в природе, пусть на время и хмурого, но тоже необходимого для человека, чтобы он учился ценить солнце.

Попробуй-ка сдержатъ возглас восхищения, когда за рекой затрубили журавли, а по лесу разлились звонкой трелью песни дроздов, зябликов и овсянок!

Только упав навзничь в траву и раскинув руки, возносишься в бездонную июльскую синеву: ты стал величиной с небо, а небо — с тебя.

* * * По странной игре природы, лесные голуби-вяхири принимаютъ насиживать гнездо, не отложив ни одного яйца, но, наверное, находят такое времяпровождение приятным.

У распустившегося шиповника и запах пунцовый, а цвет — сахарный, даже приторно-сладкий...

С вечной оглядкой в лес лучше не входить.

Все я в жизни воспринимаю достойно, так, как оно этого заслуживает, особенно в лесу, но вот попадаетъ под ногами птичье перо, самое обыкновенное: сороки, вороны или той же сойки, и вдруг встрепенешься, подобно птице, но не взлетишь, а только отчего-то замкнешься.

Всегда бывает так: только в один какой-то год прилетает много скворцов, и селятся они по всем дворам, даже в самых заброшенных скворечнях. Год этот помнят меж людей, передают из уст в уста с какой-то грустинкою о неповторимом былом, в ущерб безрадостной обыденности, но все же не оставляют надежду на дружное возвращение птиц, необыкновенно оживляющее весну... Затем, к следующей весне, появляется лишь небольшая стайка скворцов, и это на всю деревню, а то и вовсе один-два, так что даже не каждый селянин их увидит. Несколько лет птицы могут вообще не показываться, как будто повывелись, и во всей природе без них воцаряется уныние: без скворцов весной недостает чего-то главного. Так, незаметно, в какой-нибудь невеселый год, про них и вовсе думать забудут, не замечая даже зябликов и горихвосток, и уж когда окончательно душой упадут, разуверятся в жизни, скворцы вновь радостно известят хозяев о своем прилете в каждом дворе...

Я обо всем этом думаю следующее: чтобы получить возможность встречать птиц каждую весну, причем всей деревней, стремиться к пониманию их жизни, нужно каждому и каждый год внутренне расти, неутомимо добиваясь способности видеть себя и птиц со стороны, как будто ты наконец-то так созрел, что вышел из себя и стал обыкновенным скворцом...

Из-за пустой суеты и неразберихи, которую дрозды устраивают на полной ягод черемухе или рябине, приходишь к твердому убеждению, что эти птицы ужасно глупы.

Невесомых комариков, с тонко звенящей музыкой вьющихся над землей, следовало бы прозвать еще изящнее — звонцами.

Желая проникнуть в суть вещей и явлений, в первую очередь обратись к природе...

Уже в январе ворон начинает носить в клюве перышки и ветошь для утепления гнезда, и только в июле такую же работу по обустройству своих гнезд завершают ласточка и коноплянка.

Все занимательно в лесу, если душа открыта для самых простых впечатлений.

* * *

Невозможно представить весну без жаворонков... Из всех весенних звуков самый желанный и радостный — пение жаворонка. Еще не сошел с полей снег, редкие темно-коричневые проталины дымятся сизым ароматным парком, неуловимо вздымающимся в высоту, а навстречу этому аромату устремляется тонкая трель маленькой чудесной птички — нашего раннего гостя, будто вознамерившегося пронзить всех своим солнечным пением.

Маняще исчезающая в сияющей голубизне, удивительная песня жаворонка произвольно очаровывает всех и не отпускает, будто удерживая землю на ниточках своих непревзойденных трелей. Даже те, кто не общается с природой, заслышав звонкое пение под небесами, непременно отличают в нем песню жаворонка, не помышляя о какой-либо иной птице. Всем хорошо известен и доступен этот неподражаемый небесный виртуоз.

Испеченные ко дню сорока мучеников из теста в виде птичек булочки на Руси называли жаворонками... Обычно говорили, намекая, что это делается от хорошей жизни: «Ишь ты, жаворонками крошишь!» Жаворонков олицетворяли в народе с хлебом.

Как бы в противоположность тому, что несут с собой нечто приземленное, родное, жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, а предпочитают им высокое синее небо. Они избегают густых темных лесов, выбирая для себя открытое

и вольное пространство. Когда жаворонок трепещет крыльями, поднимаясь высоко в воздух, это равносильно тому, что слушаешь его песню: так его движения напоминают ее, а вместе — и полет, и звуки песни — разливающаяся повсюду гармония...

Жаворонок поет без передышки: «тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю, тир-лир-лир-лю-ю-ю», когда же ему надо сделать короткую паузу, он складывает крылья, так легко скользит вниз и уже у самой земли их распускает. Поет обычно самец, без усталости взвиваясь вверх, а самка в это время сидит на земле. Взлетает она гораздо реже, как бы ожидая самца, который, впрочем, и сам находится в полете не так уж долго. Правда, находясь на пике своей страсти, он способен подниматься на полторы сотни метров, но иногда поет и на земле, усевшись на какую-нибудь кочку.

Земля должна достаточно прогреться, чтобы появились восходящие воздушные тепловые потоки, и когда она просыпается, в ней открываются желто-черные, серо-зеленые и блекло-коричневые заросли старых трав... Эта перемена в цвете природы и сулит прилет жаворонок. Они и сами под цвет апреля — желто-серые восторженные птахи, которые и льнут к пестрой весенней земле, и как ее живая частица возносятся с радостью в небо.

Каждый жаворонок больше любит оставаться один, во всеуслышанье провозглашая весну, но иногда жаворонки объединяются в стайки, подобно дымчато-желтому облачку парят в вышине, а потом неожиданно прямо-таки валяются с неба в сухую траву, совершенно растворяясь в ней. Еще с осени припасены там для них семена васильков, полыни

и зверобоя, и потому жаворонки радостно сливаются с родной землей после долгого перелета и не менее восторженно прославляют ее.

Точка самого возвышенного и солнечного жизнепроявления весной — это жаворонок, зависший в бездонной небесной высоте. Жаворонок не признает середины в своем переполненном радостью поведении: он либо кормится на земле, либо поет под самым сводом неба. В поющем в поднебесье жаворонке все средоточие весны, ее музыка и проникновенность, и воздух будто поддерживает неутомимого певца. Воздух весной — его опора.

Кажется, чем выше жаворонок, тем звонче его песня. Звуки ее рассыпаются во все стороны звучными колокольцами, сливаясь со звучанием колокольников, рассыпающихся от песен других птиц: овсянок, чибисов, зеленушек и коньков. Песня жаворонка — как небесный ручеек: течет откуда-то с неба, переливается в ласковых солнечных лучах. Не сыскать его чище и трепетней даже на земле!

Жаворонок поет так, что звуки его переливчатой песни доносятся отовсюду. Не покидает ощущение, что движется и поет весь воздух, все окружающее тебя пространство. Пристально вглядываясь в весеннюю вышину, не сразу различаешь чуть вздрагивающую темно-коричневую точку. Она то зависает, то через некоторое время медленно опускается, как будто кто-то удерживает на невидимой ниточке трепыхающееся маленькое сердечко... Это — жаворонок.

По мере того как жаворонок опускается, звуки песни усиливаются, проясняются, будто тянутся к тебе тонкими серебристыми нитями, которые невидимы, но ощущаются. Песня не

надоедает, сколько бы ее ни слушал, разносится по всей округе на разные лады, и ты наслаждаешься этой удивительной птицей, неустанно, не переводя дух, радующей своим присутствием. Кажется, что жаворонок никуда уже не денется, останется навсегда с тобой,— такой он для всех простой и доступный. Когда я наблюдаю за поющим жаворонком, меня всегда не покидает ощущение, что он находится в каком-то сладостном забытии или даже во сне,— до того отрешенно и убаюкивающе разносится его песня.

Жаворонок поет всегда громко и чисто, в издаваемых им звуках никогда нет какой-либо резкости, а только чистота и мягкость. В его песне будто собираются все звуки, которые приносит с собой весна, она выбрала в свои глашатаи именно жаворонка, доверив ему всю страсть своего восторженного сердца, и жаворонок, будто зная это, старается изо всех сил. Но получается это у него ненадоедливо и привольно, так что всякий идущий по дороге непременно остановится, задерет голову и прислушается, позабыв про заботы. Жаворонок окончательно вселит в его душу уверенность, что холода миновали; ведь народная примета неспроста гласит, что если рано утром не слышно жаворонка — это к дождю или плохой погоде, ну а уж если поет — жди тепла.

Но вот однажды жаворонки ошиблись, видимо, увлекшись неудержимо идущей по земле весной. И тепло пришло, и земля от снега оттаяла, и оголились прошлогодние травы с кормовыми семенами, а что-то в природе не улеглось в привычный для весны лад. Еще с полудня задул ледяной северный ветер, небо сделалось безжизненным, стеклянным и будто выгнулось от натуги; птицам же просто некуда было деться.

Отгнав машину с дороги в ложбинку, подальше от ветра, мы за всю ночь так ни разу и не сомкнули глаз. Ураган остервенело рвал брезентовый тент, было слышно, как в лесу, на самой опушке, с глухим треском ломаются и падают деревья, про жаворонков мы и вовсе забыли. Только под утро, когда буря утихла, я вышел к краю поля и увидел, что оно усеяно мертвыми птицами... Впервые в жизни я убедился в истинности народного замечания: такой холод, что птица на лету мерзнет!

Все птицы лежали опрокинувшись навзничь, с задранными кверху лапками, упругий ветерок слегка копошил им перышки, но от этого они казались еще более безжизненными. Среди них попадались и зеленушки, и коньки, и еще какие-то серовато-бурые птички, но жаворонков было больше всего. Ничто, казалось, не предвещало беды, и было бы птицам скорое летнее счастье, да одолело ненастье.

Как же так, думал я. Во имя чего были нужны природе эти жертвы в обличье маленьких трогательных птичек?! Кому они помешали и что нарушили, всем своим существованием, казалось бы, предполагая только жизнеутверждающую радость?! Отчего мудрая природа их не сохранила и не уберегла от злой напасти как раз в то самое время, когда жаворонки должны были прославлять ее нетленную душу?!

К природе нельзя подойти без ничего, она любит цельную натуру, и оттого чувства ее оцениваются только силой. Очарованный этой силой природы, я смотрел, остановившись, на бездыханных желто-серых птичек в траве, опрокинувшихся на спину, и почему-то мне было так, будто не налетала злая непогода, опять светит ласковое солнце и в голубом высоком небе переливисто разносится радостная песня жаворонков.

Сколько времени я так стоял — не могу сказать... Душа моя летала вместе с воображаемыми жаворонками, возносясь в необозримые небеса, а когда возвращалась, я шел по полю, приседая дотрагивался до каждого застывшего тельца, и птички как будто отзывались мне на прощание. Народная мудрость загадывает: дважды родился, ни разу не крестился, один раз умирает, радости никогда не теряет, и это — птица, наш милый жаворонок, но только жалко, если погибает он вот так рано, когда даже не оставил после себя потомства, но поверил своему сердцу и прилетел в родные места, преодолев тысячи километров. Появившись еще с середины апреля, жаворонки уже к началу мая полностью отдали себя жизни, и этим ранили мое сердце, а от раны в душе стал глубже свет, которым захотелось поделиться со всеми.

С детства помню душистое тепло нагретой солнцем земляники, жгучую боль от укуса пчелы в ладонку, аромат опавших яблок, и совершенно забылись все обиды, какими бы несправедливыми они тогда ни казались.

Величавому коршуну незачем махать крыльями во время длительных перелетов, поскольку воздушные вихри сами доносят его до нужного места.

В конце лета иногда замечаешь, что лунный свет чуть подо-108

гревает воздух, но как только светлый диск заволакивают тучи, он в мгновение остывает.

* * *

Со вздохом облегчения съезжает с крыш лежалый снег, но происходит это неожиданно, отчего всегда кажется, будто он все еще сердится и кому-то угрожает!

* * * К осени, покидая родину, журавли с тоской кричат о вынужденных дальних перелетах, но почему весной в их голосах слышится такая пронзительная печаль?

* * * Бывало, в детстве спрячешься в кустах смородины, разросшейся у старого покосившегося забора, или в цветах под окнами дома, и чувствуешь себя счастливым.

* * *

Одинаковые с виду хохолки жаворонка, синицы, чибиса, рябчика и свиристеля очень точно выражают характер каждой птицы.

* * *

Каждый уголок в лесу — заветный, потому что полнится жизнью.

* * *

Чтобы обворожить по весне самочку, лесной голубь сначала подыскивает для нее дупло, без которого она и не подумает

остановить на нем свое внимание, затем заводит любовную песню, и когда голубица принимает его ухаживание и подпускает к себе, ласково разглаживает ей перышки и, наконец, вкладывает клюв в клюв.

Волчи законы — это не только строгая иерархия и жестокая дисциплина в стае, но и... нежность.

Многие недоумевают оттого, что кукушка очень похожа на ястреба-перепелятника, но, может быть, сам ястреб стремится быть менее заметным?! Впрочем, не случайно, наверное, кукушкин клекот в момент перелета напоминает ястребиный, и если природе за чем-то было так угодно, то все у нее получилось очень убедительно.

Иногда, словно боясь не успеть, ты опережаешь время и уже зимой отправляешься в весенний путь.

Плачущему крику совы или филина всегда придаешь гораздо большее значение, нежели он того на самом деле стоит.

Звон апрельской капли еще более пронзителен, чем в марте, но разве может он сравниться с трогательной разме-110

ренностью полузабытой всеми февральской оттепели, которая незаметно так обнажает воздух, что, кажется, он вот-вот разорвется на множество невидимых хрустальных колокольчиков.

Все хищные птицы очень не любят дроздов, которые дружно бросаются на защиту своих птенцов, и всегда получается так, что хищники отступают.

Вся жизнь на земле с неизменно происходящей сменой времен года для того и существует, чтобы человек догадался о своем бессмертии и, не уставая, рос.

Глядя на то, как по фиолетовому сорочьему хвосту прокатывается дрожь нетерпения, поражаешься, сколько же и чего именно нужно успеть поведать этой сердобольной птице всему миру!

Я полюбил лето за восхитительные довольство и нескон-чаемость, которые с наслаждением переживаешь в его роскошных недрах, несмотря на сенокос, бесконечную прополку и полив.

Птицы — одно из самых необыкновенных достояний земли, однако они странным образом отсутствуют в жизни человека, как будто летая где-то на краю нашего неокрепшего, полудетского сознания.

Все бесприютней становятся редкие просветы над лесом, все ниже склоняются под осенними дождями метелки бурьяна вдоль дорог, но все так же, с неизменной жадностью, хочется жить, любить и работать.

Случается, что чомги, спокойно плавая и кормясь, вдруг взмываются над водой вытянутыми столбиками, чуть выгибаются и, вспенивая воду, будто бегут по ней, не теряя при этом равновесия и какой-то необыкновенной грации, которая, как и поза птицы, сперва остается непонятной. Немного подумав, относишь подобное поведение к строению тела этих птиц, у которых лапы значительно отнесены назад, и это не позволяет им двигаться по земле, но в период брачных игр, когда самец преподносит самке в клюве пучок травинки для гнезда, он в порыве чувств занимает такое положение и, не имея возможности ходить по суше, бежит по воде, восполняя тем свой природный недостаток. В этом желании понравиться столько приподнятости и восторга, что, глядя на охваченных страстью чомг, и сам невольно приподнимешься на цыпочки, но спохватишься — и улыбнешься.

Лето очаровательно, когда медленно, жарко, томно, но не вальяжно.

Все отмечают в деревьях устремленность к небу, удивительную красоту и мощь стволов, рождающихся из окружающего воздуха, даже невидимую работу благородных корней, но почему-то никто не замечает их главного достоинства — молчаливости.

В самом своем начале зима бросается замечать пути-дороги чуть ли не сломя голову, и оттого в ней кажется больше тревожного, необъяснимого, чем к концу, когда все уже давно предрешено, покойно, хотя и недосказано.

Вспугнутая в берлоге медведица спросонья может оставить медвежат, но при этом всегда усыновит чужих, оставшихся сиротами.

Невозможно представить, что ястреб или коршун, которые всегда держатся в одиночку и встречаются намного реже, чем другие птицы, к осеннему перелету тоже сбиваются в стаи... Ястреб в ястреба не приходится, и среди птиц держится один, потому что сам себе господин.

Природа оленухи или ланки, как и любой привлекательной женщины, такова, что сначала она совершает несколько шагов по направлению к тебе, затем круто разворачивается и в один огромный прыжок оказывается недосягаемой, мелькнув напоследок своим зеркальцем-цветком, за которым кто-то тотчас устремится, все позабыв, а кто-то только залюбуется и улыбнется.

* * *

Невозможно пропасть в дремучем лесу, если ты знаком с ним хотя бы по русским сказкам.

* * *

Тетерева токуют так страстно, что кажется, вот-вот что-то произойдет: птицы задохнутся, взорвется на тысячи звенящих осколков их неугомонный, красноброво-белопенный дух, они сами вознесутся под небеса вместе со струящимся от земли играющим маревом, но... ничего не происходит. По-прежнему плывет над полями жаркое, не сравнимое ни с чем бормотание, которое то вспыхивает на короткое время, то опять затухает, но продолжает литься, заполняя собой все весеннее пространство, и вот ты уже сам начинаешь замечать в себе нечто необычное, бормочущее в душе, что приподнимет незаметно над землей и так же незаметно куда-то унесит.

* * *

Сидя в избушке и слушая в открытую дверь, как поет лесная птица, зачем-то возьмешь в руки обрonnenное пе-114

ро, произвольно крутишь его в пальцах и совсем не ощущаешь.

Только однажды в своей жизни обнаружил я орлиное гнездо, которое располагалось на высокой черной скале, у самого моря...

Часто, находясь в городе, я закрываю глаза и вижу перед собой какое-нибудь знакомое место в лесу, с которым было связано нечто незабываемое. То, что окружало меня тогда, в малейших деталях присутствует в душе и по сей день. Такое привычное и уже не раз виденное, оно между тем удивительным образом помогает жить, поскольку ты — одновременно всюду, ощущение это можно поддерживать в себе сколько угодно, и при этом совсем необязательно быть в лесу.

Бывает, и соловей, захлебнувшись ароматом сиреневой накипи, соскакивает с голоса, и некому в эту восторженную пору его поправить.

Всегда чуть грустно в вечернем лесу, но даже если у тебя все плохо, то в лесу грустно по-хорошему.

Весной белка так возбуждена и стремительна, что кажется двумя зверьками, затеявшими игру в переплетении еловых ветвей.

В сказочном заснеженном лесу, если ты однажды туда вошел, для тебя уже нет обратной дороги, а только вперед, к нескончаемым открытиям.

Старые сосны не скрипят и не побрякывают, а провозглашают увиденное, которое за давностью лет стало для них величественным.

Даже после длительного, изнуряющего пути, прежде чем присесть, птицы подолгу кружат над долиной, то и дело переговариваясь, пристально осматривают ее — и только потом осторожно опускаются на отдых.

Всем хорошо известны бабочки-боярышницы и бабочки-капустницы. Белоснежные, с черными прожилками и редкими пятнышками на крыльях, они чаще всего попадают на лесных тропинках и полянах. Именно боярышницы с капустницами рождаются в огромном количестве, больше, чем другие бабочки, потому что они просты, неприхотливы, и, наверное,

их создание происходит без всякой натуги для природы. Это не замысловатые траурница или подалирий, кажется, требующие от нее более тщательных усилий, а всего лишь обыкновенные, примелькавшиеся бабочки, без которых между тем невозможно представить красочное лето.

В самом его начале все белые бабочки тучами присаживаются на грязные высохшие лужи по лесным дорогам, сидят скученно, сплошным шевелящимся покрывалом, и ты не сразу разберешь: цветы это или какой-то белый налет... Странное зрелище!

Только подойдя вплотную, вдруг различишь, что это скопище бабочек, которые сидят тихо, чуть вздрагивая усиками, и будто уснули, неизвестно кем околдованные. Опустившись на корточки, попытаешься рассмотреть, чем бабочки занимаются, но, пристально вглядываясь, с недоумением обнаружишь, что ничего особенного не происходит. Бабочки сидят, прижавшись к земле, будто от кого-то таясь, и лишь изредка переползают с места на место. Они не пьют мутновато-бурую воду из почти пересохшей лужи, а просто замирают отчего-то, словно измождены сильной жарой или дальней дорогой. Что им грязь!

Ты и сам, позабыв про усталость и зной, наподобие бабочек застываешь рядом с ними молчаливым изваянием и пьешь глазами этот лесной покой, незаметно освежающий душу... Вокруг разлеглось такое родное, полное загадок лето, тебе хочется продлить это маленькое удовольствие и ты не в силах прервать своего короткого знакомства с белоснежными боярышницами и капустницами, хотя они и присаживаются по лесным дорогам в самую грязь. Дед Георгий, живущий по соседству в де-117

ревне, взял меня однажды на свой покос, показать, где растет земляника, и об этих скоплениях белых бабочек сказал так: «На дороге грязь, так овес — князь, а если по ней бабочек рой — год будет грибной!»

Природа так правдива, что, очищаясь перед долгим зимним сном, сбрасывает даже последнее платье из пожухлых листьев, совершенно оголяясь...

Даже издавая в лесу разные звуки, можно так слиться в нем с любой обстановкой, что зверь спокойно минует тебя в двух шагах и никак не отреагирует на твое присутствие, если только ты стоял... не шелохнувшись.

Назвать лису «рыжей» — значит отнестись к ней неуважительно, потому как на самом деле зверь этот «огненный» или, на худой конец, «красный».

Ночное январское небо — словно добротная крыша, склепанная морозом, а звездочки в ней — яркие, золотые гвоздики, ловко выточенные кем-то неведомым в недостижимой небесной мастерской.

Идите в начале лета на лесную поляну, садитесь и смотрите: в обрамлении золотистого солнечного света вы увидите волшебные травы и цветы, о существовании которых даже не подозревали, живя совсем рядом. Быть может, однажды вам посчастливится встретить свой цветок...

Самка ястреба-перепелятника сидит на гнезде, повернувшись к солнцу, и по мере того, как оно совершает свой путь по небу, изменяет свое положение, защищая птенцов от его палящих лучей...

* * * С завершением осени воздух становится неприкаянным, серым, но это не вызывает неприятных ощущений, а, наоборот, постепенно рассеивает их и незаметно умиротворяет.

Находясь в лесу, можно всю ночь вслушиваться в завывания ветра, но если под утро тебе нечего о нем рассказать, ветер тебе — не брат!

* * * Очень нелегко весной целиком переселить ее в свое сердце, взять себя в руки и спокойно написать о ней так, как она этого заслуживает.

Природа всегда права, потому что знает все, и надо верить ей больше, чем самому себе.

* * * Нигде не чувствуешь себя так легко, уютно и покойно, неважно — днем или ночью, как в лесу... Иногда даже кажется, что ты здесь когда-то родился.

Там, где по весенней дороге прошествовал медведь, оставив отчетливые мякиши своих косяпых следов, в воздухе еще долго держится его утробный запах, хотя зверь уже далеко.

В конце октября, перед первой порошей, земля, небо и воздух от перенасыщения влагой становятся черными, как уголь, но подступающая зима ненавязчиво штрихует их белыми косыми линиями, создавая свои первые неподражаемые гравюры.

* * * Не удержавшись, в восхищении срежешь поутру несколько пурпурных тюльпанов, но настроение постепенно ухудшится.

* * * Сентябрьскими сумерками, под вечер, сова нетерпеливо перелетает с дерева на дерево, что-то неразборчивое постанывает

себе под нос и почему-то нагоняет неизъяснимую осеннюю грусть, которая по-своему прелестна.

После того как лето миновало свою макушку, дни зарождаются как-то безмолвно, вяло, и долгое время непонятно: каким оно еще будет?

* * * Мудрость человека заключается в том, чтобы не выделять самое красивое или любимое, а принять все как есть, целиком, вплоть до самой невыразительной мелочи, и уже никогда не предпочитать ей нечто более достойное и живое.

Выпь зачем-то целыми часами неподвижно простаивает в камышах, отрешенно наблюдая за протекающей вокруг жизнью.

* * *

В глубине непроходимой чащи живут души множества птиц, зверей и растений, которые лес однажды забрал, спрятал там и никогда никому не показывает. Их можно только почувствовать, когда они весной, как дети, без спросу выбегают поиграть на укромные полянки...

* * *

Все цветы, кажется, внушают нам одно и то же состояние — наслаждение, но вот приглядишься и постепенно откроешь, что

каждое растение сообщает какое-нибудь свое чувство: ромашка — надежду, василек — непокорность, колокольчик — негу, а фиалка — тихое волшебство!

Идешь в предрассветной темноте по лесу — и ничего не видно, но как только замелькали над головой звезды — значит, выходишь на большую поляну.

Белые поля в декабре лежат мертво, покойно, будто нескончаемый сон, и сколько бы ни ехал по ним — никак не насмотришься!

В лесу желательно быть одному, чтобы чувствовать все в полную силу.

Ловит луговая стрекоза свое отражение в водах реки, а в глазах ее — всё июльское небо!

* * *

Глядя на нашего обыкновенного дятла, вдруг с удовольствием заметишь, какая это необыкновенно здоровая и сильная птица.

* * *

Сумеречно, мокро, грязь, но как волнующе берedit душу теплый апрельский дождь!

* * *

Вороны любят человеческое общество, их тянет к нам, но в то же время они сторонятся людей... Так и живут на границе между дозволенным и недоступным. Может быть, именно в этом завидном балансировании и проявляется ум дотошливых птиц?!

* * *

Если посмотреть с высоты птичьего полета на лес, то в какой-то момент можно, наверное, увидеть, как внизу идет человек, а с другой стороны, в его направлении, движется лось... Оба, и зверь и человек, не подозревают о скором столкновении, но встреча по какой-то причине неизбежна и никогда не бывает случайной.

* * *

О чем бы происходящем в лесу человек ни писал, он всегда пишет о себе.

* * *

Свои белесые космы зима отпускает в самый зверский мороз, когда даже не греют костры, а визг шагов разрывает все слуховое пространство!

Может выпасть и глухариный снег, и волчий, и беличий, но самый свежий — заячий.

Оттого, что полынь торчит по пустынным полям, в ней видят только печаль и горечь, не замечая ее жаркой воли, пахнувшей терпким, безудержным ветром.

Русский лес... Красота его бесконечна в своем кажущемся однообразии. Он наполнен могучим дыханием жизни, дышит ароматом девственной свежести и нашептывает что-то приятное. Лес возбуждает наши мечты и память гулками голосами далекой старины, перекликается звонким щебетом птиц и расстилает под ногами путника нескончаемые дороги. Он зовет за собою под таинственные своды своих тенистых деревьев, скрывающих волшебные чары...

Близок лес сердцу русского человека, хоть порой им и не постигаем. Во все времена года обращается человек к нему с молчаливым вопросом, и на всегда лес ему отвечает. Строго хранит он свои тайны, созидаемые веками.

Еще лес копит в себе богатство, давая приют зверью и птице, переживает столетия ненарушаемой ничем тишины и думает своими неясными шумами. Он — величественное безмолвие, воскрешающее в душе мудрую печаль. Печаль по чему-то еще не утраченному, но и не обретенному...

И вековая тоска, и тихий свет радости, и несказанные

тайны — все это слышится в глубоком молчании нашего родного леса. Пробежит ветер по вершинам старых сосен и елей — и заскрипят могучие деревья, готовые помериться силой с непогодой. Шумит лесная крепь невиданными и вещими голосами, неудержимо влечет к себе и навевает думы о том, что человек — сам сын природы, вырастившей его и лес.

Любимые с детства деревья говорят русскому человеку неизмеримо больше, нежели не совсем понятные ему горы и море. Только лес, дарованный, как божественный сад, свыше, дает ему истинное отдохновение. Кажется человеку, что лес оберегает его от лиха, в нем он ищет свое пристанище, к нему обращает свой пристальный взор...

Оказавшись под сводами деревьев, человек сразу ощущает удивительную благодать и покой. На него снисходит непередаваемое чувство соединенности с окружающим его царством. Даже какое-то умирление, западающее в сокровенную глубину души.

Крылатая народная молва говорит о лесе в самых любовных выражениях: «Лес — к селу крест,— гласит она,— а безлесье — неужоге поместье!» Не на чем глаза остановить человеку, если нет с ним рядом какого-либо дерева.

Там, где поднимаются ввысь деревья, душа человека воспаряется к небесам. «Был бы хлеб да муж, а лес никогда не переведется!» — убеждает людская мудрость, принимая лес как что-то исконное и неотъемлемое от жизни. И еще более убедительно и правдиво: «Возле леса жить — голода не видать!»

Лес в народе недаром слывет садом Господним, дарованным для всех и про всякого: «Лесная сторона не одного волка, а и мужика досыта накормит!» Однажды в лесу родившись, ему

приходилось и под кустом креститься, и вокруг него венчаться, да еще пенькам молиться! «На что нам мякина с лебедой,— замечал неприхотливый крестьянин,— когда сосна кругом: поскоблил — и брюхо набито?»

Он же, большей частью от щедрот лесных питающийся, часто приговаривал: «Лес богат, не то что наш брат!» Для мужика нелегко было прокормиться одним хлебом, и он обращал свой взор к лесу, где ему и обжорный ряд, и пушнина, и курятная лавочка.

Кто жил в лесу, словно омывался божественным светом и, чувствуя его присутствие, добрел душой. Человек никогда не оставался перед лесом в долгу, а жил мудро. И на деревья глядел весело, ровно говорил: «Аль кому в лесу лесу мало?!»

Но только, по народной пословице, в лесу Бог лесу не уравниал, а в народе — людей! Растет лес, не переставая подтягивается, и становится человеку добрым подспорьем. Только какому-нибудь нелетучему, бестолково заплутавшему и отчаявшемуся в жизни, бросали: «Как в темном лесу». Видно, правду мудрость гласит: «Доброму человеку — любая травинка в надобность, худому — и дерево нипочем».

О бывалых людях, которые не представляли себе жизни без леса, было сложено такое присловье: «Соколу лес не в диво!» Были они по-особенному мудры и глубоки, наблюдательны и чутки, жили в согласии со своей душой и никому зла не причиняли. Достаточно им было для общения лесной тишины и покоя, всего, что обещала эта неиссякаемая кладовая.

Кто любил лес и знал в нем толк, мог обмолвиться меж нерадивых людей и такими словами: «Беда не по лесу ходит, а по людям!»

Загляните, мол, в себя, разберитесь в своих душах-126

ных зарослях, а уж потом и на лес пеняйте! Нет в сравнении с ним места на земле более достойного и близкого. Из него человеку надлежит, не уставая, черпать недостающие знания, чтобы не пришлось когда-нибудь в сердцах заметить: «Все был лес да лес, оглянулся — одно залесье!»

Благоговейное смирение просыпалось в душе русского человека при входе под своды леса, если он признавал его своим храмом. Но и для знающего человека еще многое в лесу оставалось невысказанным. Под знакомыми уже издавна кронами деревьев текла необычная, стоящая особняком от человека жизнь... Там, в святая святых лесного царства, жила неувыдающая тайна.

Должно быть, таинственность этого лесного мира и вызвала к жизни великое множество загадок обо всем, что связано с ним. Словно сердцем чувствовал русский человек чудодейственный лесной дух и шаг за шагом приближался к нему. Ни малейшие подробности не могли ускользнуть от его зоркой души: чуял человек скрытое дыхание лесной силы и наполнялся ей.

По словам русской загадки «Что выше лесу?», ничто не могло быть выше его, чем красное солнышко и ветер. А уж потом тянущиеся к ним деревья... Но каждое дерево имело свою особенную жизнь, приуроченную к всеобщей жизни леса, и, конечно, крепкую привязанность к себе русского народа.

Услышишь, как кричат весной молодые птицы, и сразу по-взрослеешь.

По окончании глухариного тока, когда птицы покидают токовище, я еще какое-то время остаюсь там, тихо созерцаю все, что окружало меня до самого утра, и, успокоившись, неторопливо отправляюсь привычной лесной дорогой домой, потому как после встречи с древностью ждать чего-либо лучшего нечего.

Даже когда отставшие от матери милые медвежата по-смешному заваливаются на зады и трепетно нюхают воздух черными носами, лесной бог остается для всех строг и неприступен.

Оживленнее всего мелкие певчие птицы подают свои голоса, как ни странно, на кладбищах.

По красивому народному поверью, на исходе лета, в одну из ночей выходит на берег лесной реки какой-то небывалый лось, опускает в воду свои раскидистые рога, и вода вмиг остывает, а сердце зверя наполняется невероятной силой... Так начинается в притихшем лесу последний праздник звериной любви — осенний гон.

Нет в природе ничего более трепетного и чистого, чем голоса птиц, просыпающихся первыми.

В морозные солнечные дни, зимой, когда солнце словно тычется в окна своими ослепительными пятками, а в доме так сладостно от натопленного жара, как никогда открывается смысл существования, удивительная простота и прелесть всего земного.

И без того всегда заметная, бровь тетерева к весне наливается какой-то яростной краской!

Лиловые колокольчики задорно толпятся, еле сдерживая себя, перешептываются меж собой — кажется, вот-вот зазвенят, глазастые же ромашки с нескрываемым любопытством привстают на цыпочки и изо всех сил тянутся вверх, будто желая что-то там рассмотреть... Глядя на эти цветы, хочется выйти к ним на луг, засмеяться от переполняющей радости и запеть веселую песню!

Засохшая смола, стекающая по шероховатому стволу необъятной ели, в первое мгновение воспринимается как мед...

Странно, что только созвучие имен соединяет двух родственных и, казалось бы, близких друг другу птиц — ворону и ворона, в остальном — взаимная ненависть.

Всегда с затаенной грустью улавливаешь наступление той поры, когда сквозь пышную зелень и щедрый солнечный жар вдруг явственно проступает осень.

В трудное для всех птиц зимнее время ворона обычно тащит со свалки какой-нибудь съедобный кусок, а галка — обрывочек блестящей фольги.

Облака, как муравьи, спешат куда-то по небу, и несть им числа, а ты все глядишь на них и не можешь наглядеться.

Морозные узоры на окнах не случайно напоминают травинки, листья, ветви и целые лесные заросли. Так, наверное, вода вспоминает суровой зимой о чудесном лете.

* * *

Когда начинают набухать клейкие почки и в воздухе разносится запах талой коры, повсюду еще высятся сугробы, но как приятно сознавать, что под ними вот-вот зашевелятся подснежники и своими нежными соцветиями раздвинут прозрачно-зернистые ледяные кристаллы!

130

* * *

В природе значимы самые обыкновенные мелочи, которые составляют окружающую нас замечательную целостность, но от прикосновения внимательного человека они становятся сказочными.

* * *

Часто в лесу, особенно по опушкам, находил я на земле полуразрушенные птичьи домики из выцветшей травы, их бывлые гнезда, и было мне так, будто это я сам потерял то, чего уже никогда не вернуть.

* * *

Мыши, бывает, забираются в берлогу к спящему медведю и выстригают с его шкуры шерсть для своих гнезд, а он ничего не чувствует.

* * *

В безоблачную, пронизанную звездным светом ночь и мысли становятся ясными, а душа полнится поэзией рождающихся ощущений.

Лесные первоцветы отцветают всегда нехотя, будто вымаливая у природы позволения задержаться еще на денек-другой...

131

Если на тетеревином току остается один самец и ему некого побеждать, он начинает без усталости трепать приглянувшуюся ему маленькую кочку...

* * *

Никогда почему-то не приходит в лесу мысль накормить остатками своей пищи птиц или зверей, а оставляешь ее какому-то неведомому лесному существу, которое невидимо, но ты его всегда ощущаешь.

* * *

Когда научишься все в жизни принимать так, как оно приходит, тогда и в лесу сразу многое откроется.

За каждым грызуном — мышью, зайцем, бурундуком или белкой неотступно следует рысь, лиса, куница или ласка.

Белоснежный... Молочно-белый... Жемчужный...
Сливочно-перламутровый... При каждом оттенке белого цвета, даже при малом его отсвете в природе, всегда представляется нечто чистое, теплое и родное, без чего человеку ни за что в жизни не обойтись.

* * * Осенью леса оголяются, и ты начинаешь наконец замечать лиственницы, березы и осины, которые еще не облетели, но

стали уже отличимы друг от друга: в каждом из деревьев обнаружилась тщательно скрывающаяся в течение всего лета таинственная душа...

Самка вальдшнепа еще с раннего утра начинает готовить гнездо, устраивает его целый день очень тщательно, а под вечер, когда запоют дрозды и над лесом спустятся прохладные сумерки, она прикрывает его травой и спешит к самцам на тягу.

Именно осенью, когда по-особому обостряется щемящая сердце грусть, становятся более чуткими зрение и слух.

Недавно понял, что все самое интересное и лучшее в окружающем мире, к чему я в жизни пришел, уже содержала моя душа, я лишь безотчетно двигался к нему, постепенно узнавая в этом своем обретении... А ведь мог и не пойти, отступить, даже угадывая свое, родное, но и тогда, наверное, природа нашла бы способ открыть для меня возможность более достойной жизни.

В конце лета, когда многие птицы готовятся к отлету, а иные уже улетели, притихшие сады неожиданно оживляют дрозды: они шумят по-весеннему рассыпчато и весело.

Очень медленно, постепенно, истает весной ночной аромат, и даже когда день добрался до полудня, аромат все еще стелется у самой земли, жмется в тени и как будто совсем не хочет уходить, но все же с сожалением куда-то исчезает, так до конца, наверное, и не истрачиваясь...

Трубные журавлиные крики удивительно прозрачны и, как ничто, утверждают ясность бытия.

В незнакомом лесу вслушиваешься и вглядываешься больше обычного, а потому и замечаешь то, чего никогда бы не подметил там, где, кажется, все тебе известно.

Сладко пахнет весной в голодном апрельском лесу!

Лесной дух никогда не показывается человеку на глаза, а только незаметно вглядывается в него.

Прежде чем завести у себя в доме какого-либо зверя, взятого из леса, человек должен принять во внимание искреннюю привязанность, которую зверь ему подарит.

Приходилось ли вам когда-нибудь держать в руках птицу?

Настоящую, живую, ничем не болящую, а потому и не позволяющую до себя дотронуться, даже приблизиться, не подраненную? Подраненных выстрелом, угодивших в капкан или в топливо, разлитое по поверхности воды, ударившихся при ночном перелете о стекло маяка или рулевой надстройки корабля в моих руках перебивало множество: это были чирки и рябчики, вальдшнепы, тетерева, глухари и глухарки, дятлы, сойки, сороки, вороны, чайки, морские голуби, кайры, чистики и топорки, ястреб-тетеревятник, канюк и сова, а однажды — орлан-белохвост... Но все эти птицы, по той или иной причине, были ограничены в возможностях, не могли взлететь и были вынуждены подчиниться человеку; попав в беду и не в силах сдержать своего свободолюбивого сердца, гулко ударяющегося в груди, и боязливо кося глазом, они безропотно отдавались в его волю... А вот если бы птица побывала в ваших руках совершенно здоровой, готовой тотчас устремиться в небо и раствориться там, не допуская ни малейшей надежды на какие-либо взаимоотношения и, уж тем более, понимание, но все же в чем-то оставаясь родственной вам, даже очень близкой, родной? Не приходилось?!

Такое событие — а это именно событие для человека, не живущего в согласии с природой,— происходит крайне редко и никогда не бывает случайно. На какое-то время отдаваясь в руки человека, вверяя ему всю себя, птица как будто делится с ним трепетной мыслью о том, что мы очень близки, и человек так же свободен в своих мечтах и волен быть счастливым, на деле устремляясь в самые недостижимые выси... Быть птицей,

оказывается,— его исконное природное состояние, о котором он просто позабыл думать, и оно долгое время оставалось нево-стребованным, а вот теперь, почувствовав его после прикосновения к птице, человек несомненно задумается и изменит свою жизнь. Это станет таким очевидным...

Но как же сделать так, чтобы птица попала в ваши руки, иначе — доверилась? Для этого необходимо самому стать птицей, возжелав полета, а однажды взлетев — почувствовать слитность земли и неба. Птица окажется в ваших руках только после осознания этой удивительно простой и в то же время очень важной истины, как бы подтверждая правильность ваших духовных устремлений.

Где-нибудь на исходе мая в ограду вашего деревенского дома вдруг залетит слётка горихвостки, начнет безудержно порхать и биться в стекло, наполняя все пространство удивительной жаждой свободы... Пространство как будто даже задвигается, не на шутку всполошится, потревоженное свободолюбивой маленькой птицей, не будет находить себе места,— вроде бы такое же свободное, не зависящее ни от кого... И тебе страшно захочется подержать эту птицу в руках, ты осторожно приблизишься к ней и ловко обхватишь ладонью трепещущее существо: птица сначала попытается вырваться, толкнется в руке пару раз, а потом затихнет... Упругое сердечко будет ударяться в так твоему сердцу, только более учащенно, но вскоре успокоится, и ты поднесешь птицу к самым глазам и тихонько погладишь ее головку, клюв и перья. Птица вновь встрепенется и еще раз попытается освободиться, правда уже не так отрешенно — скорее для порядка, чтобы подтвердить свое свободное состояние, а ты вдруг сразу почувствуешь, что легкость овладения птицей лишь ви-136

димая, что тебе не удастся долго удерживать ее в своих руках и овладеть подобной свободой можно лишь с помощью собственных душевных усилий...

Поняв это, ты выйдешь во двор, слегка поддашь рукой и выпустишь птицу в воздух, а она взвьется неудержимо, метнется от радости в одну, другую сторону и защебечет привольно прямо над твоей головой. На миг покажется, что это твое взбудораженное сердце рванулось в небеса, заиграло там, забилося от охватившего восхищения, и ты даже испугаешься, но, спохватившись, тоже, как птица, обрадуешься открывшемуся торжеству жизни, произвольно взмахнешь руками, как-то уж совсем просто оторвешься от земли и... полетишь.

Когда подбегаешь к глухарю под песню, тебя охватывает какая-то глухая ко всему страсть, кроме самой птицы, которая так же страстно вздрагивает раздувшейся шеей, кокочет и, наверное, тоже ничего не замечает... А малиновый диск солнца взбирается все выше и выше, равнодушно взирая на пробуждающийся лес, возбужденную птицу и позабывшего себя человека.

* * *

Никогда не бывало, чтобы в лесу не пробудилось ощущение свободы.

* * *

Кабан остерегает оглушительным визгом: «Отпр-р-рянь!», волк, застыв, сдержанно и чуть слышно рокочет изнутри: «Раз-137

зор-р-ву-у!», мишка-медведь, тяжело вздохнув, вдруг рассерженно хряпнет: «Ка-а-ю-юк!», рысь лишь зевнет утробно: «Ням-м-м!»... Всяк по-своему, но как одинаково убедительно и до жути просто произносит каждый зверь самое сокровенное!

Первые птицы — вовсе не храбрые, а просто уверенные в себе, когда показывают свои нежные головки в еще суровую пору.

Многие лесные птицы открыто выращивают своих птенцов по соседству с гнездом ястреба-тетеревятника, который их не обижает, и они живут спокойно.

* * * Бывает, в конце октября вместо дождя изредка начинают падать первые снежинки, которые моментально тают на мокрой земле, и от этого первого снежка дышится еще более глубоко и пронзительно, а разгоряченное после ходьбы тело так приятно охватывает легким ознобом, что ты понимаешь: даже в глубокую осень ничего не умирает.

Прилипшее к тростинке крылышко стрекозы, кажется, неслышно допекает мелодию уходящей летней поры.

Только утреннее солнце высвечивает истинный уют жилья.

Март — это время ослепительно солнечных и ласковых холодов.

Возвращаясь розовеющим утром с глухариного тока и переживая происходящие вокруг лесные события, я вдруг с неизъяснимой горечью уясняю для себя, что огромный мир природы, особенно весной, протекает мимо внимания людей и остается для них совершенно незамеченным.

Одиноким ворон удивительно оживляет пустынный зимний пейзаж, одним росчерком крыла стирая границу между белой землей и выцветшим небом.

Особое удовольствие в лесу доставляет реальность всего происходящего совсем неподалеку от человеческого жилья.

Так часто в мельчайших подробностях рисовал я в воображении поездку на санях ночью по морозу, со всхрапывающей невпопад лошадкой и нескончаемо сладостной зимней дорогой, что она начала представляться давно совершившейся чудесной реальностью, которую всегда было приятно вспоминать и каждый раз с еще большим удовольствием.

Когда лес простится с пролетающими вальдшнепами, разноцветными листьями, последним теплом, его вдруг пронзает запах тончайшей свежести, истекающий от темной воды, замершей в дорожных колеях...

Каким бы отрешенным от человека ни казался ветер, он никогда не бывает для него чужим.

Только весеннему солнышку под силу раскрыть обыкновенные сосновые шишки, которые не поддаются даже дятлу.

Декабрьская метель, как заблудившаяся ведьма, тычется в стены и окна домов, наговаривает то там, то здесь страшные напасти, пророчит беду, а вырвавшись на широкую улицу, будто обо всем забывает, с безудержными причитаниями разыгрывая из себя святую... Но как ей далеко до обезумевшей вековухи-стужи, которая только леденит до смерти, не ведая каких-либо перевоплощений! Не верится, что скоро Рождество, с душистым еловым ароматом в комнате, печеными жаворонками в сахаре, румяными караваями на разноцветных полотенцах и спокойной верой в далекую и близкую звезду, которая пророчит вечную радость всепостижения...

Конечно, не слышишь шелест распускающихся цветов и даже не всегда чувствуешь, как это происходит, но так хочется быть ближе к природе и еще более тонко ее понимать!

Как корневища, протягивает лиственница свои ветки в разные стороны, впитывая в себя живительный лесной воздух, будто норовит выпить его весь, без остатка, и все растет и растет...

Все реже можно застать по весне гусиные караваны, и если уж застал, услышал в высоком поднебесье пролетную песню этих птиц, то знай, что не случайно.

Бери с собой в поход на глухариный ток как можно больше: ножовку, топор, запасные теплые штаны и свитер, носки, рукавицы... Не забудь фонарь с биноклем, парафиновые свечи, аптечку и еще поролоновый матрас, лыжи, валенки с галошами, хотя повсюду ручьи и сам в болотных сапогах, нож с бечевою... Задумаешь взять и не возьмешь — такое в лесу оборачивается зачастую трагедией, в лучшем случае — испорченным настроением, но если взял, вытерпел, донес, хоть оно и не пригодилось,— все у тебя будет хорошо и ничего не случится.

Идя по лесу, я всегда жалею время и никогда не присаживаюсь на отдых, ну если только на минутку, и все бегу, дышу, сливаюсь с чем-то, что само с радостью входит в меня, а я жадно впитываю его, недолго переживаю в себе и опять бегу...

Барсуки живут в глубоких логох и оврагах, но совсем не сумрачны, как принято о них думать.

В первое снежное утро хорошеют облетевшие деревья, крикливое воронье и даже раздосадованный чем-либо человек.

Румяный снегирь хоть и держится под нашими окнами всю лютую зиму, а не назовешь его молодецкатым или задорным, наподобие воробья. Больше он, как девица красная,— тихий, немножко печальный да пригожий...

В иной год весна выдается такая веселая, что уже с середины марта по дорогам ездят на колесах, хотя на полях и в лесах еще высятся сугробы.

* * * Земля равномерно вращается вокруг Солнца, и оно так же неизменно, изо дня в день, то появляется, то исчезает, но рас-142

светные лучи воспринимаются восторженно, живо, а закатные — безмолвно и спокойно.

Конец августа. Еще перебегают по дорожкам, смешно семеня тоненькими лапками, вездесущие трясогузки — очень изящные и милые птички, и когда они трепетно вздрагивают своими длинными хвостиками, торопливо чистят перышки и бросаются с лета в лужи, то кажется, что лето еще и не кончалось, а осень никогда не наступит.

Наиболее крепок и глух сон именно в осеннюю ночь, которая не напряжена таким мучительным ожиданием, как зимой, весной или летом, а преисполнена наконец-то достигнутой в природе отрешенностью, когда можно преспокойно забыться, уже не обдумывая никаких важных перемен.

Когда поющий жаворонок взмывает все выше и выше, то бескрайняя синева молчаливого неба становится кричащей!

Меня нисколько не удивляет, что у грибов есть любимые места, на которых они роятся непременно каждый год, в большем или меньшем изобилии.

Золотисто-розоватое робкое солнце быстро сгорает за короткий декабрьский день, но мир не тускнеет, и подступающие предновогодние сумерки незамедлительно расцветивают его зажигающимися звездами, ослепительной луной и таинственными снегами.

* * *

Когда-то я считал сойку самой скучной и неинтересной из всех птиц. В отличие от сороки или вороны сойка в лесу попадает редко, да и живет бог весть где. При том, что она старается крутиться возле людей, сойка все-таки нелюдима. Мне даже в голову не приходило подумать: в чем от нее радость?

Про сойку существует поверье, рисующее ее очень глупой птицей, что, впрочем, недалеко от истины. Сойка три раза в год начинает улетать на юг, и все неудачно: первый раз она летит, когда зацветает греча, второй — когда созревают хлеба, и третий — когда упадет снег. В первые два раза она принимает белеющий цвет полей за выпавший снег и спешит на юг, но с половины пути возвращается назад, чтобы узнать, много ли она пролетела. В третий раз сойка не долетает до юга из-за недостатка корма.

Словом, по народному мнению, сойка — птица недалекая. К тому же вредная, отличающаяся вороватыми наклонностями. Часто можно увидеть, как сойка несет в клюве какой-нибудь предмет, который она, конечно, где-то уворовала. Все, что плохо лежит, оказывается ее добычей, правда, в этом она схожа с сорочьим и вороньим семейством.

Как и ворона с сорокой, сойка так же беспокойна и криклива. Она никогда не сидит на одном месте, а завидя в лесу идущего человека или зверя, постоянно перелетает впереди него, время от времени издавая неприятный отрывистый крик. Кабы на сойку да не свой язычок, то бы и не погибала!

И действительно, эта вздорность характера птицы нередко ее губит: сойка постоянно, более, чем другие пернатые, попадает в расставленные охотниками капканы. Ей не присуща, как, скажем, сороке, умопомрачительная осторожность. Сойка совершенно неприхотлива в своих нехитрых устремлениях, хоть и достаточно пуглива, что, впрочем, не мешает ей быть любознательной. Издали завидя охотника, который настораживает ловушку, она, толком ничего не разобрав, в скором времени оказывается ее пленницей, оглашая всю округу невообразимо скрипучим криком!

И что еще интересно: ходишь весь осенний или зимний день, и не то что сойки, а даже рябчика не встретишь, но вот попадается чей-то пугик с настороженными капканами — и почти в каждом сидит... сойка! Можно подумать, что капканы — какая-то необъяснимая сойкина радость, утеха, к которой птицы бездумно стремятся. Где же они все это время прятались и чем занимались? Их даже не было слышно!

Обычно сойки кричат и бранятся весь божий день, как будто их бьют или кто-то гоняется за птицами. Но не всяк кричит, кого бьют: сойки кричат просто потому, что не могут иначе реагировать на окружающую их в лесу жизнь. Всякая сойка и за себя-то дело сделать не сможет, а кричит одна за всех! Но ведь без голоса, как говорится, не кричит: есть он, оказывается, и у сойки.

По необъяснимой причине иногда голос сойки отличается удивительной, не схожей с ее наклонностями мелодичностью. Чаще всего сойка держится по лесным дорогам и опушкам, и часто мне действительно доводилось слышать такой мелодичный свист, тогда как саму птицу я еще не видел. Кто-то выделывал в лесу причудливые тонкие колена, а я и помыслить не мог, что это напоминают о себе сойки. Издаваемые кем-то мелодии своей переливчатостью напоминали весенние песни иволги, которой здесь просто не могло быть... Озадаченный, я останавливался и пристально вслушивался в непонятные лесные звуки, и когда на опушку вылетала стайка пунцовых соек, удивлению моему не было предела!

И все-таки даже сквозь музыкальность издаваемой сойками мелодии выдается их беспокойная и неопределенная сущность. Прислушиваясь к такой песне, непременно хочется заметить: старайтесь, ребята, старайтесь,— помрете, так с настоящей музыкой! Но откуда сойке быть хорошим певцом — ладно хоть горазда птица на подобные напевы, которыми саму себя тешит. Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть!

Да только сойка и не думает умирать и, держась всегда несколько в укрытии, время от времени дает о себе знать. Объединяясь в небольшие стайки, птицы, как и в песне, тоже иногда преобразуются, проявляя удивительную независимость. Однажды я наблюдал, как с полдюжины соек собирали по краю жнивья оставшиеся зерна, сидели на земле в достаточном удалении друг от друга и именно поэтому, наверное, явились объектом нападения ястреба-тетеревятника. Ястреб, почуяв, видимо, легкую поживу, нацелился на сойку, которая находилась дальше всех в поле, и, сложив крылья, бросился

на нее, но сойка, на удивление, нисколько не испугалась, а бесстрашно зашипела на хищника и, замахав крыльями, зацокала клювом. Ястреб потом долго кружил над сойками, пытаясь подлетать к ним с разных сторон, но так и не решился напасть хотя бы на одну из них, в конце концов оставив свои безуспешные попытки. Сойки совершенно не боялись его и продолжали спокойно кормиться, как будто не замечая.

Еще сойка знаменита тем, что, как и кедровка, склонна к частым путешествиям, когда ей не хватает корма. Кедровка в Сибири «расселяет» кедр, а вот сойка «сажает» дубы. Питаясь желудями, птицы часто уносят их далеко от дерева, теряют их по дороге или прячут «на черный день» в какое-нибудь укромное местечко, и желуди, попадая в благоприятную почву, прорастают. Сойка может спрятать только в одной своей «кладовой» до нескольких килограммов желудей и ягод, непроизвольно обогащая тем самым наши леса.

Но больше всего среди лесных птиц славится сойкино перо! Тому, кто не видит в этой птице только пустое беспокойство и бестолковый крик, остается восхищаться ее красотой. Дымчато-пунцовое нежное оперение и голубое зеркальце на крыле как нельзя кстати идут птице, которая ничем особенным себя не зарекомендовала. Но зачем природе понадобилось выделять такую обычную птицу, как сойка? Причем очень ярко даже для нашей средней полосы, лишенной броских красок!

На то сойке голубое зеркальце дано, чтобы она в него, наверное, гляделась. Ей бы перед ним погадать на свою непутевую судьбу, да она его, скорее всего, не видит. А может, сойка отто-147

го взбалмошна и криклива, что хочет рассказать, какая она красивая, но все замечают в ней только вздорный характер, отчего сойке становится обидно, и она еще больше распаляется, пытаясь обратить на себя внимание.

Сведущему человеку хорошо известна ее краса, и он никогда не упустит возможности полюбоваться сойкиным оперением. А сойка знай красуется, потому как ей есть что показать. Она не сорока, которая в одно перо родится,— в ней перемешаны и бархатная ночь, и пунцовый рассвет, и лазерное облачко, посеребрянное легким утренним инеем,— одно загляденье!

Достались сойке по наследству «перья после бабушки Лукерьи», но она ими, кажется, и не гордится совсем. Принимает свою птичью одежду как должное, ей «перо плеча не ломает». Оно дано сойке для чего-то, и, значит, так тому и быть, хотя жить в лесу с таким пером — смелее любого, даже самого острого, язычка.

Но не пером живут, даже красивым, а умом, и он у сойки несомненно есть. Сойка, несмотря на свою красоту, хорошо знает, что всех в лесу не перещеголяешь, и даже если ты дюже хороша — не по красивым слава. То она и таится чаще всего, давая о себе знать лишь скрипучим и всегда чем-то недовольным голосом.

Правда, сойкин умок что весенний ледок: ненадолго схоронившись в лесной чаще, птица вскоре опять показывается, по-видимому, от неводержанности чувств,— не может сойка долго в тени оставаться. Понимает птица, что с умом жить легко, но зато на красоту глядеть больно хорошо, и сойка вовсю красуется, не в силах сдержатъ свою неутомонную натуру, за

что часто и расплывается... Умна сойка, да не разумна: знать, ее участь такая!

Долгая декабрьская вьюга — это радость, счастье и светлая надежда на будущую, такую же затяжную и замечательную зиму, которую наконец-то можно будет достойно оценить, неспешно обдумывая всю предыдущую жизнь и накапливая силы.

Бог сотворил весь мир, и все в нем бесценно, но сложно не поклоняться огню, растениям и птицам.

Весенний ток у птиц обычно проявляется в неистовых криках, ритуальных танцах, особом полете, чаще — пении, но иногда птицы неожиданно... пародируют друг друга, долгое время никак этого не проявляя.

Человек смотрит в глаза волка и читает по ним свою неприканную судьбу; в глазах же зверя — лишь холодное безразличие...

Глядя на звездное небо в ночном лесу, невозможно чувствовать себя одиноко, и тем более — быть застигнутым врасплох.

У неба не может быть ни низа, ни верха, и это прекрасно чувствуешь в апреле, когда не утопаешь и не возносишься, а летишь.

* * *

Когда осенью опадает листва с деревьев, к удивлению своему замечаешь в лесу множество птичьих гнезд, которые до сих пор были скрыты от наших глаз. Искусно слепленные из пуха, глины и сухих травинок, они так же искусно прикреплены к стволу или развилке сучьев, а то и подвешены к самому концу какой-либо ветви. Гнезда еще не разрушены непогодой, выглядят довольно аккуратными и, бредя мимо, ты всегда невольно попытаешься представить себе их хозяев, которые уже давно отлетели на юг.

Вспомнишь тут весну и то, с каким восторгом выплескивается в наши леса эта неопишная волна радости, которую приносят с собой птицы. Вернее, прилетающие птицы — сама радостная волна, что сменяет одна другую, и так до конца мая, с непрекращающимися заливиными трелями, которые, кажется, символизируют утверждение всеобщего счастья на земле. Недаром говорят: счастье — что вольная пташка: где захотело, там и село. Так и птица — вроде бы не сеет, не жнет, а сыто живет, и уж чего ей не занимать, так это воли, которая у птицы, между тем, в трудах праведных проходит, в особенности весной.

В эту пору есть у птицы и пение, и полет, и ветка, которая ей лучше золотой клетки, но вот самое сокровенное, ради чего она и летит и поет,— ее гнездо. И тесен будто бы дом,

а для птицы просторен, в нем совершается великое таинство рождения, и птица очень ответственна в своем жизнестроительстве.

Нет дерева, на которое бы птица не садилась, да только не на каждом она себе гнездо вьет. Чаще всего это хвойные деревья, в особенности ель, и всегда гнездо располагается с защищенной от ветра стороны. Птицы в первые дни просто таскают гнездовой материал в клюве, бросая его где попало, подхватывают новый и собирают его в пучки, а затем уже начинают носить к месту постройки. Высокое расположение гнезда требует от птицы немалых усилий, так как ей приходится летать за гнездовым материалом и поднимать его на высоту.

Весь материал, какой птица использует на постройку гнезда,— пустой, никому не нужный, развеваемый ветром: соломинки и пушинки, мелкий хворост, капельки воды и кусочки почвы — все, что удалось раздобыть в освобождающемся от снега лесу. Сначала птичка обвивает клочок паутины вокруг веточек, одновременно растягивая его в нить, затем обрывает торчащую снаружи бахрому, вновь используя ее при оплечении. В то время как самец впутывает все новые и новые ленточки в стенки гнезда, самочка забирается вовнутрь и осторожно утрамбовывает собой свое будущее жилище, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Так создается полукруглая форма гнезда, и когда основа его завершена, в стенки гнезда всовываются мелкие веточки, листики и травинки, после чего лоток выстилается перьями и волосом. Без рук, без топоренка строится птичьей избенка, и при этом птица никому не причиняет какого-либо неудобства, оставаясь неприметной.

За весенними заботами в своем огороде ты порой даже забываешь о существовании птиц, а вспоминаешь лишь с момента появления их возле твоего дома, когда родители с быстро подрастающей ватагой птенцов принимаются за уничтожение насекомых. Тут-то ты и порадуешься в очередной раз за своих неугомонных соседей, в душе поблагодарив птиц за оказываемую ими услугу. И опять, глядя на птиц, тебе покажется, будто они живут без забот и при этом ничуть не тужат: только бы не переводились червячки и мошки!

И вот пришла осень, за ней задули суровые метели... Птицы давно покинули родные края, и тебя уже не одолевают легкие, присутствие только лету думы: сердце твое околдовано несказанной тайной зимы... Сидя молча у окна и вперив взгляд за околицу, где возвышается присмиривший хмурый лес, ты вроде бы ни о чем не мечтаешь. Привычно переживать в себе эту устоявшуюся сладостную скуку, как будто забывшись в долгом беспмятстве зимы. Скоро ли еще растопят ее теплые ветра?

Только с наступлением ослепительного марта, будто отойдя наконец ото сна, отправишься однажды поутру в гости к глухарям, желая проверить ток, да и набредешь вдруг на чье-то сорвавшееся с дерева гнездо... Всю ненастную осень и суровую зиму, убаюкивая, крепко держала его в своих объятиях старая сосна, а ближе к весне, видать, сама задремала и уронила. Весенний озорной ветерок весело подхватил гнездо и закувыркал по насту, отчего оно будто бы даже несколько ожило, но не знало, что ему дальше делать. Гнездо цело, а птиц нету...

На первый взгляд мне показалось, что в нем уже давно сви-152

ла себе убежище смерть — таким одиноким и ненужным оно выглядело сейчас на снегу. Но подойдя поближе и взяв гнездо в руки, я убедился, что брошенный птичий домик не вызывает ощущения безжизненности, пустоты. В нем оставалось розовое перышко, которое застряло между сухими травинками, чуть вздрагивая на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось. Судя по перышку, гнездо когда-то принадлежало зяблику...

Я держал гнездо в руках, неторопливо рассматривал его, раздумывая, как поступить, а оно будто затаилось. Высокие сосны мерно шумели над головой, ветер гнал по синему небу белые облака, и никуда не хотелось уходить из этого пробуждающегося царства умиротворенных теней и восхитительного света. Я взял гнездо с собой, осторожно положив на дно рюкзака, привез его домой, и теперь оно лежит у меня в шкафу за стеклом, так что я в любой момент могу подойти к нему и потрогать. В нем до сих пор чувствуется сила, которую когда-то вдохнули в него маленькие красивые птички, и иногда мне начинает казаться, что гнездо терпеливо ждет их радостного возвращения и ни о чем ином не мечтает.

* * * Даже не помню, обвязывал ли я в детстве ниткой крепкие маленькие мандарины, чтобы затем вешать их на елочные ветви, и доставляло ли мне это какое-то удовольствие, но никогда не забуду легкого, поднимающегося откуда-то снизу, из-под срубленного деревца, аромата, с появлением которого вокруг постепенно воцарялись несравнимые ни с чем волшебный покой и неопишуемая радость.

Сколь ни ходки волк и лиса, а ступают очень осторожно, то и дело озираясь, заяц же кладет свой след напропалую, уверенно его печатая.

«Железные» желудки вороны и голубя перетрут все ягоды в порошок, зубы растительноядных зверей раздавят мякоть плода и раздробят семена, и только благодаря насекомоядным маленьким птичкам, чьи нежные желудочки пропускают ягоды с неповрежденными косточками, и всходят молодые ростки черемухи, рябины или вишни за километры от родительского дерева.

Весенний лес учит бороться и побеждать не только ударом лапы, клювом или когтями, но и песней.

Человек бывает невообразимо силен, и пылкий дух его неукротим, но случись с ним какая беда — и идет он за помощью в лес, как будто высокие травы, лесные озера или осязаемое присутствие зверя смогут избавить его от отчаяния и неодолимого нежелания жить. В такие минуты он уже не предполагает несовершенства среди лесных обитателей, убежденно признавая, что звери страдают и мучаются точно так же, как и люди, а может быть, даже сильнее, и справляются со своей бедой нередко более достойно.

Оглушенный болью и в силу этого позабывший о ее живительной сути, поддерживающей, так или иначе, красоту в душе, человек стремится найти опору собственного духа в лесу и находит ее. Тихий ли свет пасмурного осеннего дня помогает ему в этом, или перебежавшая дорогу лисица, на мгновение настороженно замершая у самой ее обочины,— он вскоре неминуемо для себя отметит, что жизнь удивительно полна, ни на секунду не собирается утихать, и, обретя вновь уверенность и желание жить, человек вдруг незаметно почувствует скрытую от него причину неведомого спокойствия и смысла именно в лесу.

Но, несказанно обрадовавшись этому, человек не в силах взять в толк, каким образом одним своим видом лес достигает такого счастливого поворота в его душе и как справляется со всеми несчастьями. Что испытывают сами звери, когда беда настигает их в одночасье, неизъяснимым грузом ложится им на натруженные лопатки, и гибель стелется неслышно под их лапами сухим прошлогодним листом либо замечает тропы непролазными предательскими сугробами? Как быть им и надеяться ли сегодня на помощь других лесных обитателей, если вчера они были тебе непримиримыми врагами, только поджидающими твоей слабости, чтобы самим бойко продолжить свой бег?

Ждать такой поддержки, наверное, было бы безнадежно, и потому одинокая дремучая сосна, сраженная молнией, заяц, защемивший лапу в расколоте пне, обессиленный сохатый, загнанный в глубокие снега волками,— все они предоставлены, скорее всего, самим себе. В необъятных лесных просторах гибель их незаметна, никак не ощутима и повлиять в целом на

жизнь природы, конечно, не в состоянии, и все же природа позаботилась о них.

Не в силах уберечь, природа наплатила плотью погибших зверей тех, кто остался жить, а значит, должен был есть, выкармливать своих детенышей, передавать им необходимый опыт. Останки еще долгое время могли служить птицам лакомым кормом, а истлев, удобрили собой почву, на которой в густом влажном мху заалет когда-нибудь глянцево-матовыми боками клюква или брусника. Не в пример человеку, лес не оставляет без внимания ни одну былинку, мудро предоставив ей возможность благодарно воскреснуть в каком-либо ином обличье. Своим существованием лесные жители обязаны друг другу, и эта нена-рушаемая взаимосвязь между ними помогает лесу преодолеть любую беду.

* * * И передать невозможно, сколько радости слышится в проникновенном пересвистывании рябчиков поутру, когда декабрьский мороз переваливает за двадцать, березки натужно пощелкивают и солнце раздавленной клюквой медленно растекается по выстуженному небосводу! Рябки только что проснулись, выпорхнули из-под снега и расселись по веткам, подставив свои пепельные грудки первым, еще прохладным солнечным лучам, но от всего этого почему-то пахло весной, а не перевозимьем...

Приятно сидеть в майский солнечный день на краю какой-нибудь укромной полянки и наблюдать, как изредка под-156

бегают друг к другу озабоченные зайцы и о чем-то совещаются.

* * * Трудно поверить, что голубое соцветие известного всем цикория, который знаменует своим цветением середину лета и цветет потом до первых заморозков, живет около четырех часов, с раннего утра впитывая синеву неба и постепенно бледнея к пасмурному полудню... И так, незаметно для человеческих глаз, каждый день появляются все новые цветы, сначала вбирая краски, а затем отдавая их, что создает ощущение бесконечного летнего праздника.

* * * Осень, как никакое другое время года, описывалось русскими писателями, которые так остро любили ее, так тонко чувствовали и передали всю прелесть, а она все равно остается неисчерпаемой.

* * * Весной все птенцы представляются желтопузыми.

* * * Черная шапочка гаички переходит в серую спинку так же неуловимо плавно, как мартовские сумерки переливаются в трогательную весеннюю темноту.

* * *

Мое счастье заключается в моем знании, в том, что я ценю свое время и всегда использую так, будто у меня его совсем

не осталось. Этим я раздвигаю границы возможного, когда другой не в силах их преодолеть, и обретаю полную свободу в достижении более насыщенной жизни, не отделимой от природы.

* * *

Схожая в добывании корма и повадках с лисой, енотовидная собака в то же время совершенно лишена какой-либо охотничьей сноровки, отыскивая добычу как бы нехотя, будто позабыла про себя что-то очень важное в лесу и не в силах вспомнить, отрешенно рыскает, путается и куда-то на время пропадает.

* * *

Обычно скрытый в лесу зеленый дятел, или, как его еще называют, седой, бывает к тому же и очень редок, но вот однажды, уезжая из деревни в город, я стоял в ожидании электрички на переполненном людьми перроне и замороженно наблюдал вместе со всеми, как этот самый зеленый дятел, усевшись прямо на стенку станционного здания, преспокойно настукивал и ни на кого не обращал внимания.

Расплавленным золотом река начинает течь только под осень...

С необыкновенно радостным ощущением жду я всегда приближения ослепительного, волшебного марта, который нако-158

нец-то приходит, к всеобщему удовлетворению, но, как ни странно, мешает видеть, слушать и впитывать всю окружающую красоту... Так он хорош!

Приблизив лицо к одиноко висящей на ветке капле, вдруг увидишь в ней весь окружающий мир...

Любого зверя и птицу можно всегда перехитрить, и на это способен только человек: оттого всякая тварь пуще огня его и боится. Человек прокричит раненым зайцем — и на этот крик приходит рысь. Посвистит в манок — прилетит рябчик. Поманит берестяным пищиком, будто мышью, — примчится лиса. По-вабит осенней ночью — явится на подвывку сам волк...

Но вот иногда, что случается крайне редко, зверь или птица могут подойти к человеку только потому, что им с ним... хорошо. Про такого человека говорят: он добрый, а от добра, как известно, худа не бывает. Всем с ним рядом просто приятно, от него исходят необыкновенные тепло и радость.

Звери и птицы тянутся к нему, как замороженные. Что-то в этом человеке не такое, как во всех остальных, и звери будто чувствуют свою безопасность, находясь от него в непосредственной близости, и не убегают. Мало того, звери и птицы даже льнут к такому человеку, как будто давно искали с ним встречи.

Со мной в лесу тоже происходили разные интересные случаи... Например, однажды ко мне в избушку пожаловал мед-159

ведь; на глухарином подслухе, еще засветло, я нос к носу столкнулся с рысью, и мы смотрели в глаза друг другу несколько мгновений; как-то вокруг меня происходила самая настоящая заячья свадьба. Но мне все-таки хочется рассказать о человеке, который необыкновенным образом располагал к себе и людей, и животных всю свою жизнь, а сам при этом оставался незаметным. Не буду называть его имени, опять же по причине скромности этого человека, но он действительно ничем особенным, казалось, не выделялся. Он, похоже, стеснялся любого, кому хоть сколько-нибудь мог помешать, и готов был извиняться ежеминутно, как бы вина себя просто за то, что существует и тем уже доставляет всем неудобство.

Этот человек прошел войну, концлагерь и вроде бы должен был порядком ожесточиться, но на то оно и добро, что ничего не боится, и за него злом не платят. С добром и без ссоры — словом, миром — человек сладит с кем угодно, даже со зверем или птицей. Зверь это почувствует скорее, чем люди, на всю жизнь запомнит и по-своему отблагодарит. По крайней мере, никогда уже не обидит, да еще сородичей оповестит, чтобы человека этого не трогали и не остерегались: он добрый.

Если с некоторыми людьми по добру, говорят, не разделаешься, то это ни в коей степени не относится к нашим меньшим братьям. Стоит им поверить тебе хотя бы раз — и тогда они твои навеки, если ты, конечно, не перейдешь допустимой черты. И даже когда ты переступил ее, они порой не перестают оставаться верными до самого конца, не в силах вообразить, что ты их предал.

Тот человек, о ком я хочу рассказать, никогда не только не переступал эту черту, но даже не приближался к ней. Он

жил с добром, ибо знал, что только в добре жить хорошо и если хотя бы час в добре пробудешь, все горе забудешь. И еще он никогда не ждал добра за добро, в особенности по отношению к животным, и именно поэтому, наверно, с ним случалась масса самых невероятных случаев, из которых я запомнил лишь несколько...

Будучи еще молодым парнишкой, наш герой пас овец. Стоял обычный августовский полдень, и все было тихо, но вдруг из леса на пригорке показались волки... Волков было два, по-видимому, матерый с волчицей, и двигались они без затеек напрямиком к краю стада, в расчете ухватить одну-две зазевавшихся овец. Волки шли стремительным наметом вверх по склону и не могли видеть пастушка, расположившегося в маленькой ложбинке, у самой верхушки поля. Наскочив же на него что называется «в лоб», звери, как ни странно, не опешили, а перепрыгнули через полулежачего человека, оттолкнувшись при этом лапами от его тела, в нескольких метрах замерли, обернувшись, и, никого не тронув, спокойно потрусили к нижнему леску, как будто и не намеревались только что пожить. Волков словно подменили после мгновенного столкновения с человеком, и они стали похожи на обычных домашних псов, охраняющих пасущееся стадо.

Человек, о котором идет рассказ, всю жизнь был страстным поклонником природы, посвятил ей себя без остатка и даже профессию свою избрал применительно именно к лесу: он выделял из бересты различные кошель, лукошки, корзины, туеса, пастушьи дудки, и многие из его изделий были отмечены наградами на разного рода ярмарках и выставках. Что называется — народный умелец, мастер на все руки, тонкий знаток

народного промысла! И, конечно, большую часть своего времени он проводил у себя на даче, в деревне, между делом подкармливая птиц и зверушек, постоянно обитавших в его доме. Но особенно ему был дорог поползень Митя, который прожил у него несколько лет.

Нужно заметить, что поползни относятся к птицам, которые редко кем приручаются: обычно в этой роли выступают галки и сороки, грачи и синицы, скворцы и даже вороны. Но вот поползень! Уж больно эта симпатичная серенькая птичка с розовым животиком ведет обособленный образ жизни и чаще остается незамеченной. Как мышка, тихонечко шастает она по стволу в поисках запрятанных в коре семечек или личинок,— не каждый ее еще и увидит. Но вот Митя, как и все птицы, сначала стал прилетать на приготовленную человеком кормушку, а потом и вовсе подружился с ее хозяином.

Больше всего Митя любил сливочное масло и склеывал его прямо с пальцев рук или даже губ человека, а пока тот работал, сидел на его плечах, забираясь в рукава и карманы одежды, подолгу разыскивал что-то в волосах на голове,— словом, вел себя совершенно свободно. Привязанность эта была хорошо заметна, даже ярко выражена, и постепенно переросла в настоящую любовь. В доме еще жили жена и сын, часто приезжали одни и те же гости, но поползень избрал для своего поклонения именно хозяина. Маленькой птичке, видимо, было очень хорошо в этом доме, и она прожила там более трех лет.

Отправившись однажды по грибы, человек этот набрел на поляну, усыпанную крепкими боровиками. Сначала он запол-

нял корзину, не отставляя ее в сторону, и только когда она стала достаточно тяжела, опустил на землю. Из всех существующих охот более всего он предпочитал грибную, и своей страсти всегда отдавался с удовольствием, не спеша. Вот и тогда, тщательно просмотрев дальнюю опушку и нарезав целую рубаху белых, он вернулся к корзине и, к немалому удивлению, обнаружил в ней... зайца.

Заяц был большой, серый, в светлых подпалинах, и его красный нос размеренно двигался во все стороны и изредка вздрагивал. Грибы заполняли корзину уже на добрую половину, но это не помешало зайцу забраться в нее и замереть, как будто бы он обнаружил ямку для укрытия или просто присел под елочкой отдохнуть. Плотно прижав к спине уши, он продолжал сидеть так, даже когда человек остановился с ним рядом, и, кажется, совсем не собирался убежать. Пришлось перевернуть корзину и пугнуть зайца, громко хлопнув в ладоши, но зверек и после этого остался на месте и только покосил коричневым глазом, как бы недоумевая: чем он помешал?

Ну а дальше, как водится, если ты лесовик, да еще и заядлый грибник, то уж тут никак не обойтись без рыбалки... И вот — стоит ранее июльское утро, солнце уже пригревает, а удочки нашего доброго знакомого наострены еще с вечера. Леса преломляется в прозрачной воде, и видно, как на крючке у самого дна извивается червяк. Тихо, ни ветерка, медленно клонит в сон...

И вдруг на самый кончик удилица присаживается куличок, не обращая ни малейшего внимания на человека, находящегося в двух шагах. Куличок озабоченно крутится, как будто выбирая более удобную позу, то и дело заглядывает в воду, поворота-

чивая голову на бок, и наконец начинает одной лапкой подтягивать к себе леску, пока не вытаскивает червяка — и вмиг с ним исчезает. Опешив от увиденного, рыбак, естественно, меняет насадку и забрасывает ее в воду, после чего куличок вновь неожиданно появляется и все в точности повторяется. Один раз рыбак попробовал закинуть пустой крючок, и птица, убедившись, что ее обманули, подняла крик... Ну это ли не удивительно, и разве не воскликнешь после всего: воистину блажен человек, если живет не только для Бога и людей, но и для своих меньших братьев!

Оттаявшие по весне пихты начинают источать голубое свечение и изумрудно-фиолетовый аромат.

Белый холст заснеженного поля, черные ивняки у занесенной реки, рыжеватые копны сена — вроде бы все пустынно и немножко диковато, но удивительно поэтично.

Тень от высоко плывущих облаков ползет по лесу, медленно перемещается с поля на бугор, и в душе пробуждается удивительная покорность.

Весной крапива спешит на выручку человеку.

Иной раз кто-то другой в тебе, не ты, вдруг ни с того ни с сего схватится в лесу за ружье да и подстрелит какого-нибудь вовсе ненужного зверька — и станет невыносимо, что лишил его жизни.

* * *
Всю жизнь хожу по одному и тому же лесу, но каждый раз нахожу в нем что-то новое. И так, благодаря только одному лесу, постепенно умнею и становлюсь богаче.

От кончика хвоста и до носа лиса есть точеное воплощение непревзойденной жизнестойкости.

То, что глухарь способен токовать каждый день, из года в год, на одном и том же дереве, а порой даже на горях, где до пожара располагался ток и после сплошного пала сохранились лишь обугленные пеньки, говорит о его седой древности, благодаря которой привычки глухаря остаются неизменными.

Из белых снежных вихрей возникает мрак зимы.

Малиновый жар лета слаще всего ударяет в голову в душных логох и заросших оврагах, куда нетерпеливо спускаешься за яго-165

дой, жадно вдыхаешь ее аромат, отправляя в рот целыми горстями, и подниматься уже не хочется.

В конце октября в лесу тихо-тихо, и если зашуршит, цепляясь за ветки, одинокий лист, почудится, будто кто-то ненароком вздохнул и затаился, а уж если пробежит мышшь, то сразу встряхнет осеннюю тишину!

Трудно увидеть в лесу осторожную рысь. Незаметно ходит и далеко слышит этот зверь. Шаг у рыси мягкий, вкрадчивый, настороженный, а на уме одна корысть — как бы где поры-суть...

Рыщет рысь по полям, по лесам — что-нибудь да раздобудет себе на пропитание, на то она и рысь. Лиска охотится по мышам, рысь же ищет себе поживу покрупнее: то придавит лапой ночующего в лунке рябчика, то скрадет краснобрового косача, отбившегося от стаи, на худой конец отобедает яйцами куропатки или поймает зазевавшуюся белку. А бывает, нападет на рысь спесь, так не хочет и с дерева слезть. Лежит, вольно развалившись в удобной развилке, да щерится в рыжие бакенбарды, — кажется, от гордости своей звериной и при виде опасности не вскочит.

Часто рысь затаивается на ветке над звериной тропой или у водопоя. Пробежит мимо заяц — рысь прыгнет с ветки, вцепится ему в шею и загрызет. Промажет — скоро оставляет преследование, потому как сердце у рыси маленькое в сравнении с

крупным телом и от долгого бега она быстро задыхается. Но и на ее век еще зайцев осталось!

Добычу рысь обычно закапывает в сухие листья или в снег, а потом, с наступлением темноты, приходит и ест. Но случается, падет в лесу какой-либо зверь от болезни или старости, да так, никем не тронутый, и лежит. Бывает, весь истлеет, рассыхнется, и проходит долгое время, пока его останки не разыщет какой-нибудь хищник. Даже воронье по какой-то непонятной причине минует место верной для себя трапезы...

Вот и я однажды обнаружил умершего лося. Лес большой, и даже для чутких лесных жителей отыскать такого заметного зверя оказалось делом нелегким. Лось лежал целый и невредимый, только рога были погрызены мышами... А вскоре выпал снег и постепенно завалил лося. Метели надули над его телом громадный сугроб.

Сначала я наткнулся на след рыси... Зимой можно часто встретить ее след в лесу: рысь не прочь прогуляться по снегу в поисках добычи. Ни с каким другим зверем не спутаешь ее кошачьи разлапистые следы. Вылеплены они как-то по-особенному красиво, легко и мощно. Словно дикой лесной кошке нравится ступать вот так, и она любит сама собою.

Взволнованно бьется сердце при мысли о том, какой это необычный и загадочный зверь. Может, оттого, что таится он более других, существуя как-то незаметно. Рысь, кажется, соединяет в себе черты многих зверей, скрывая собственное лицо.

По лесу рысь идет спокойно и размеренно, будто никуда не торопится, и всегда избегает в своей жизни какой-либо суеты. Хищник редко бегаёт, чаще крадется, мягко ступая

крупными лапами со спрятанными когтями. Судя по следу, чувствуется, как ей это приятно,— рысь полна скрытой силы и коварства.

Еще рысь пестра шкурой, так что не сразу заметишь посреди заснеженного бурелома ее гибкое тело. Слившейся с корой деревьев тенью проскользнет она мгновенно и тотчас исчезнет. Будто ее тут и не было... Рысь избегает попадаться на глаза человеку, и оттого поступь ее бесшумна, а чутье неимоверно.

След рыси дышит ее матеростью, какой-то спокойной хитрецей. Словно зверь наперед знает все, что может с ним случиться, и ничего не боится. В этом своем ровном спокойствии рысь не похожа ни на какое другое животное: она одновременно невероятно обособленная сила и непознанная тайна.

Ее овальные мякиши пальцев приятно вырисовываются в недавно выпавшем снегу, выдавая в звере какую-то даже кротость. Зверь этот, конечно, ни на кого не похож и по-особенному красив. Он замечателен в своем почти никому невидимом образе жизни.

Чрезвычайно осмотрительная и хитрая, рысь никогда не теряет присутствия духа. Из всякого, даже невыгодного для нее, положения она старается и умеет извлечь пользу. И при этом всегда выдержанна, спокойна.

Зоркие глаза и острый слух заранее подсказывают ей, как надо себя вести. Своего врага или поживу рысь встречает бодрой и собранной. Застыв, как изваяние, всматривается она в окружающие предметы и не пропустит ни единой мелочи. Замечательно восприимчива рысь к чужой слабости и силе, и невероятно сложно ее саму чем-либо огоршить.

Это происходит потому, что рысь никогда не разрешает себе расслабиться, она постоянно готова к нападению, и беззаботность ей не присуща. Ей, должно быть, очень нравится всякий раз красться, как бы заигрывая с жертвой, и она беспрестанно подогревает в душе азарт охоты. Плохо скрываемой кровожадностью пышат ее расплывающиеся в злобном оскале баки, а уши прижимаются к затылку так одичало и задервенело, что начинает неприятно посасывать под ложечкой. Все в рысином облике будто наставляет: держись от меня подальше, я же буду стараться застигнуть тебя врасплох!

Любовь к охоте и прирожденная сметливость не зря снискали ей заслуженную славу, которая рысь ничуть не трогает, и она не устает преумножать в себе терпение с упорством. Рысь как бы даже становится нездоровой в этом стремлении, впрочем, бесспорно, восхитительном. Вот уж кто, наверно, не переносит неволи, обнаруживая при этом чувства, ей не свойственные. Только обаяние дикой природы пленяет рысь, и, почуяв впереди поживу, рысь вся преобразается.

Моя рысь, видимо, тоже уловила запах добычи, и след ее сразу изменил направление. Он как будто превратился из мягкого — в твердый, стал нацеленным и устремленным. К тому же след был свежим, и я осторожно двинулся по нему, желая выяснить причину неожиданного поведения рыси.

Вскоре след привел меня к заметенным снегом останкам лося. Судя по припорошенным старым следам, рысь давно обнаружила умершее животное, забросала его лесным мусором, а затем уже прорыла к лося глубокую нору и время от времени приходила лакомиться. Изредка, по-видимому, она оставалась

здесь на ночевку, подолгу лежала возле туши, будто охраняя, и настороженно засыпала.

Когда я набрел на рысий след и пошел по нему, желая выследить зверя, рысь находилась у своего лежбища и, увлеченная трапезой, не услышала моего приближения. Я тоже не сразу распознал, что происходит в норе, и только после того, как заглянул внутрь, от неожиданности отпрянул. Рысь сидела задом к выходу, и из норы доносилось приглушенное урчание.

С трудом развернувшись, рысь выскочила наружу и тут же присела к земле, зашипев на меня, как кошка, и прижав к голове уши. Только густые кисточки чуть-чуть лохматились на ее макушке от легкого ветерка, глаза же остекленело щурились, а у меня даже не возникало желания выстрелить ей в морду. Я смотрел на нее в упор и почему-то не верил, что зверь сейчас вскочит мне на грудь.

Вместе с другими зверями, оставившими в моей душе след, эта рысь приходила потом ко мне всю жизнь и будила только приятные воспоминания, оживляя в памяти тот зимний день, и я опять восхищался неподражаемым зверем. Чего бы мне это ни стоило, я старался отправиться зимний лес с надеждой еще раз заглянуть великолепному зверю в глаза и пожелать ему долгой лесной жизни.

Чувствуя поздней осенью близкое угасание всего живого, ощущаешь ее как тишину, и в этом смирении природы открываешь для себя непривычную удовлетворенность.

Человек, находящийся в тайге, не видит широкого простора и все время оказывается в особом лесном мире, ограниченном деревьями. Вокруг себя он замечает только бесконечные стволы, переплетение ветвей и длинные узловатые корни у самой поверхности почвы. Эти корни, как жилы, повсюду выступают по выбоинам троп, человек то и дело спотыкается о них, нередко падает и, только очутившись на земле, обращает внимание на то, что было скрыто от него и никогда бы не заинтересовало, не оступись он о корневой выступ...

Холодное, зимнее небо так отрешенно, что ворон, кажется, застывает на лету.

Осеннее «чек-чекевряк, трю-рю-рю-рю-рю» у рябчика — это знак довольства размеренной лесной жизнью, милая птичья доброжелательность и улыбка, с которой петушок предлагает самочке свою любовь...

Только благодаря лесу, его насыщенной внутренней жизни, я научился постижению сути вещей, которое, как оказалось, вовсе не зависит от уровня образованности.

Многие месяцы отличает ясное голубое небо: и безбрежный

июнь, и умиротворенный август, и молодой проникновенный апрель, но только в марте его голубизна распахнута!

Летним вечером, после заката, в воздухе долго бродит тепло — тычется в окна, сени, ограду, как будто не зная, куда себя еще деть, и даже когда зажигаются звезды, накопленный за день жар не угасает, а подымается в небо и согревает их мерцающий далекий свет, отчего звезды начинают казаться более земными.

На огромной мохнатой спине убитого медведя ветерок треплет шерсть, на живом звере — лишь шевелит.

В яркие мартовские утренники елки уже не прячут глаза, как это у них по обыкновению заведено, а будто жмурятся от удовольствия.

* * * Вступая ночью в полосу лунного света, вдруг вмиг ощутишь, как в нем безжизненно, но не пусто.

Много раз я слышал истории про ежей, которые жили у кого-то в городской квартире или на даче, и всегда из этих рассказов узнавал что-то интересное о забавных зверьках, но

самому никогда не приходилось встречать их в лесу, и уж тем более — ловить. Как это часто бывает, самое приятное и радостное приходит к тебе в жизни неожиданно, а помогает обычно какой-нибудь случай, порой впрямую и не относящийся к лесу. Вот и в тот раз еж попал в мои руки... в областном краеведческом музее, вернее — в таксидермической мастерской, куда его привезли из деревни отец с сыном и оставили «на чучело». Еж, по их словам, уже давно ничего не ел, вел себя вяло, и потому они решили, что он «не жилец и нужно употребить его на пользу».

Еж тихо сидел в картонной коробке и не подавал никаких признаков жизни. Он и в самом деле казался неживым, но когда я осторожно дотронулся до него, вдруг сжался и глухо, отрывисто уркнул: «тук». Затем опять, еще более сердито: «тук-тук, тук». Еж был очень толстый, и мне показалось странным, что он больной.

Купив пакет молока и булку, я попробовал покормить ежа, но долгое время он никак не проявлял себя. Отойдя за шкаф, в угол, я стал наблюдать за ним, и скоро еж пошевелился. Слегка разжавшись и высунув блестящий носик, он сначала робко принюхался, а в следующий момент уже оказался рядом с консервной банкой, в которой я ему все приготовил, и вдруг жадно накиннулся на мое угощение.

Банка прыгала по столу, как лягушка, а еж озабоченно фыркал, неистово подталкивая ее к самому краю, и наконец сбросил на пол, после чего вновь сжался в колючий комок и возбужденно затукал. Весь его вид говорил о том, что он вполне здоров, полон сил и самое время отправить его обратно в лес. Ехать за город было некогда, и я отнес ежа в большой лесной

парк неподалеку от своего дома, где выпустил его на укромную полянку. Знакомые потом осуждали меня и даже подсмеивались, убеждая, что еж непременно погибнет в новом незнакомом месте и я сам запнусь о его бездыханное тельце, когда отправлюсь туда гулять. Признаюсь, раньше мне не приходилось встречать в этом парке ежей, но я все таки не терял веры и очень надеялся, что мой подопечный отыщет себе друзей. Вскоре, за постоянными заботами, я и вовсе забыл о нем думать.

Когда пришла весна и сошел грязный снег, мы с сынишкой отправились гулять. Наш парк — остатки былого, когда-то огромного лесного массива, и изредка в нем можно было наткнуться на следы зайца и лося. Самих зверей мы там никогда не встречали, но вот белок подкармливали зимой постоянно, сделали для них две кормушки и даже добились того, что симпатичные зверьки брали у нас сухарики с рук. К кормушкам подлетали синицы, поползни, не гнушались угощения и дятлы с сороками, но когда прибежали белки — птицы разлетались, усаживаясь на сучках поближе. Драк между ними не случалось, и каждый мог взять столько, сколько способен был унести.

Однажды мы оказались неподалеку от той полянки, на которой в начале лета я выпустил ежа. Слышим, кто-то шуршит в пожухлой траве. Пригляделись — ежик бежит, такой маленький, что даже непонятно: как он пережил суровую зиму?!

Носик булавочкой, иголочки серовато-белые, кажется, еще совсем мягкие, сам раза в три меньше того, которого я здесь когда-то оставил. Ежик, заметив нас, тут же юркнул под корни старой ели, зарылся с головой в сухие листья и замер,

а кругленькая попка наружу торчит... Думает, мы его не видим!

Смешно нам стало, но про себя я думаю: откуда бы ему тут взяться? Не иначе как мой еж нашел себе приятельницу или, может быть, то была беременная ежиха... Не случайно, наверное, еж тогда поначалу выглядел больным, а затем оказался здоровым. Да и с виду он был такой округлый, гладкий, будто мячик. Но голыми руками ежа не ухватишь!

Про ежа в русском народе существует много разных сказок, в которых он предстает по большей части добродушным зверьком. Еж в них всегда очень смелый, потому что никого не боится и всем помогает. При этом он сохраняет удивительное простодушие, несмотря на то, что обладает обостренным чувством собственного достоинства. Но гордость не мешает ему жить — она только более поднимает его с глазах зверей и человека, и ежу оттого все доверяют.

Ежа не без оснований считают умным зверем, полагая, что никто лучше его не может обустроить свою жизнь. А между тем происходит это у ежа довольно-таки бесхитростно и просто. Кто хоть раз натыкался в лесу на его зимнее убежище, несомненно поймет, о чем идет речь.

Выбрав место для норки, еж заботливо утепляет ее осенней листвой и ложится тут же, если ему все это понравилось. Затем он постепенно впадает в беспмятство зимней ночи и уже ничего не желает. Ничто не мешает ежу сладко утихомириться в подступающем к нему покое. За этим ежиным сном куда-то улетает и его душа, как будто несостоявшееся вдохновение отложило до следующего года свое неподражаемое появление. Душа у ежа несомненно есть, потому как

зверь без надобности ни с кем не конфликтует, достаточно добродушен, неприхотлив и, главное, живет в согласии с окружающим миром.

Обнаружив в лесу ежа, всегда хочется его потрогать и поддержать в руках, несмотря на острые иголки. Ежик от такого прикосновения очень мило хрюкает и закрывается с головой еще глубже. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представишь, как он рассердился.

Принято думать, что еж очень умело использует свои иголки, натывая на них грибы и яблоки. Затем он будто бы несет их в свою нору и ест там всю зиму. Трудно вообразить такое просторное обиталище, которое могло бы вместить все его запасы, в сравнении с обычным закапыванием в листья. Но то, что ежик спасается иглами от бесконечных врагов, бесспорно. В народе недаром замечали: что ни хват, то ерш или еж!

Несмотря на видимую медлительность, зверек этот очень шустрый. При подступившей опасности еж быстро убегает и так же молниеносно принимает решения. Ни от кого не зависящий и смелый, ежик все делает, как хочет, и его не обуревают сомнения. Сомнения, кажется, вообще не посещают ежа, и он представляется всем обыкновенным, милым зверьком.

...И вот нам предоставилась возможность поддержать рядом этого зверька хотя бы день и проверить, какой он на самом деле. Сынишка смотрит умоляюще, глаза горят и, стараясь убедить меня, но не в силах ничего произнести от волнения, только теревит низ куртки. Я, конечно, быстро соглашаюсь, потому как мне и самому интересно понаблюдать за ежом, почувствовать себя его обладателем.

Несем ежа домой, а я опять думаю: раньше ежи не встречались в нашем лесу, этот ежик совсем маленький, родившийся, по-видимому, в прошлом году, значит, я тогда спас его мамашу, мамаша благополучно разрешилась ежатами и они с божьей помощью перезимовали. По крайней мере, один ежонок остался цел и невредим, свернулся в маленький клубок в моей шапке и в ус не дует, а ведь могло этого и не быть. Я смотрю на сына и радуюсь вместе с ним, что все так удачно сложилось: человек позаботился о лесе, и тот ответил ему своей улыбкой.

Дома мы первым делом покормили ежа: налили ему в тарелку молока и покروшили туда хлеба. Ежик, нисколько не пугаясь, подбежал к угощению и начал лакать молочко, да так жадно, что сначала залез в тарелку передними лапками, вскоре у него очутился в ней животик, а затем он и весь там оказался, вызвав неописуемый восторг у сына. Наевшись, ежик уснул прямо в тарелке и не просыпался до самого вечера.

Когда в доме все улеглись, ежик принялся обследовать каждый угол, при этом озабоченно фыркал и беспрестанно цокал по линолеуму коготками, никому не давая сомкнуть глаз. Забрался в шкаф, побывал под диваном и кроватями, перевернул в кладовке старые газеты, а под самое утро облюбовал бабушкины тапочки, куда и наделал. Наутро мы обнаружили по всей квартире десятка три его холмиков, причем помет у ежа оказался такой едкий, что вся семья полдня оттирала темно-зеленые разводы и было решено избавиться от зверька. Еж, конечно, выглядел очень мило, но соседство с ним создавало множество хлопот, и лучше было отправить его обратно в лес.

Перед тем как отпустить ежа, мы с сынишкой посадили его на пенек и еще раз внимательно рассмотрели. Ежик озорно поблескивал черненькими глазками и на все, что с ним делали, реагировал спокойно. Сынишка взял его на руки и попросил меня сфотографировать их с ежом на память, а ежик даже не свернулся в клубочек, как он это всегда делает. Он только затуркал, вздрагивал иголочками, наверное, от возбуждения, и выглядел при этом очень забавным. Когда говорят: «Отойди, еж, на тебе тулуп нехорош», — это, скорее, относится к колючему, неуживчивому человеку, нежели к такому замечательному зверьку, как наш обыкновенный ежик!

Осенний ветер стремглав бросается между домов, весенний льется нескончаемым потоком.

В лесу я занят только лесом, а не собой, и хотя лес обостряет чувства, они впитывают лишь его звуки, запахи и мысли.

* * * Любая задавленная тобою

пичуга когда-нибудь с тебя взыщется, и никакими благими делами уже не смоешь с себя ее кровь.

* * * Завершаешь лесную книгу

только тогда, когда в душе наступает полное успокоение, как если бы ты вышел из большого

таинственного леса после нелегкой дороги и в неизъяснимом удовлетворении присел отдохнуть на пенек...

Вешки по краям занесенной снегом дороги, в пургу, хороши только из еловых лапок, которые лучше всего скрашивают ее, более заметны и почему-то успокаивают.

В лесу я нахожу самого себя, и даже тревога, изредка протекающая из его самой дремучей глубины, воспринимается радостно.

Еж ест все и всех, с кем может совладать, и в поисках пищи часто натывается на змею, которая хватается за кончик носа, и тогда еж орет, но добычу не отпускает.

Часто от людей можно услышать недоумение или даже негодование по поводу «бессердечности» волков-родителей, которые будто бы равнодушно взирают на то, как охотник по одному достает из логова волчат и бросает их в мешок... По крайней мере, звери никогда ничего не предпринимают в защиту своего потомства, смотрят со стороны и не приближаются, в отличие, скажем, от глухарки, которая скорее пожертвует собой, чем бросит птенцов, а во время пожара закрывает

их своим телом и погибает вместе с ними. Но так ли трусливы звери, на самом деле являющиеся нежными и мудрыми воспитателями?!

Именно потому, что волк исключительно умен и отважен, он и не защищает волчат, обнаруженных человеком в его отсутствие. Когда волк заподозрил, что логово раскрыто и он успевает опередить человека, зверь немедленно переносит волчат на новое место. Но если поздно — никак себя не проявляет, хорошо понимая: дать себя обнаружить — значит быть самому уничтоженным, что невыгодно для продолжения рода. А вот затаиться, перетерпеть, как бы ни было больно, и в следующем сезоне начать все сначала — будет истинно по-волчьи. За эту силу духа, которой порой недостает даже многим людям, волк должен вызывать у них искреннее восхищение, но уж никак не осуждение.

* * * В масленичную разомлелую пору мысли почему-то не маслянисты, а необыкновенно ясны.

Придя в лес, надо двигаться и дышать в такт его ритму, а не принесенному с собой. Это не боязнь заслужить неодобрение,— просто так удобнее найти с ним общий язык.

Лес обостряет чувства, и неопытный человек быстро устает от их насыщенности. Постепенно он начинает переносить весь интерес, подаренный ему лесом, на себя, и в результате оказывается в плену разыгравшегося воображения.

Быть наедине с природой нелегко, и для этого необходимо

войти в нее как можно раньше. Как примет тебя лес, зависит от тебя самого. Можно прожить рядом с ним целую жизнь и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться пробыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг,— и все же потерпеть неудачу...

Как бы ты ни был изощрен и настойчив в стремлении дотянуться до неизведанного, лес нежелательно расстается со своими секретами. Он не прощает ни единой допущенной тобой в жизни моральной ошибки, независимо от того, произошла ли она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности.

Последствия такой допущенной небрежности неминуемо скажутся когда-нибудь на твоём отношении к лесным жителям. Происходит это по большей части неосознанно, исподволь, а лес, конечно, все чувствует и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к себе человека, не обремененного жадной познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойденный разум, сам в то же время его недостойн.

Извращенный человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и выслушает, прежде чем удостовериться в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикарь, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отучит его от своих тайн, станет вдруг недо-181

ступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться в лесу одному.

Человек — более способный ученик природы, нежели животные, но тем не менее ему приходится преодолевать, в сравнении с ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что, даже преодолев их, он оказывается в итоге перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития. Только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интереснее жить на белом свете в отличие от любого животного и птицы, искренне желая хотя бы на время побыть аистом, волком или только что родившимся жеребенком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, который, оставаясь самим собой, представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо и многими другими зверями. Обостренность и полнота восприятия окружающей лесной жизни была у него порой несоизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму обладаемых ими чувств, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе страх. Неумолимо писателю это отчасти удалось, как удалось бы осуществить еще талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу. Лес принял бы его под своей осеняющей тайной и укачал на еловых душистых лапах, вдохнув в сердце оцепеняющий восторг, боль и благодать.

Ни сентябрь, ни октябрь, ни даже ноябрь, несмотря на постоянно сующийся снег, все-таки не припадают к земле, а устремляются зачем-то в безжизненно-стеклянную высь, и только декабрь с наслаждением и очень долго примеряется, укладывается и наконец безмятежно засыпает, сосредоточив всю свою силу под собой.

Кажется, никогда я не ждал весны с таким нетерпением и отправился в лес прямо в апрельскую оттепель... То и дело проваливаясь в сыром снегу, все-таки сломал лыжу в десяти километрах от деревни, возвращаясь домой до самого вечера, вконец умаявшись, но всю обратную дорогу не покидало приподнятое настроение и было непередаваемо весело.

Как бы ни был силен мороз, месяц на небе никогда не скорчится.

Идешь за грибами и под каждой елью воображаешь семейство крепких боровиков. Неумолимо заглядываешь под еловые лапы, тешишь себя предощущением желанной находки, а там только таинственная пустота. Наконец попадается такая старая раскрасавица-ель, что уж, кажется, она-то не может не скрывать в своей укромной тени хотя бы один белый, но и под ней ничего нет...

«Вот те на!»— восклицаешь в сердцах после очередной неудачи, совсем отчаявшись отыскать желанный гриб, а находишь его неожиданно возле какой-нибудь неказистой высохшей елочки, которая незаметно становится для тебя самой красивой и дорогой.

Все в ночном лесу, при лунном свете, кажется каким-то безжалостным и никчемным, будто он однажды умерло, но вот вдруг воскресло, и не в силах постичь: во имя чего?

Первый ноябрьский снег не смущает легкокрылых комариков, они преспокойно перелетают, толкутся в воздухе, будто совсем не замечая его, и даже временами касаются тоненькими ножками стылой снежной поверхности.

Когда долго идешь по березовому или осиновому лесу, даже по сосновому, все деревья, в своем надоевшем однообразии, постепенно становятся не важны для тебя, они попросту сливаются в ничего не выражающую древесную массу, и это плохо. Нужно научиться так воспринимать любое растение в лесу, чтобы видеть и чувствовать его в отдельности, а вот это, оказывается, ничуть не утомительно и вполне достижимо, если распознал, как и дерево, свое место на земле, которое отстаиваешь, несмотря ни на что.

В лесу по-детски радуешься свободе.

И у зайца за мелкими зубчиками-резцами имеется свой клык.

Бродя целый день по лесу и привыкнув к однообразию ходьбы и лесных пейзажей, всегда с удовольствием отметишь гору сосновых или еловых шишек, заботливо натасканную дятлом в небольшую впадинку с корневым выступом либо к пеньку на краю опушки, чем-то привлекающему птицу. Приверженность дятла какому-то одному месту давно известна.

Бывает, годами остается привязан к нему дятел, по несколько сотен шишек выбивает за зиму, но места не переменяет. Хороша именно эта «кузня», а вернее — «верстачок», куда он защемляет шишку и выколачивает из нее семена.

Может быть, эта приверженность — из-за неприхотливости дятла, его несравненной работоспособности? Некогда дятлу искать более подходящую «наковаленку», и, повстречав более-менее подходящую, он ударяется в свою бесперебойную стукотню. Всю зиму настучивает, несмотря на вьюги и метели, с утра до вечера, с осени до весны....

И что еще интересно: порой встречаются «кузни» всего лишь с несколькими шишками, тогда как однажды я насчитал даже до тысячи. Устав перебирать шишки, помнится, стал их десятками отбрасывать в сторону, а они все не кончались... Видно, любимое то было место у дятла, и бросать его старательная птица

не желала. Пристрастие дятла к какой-то одной избранной им «кузнице» отличает в нем не только старание и основательность, но и вкус, увлеченность. Все бы стучал да стучал, а шишки росли горой, всем на удивление!

В зимний мороз, если ты без варежек, никогда не станешь согреть руки дыханием, а спрячешь их где-нибудь за пазухой, под мышками либо в глубоких карманах, весенним же утренником бежишь на лыжах, дышишь на покрасневшие ледяные кисти, но все-таки не убираешь их.

Идешь по лесу, где уже не однажды бывал, а в нем по-прежнему стоит особенная тишина, которая хранит дремучие тайны.

* * *

Первый снег, говорят, всегда на сонных нападает, потому что залегает вокруг тысячами притаившихся зайцев, чья белизна так проникновенна, что совершенно обезоруживает и усыпляет.

* * *

Трудно не запомнить день, не похожий ни на какой другой, тем более на глухариную току, когда еще с вечера, на подслухе, все складывалось как нельзя лучше. Ты благополучно подсмотрел подлет глухарей, запомнил место их присадки и, скоротав пару часов у костра, до рассвета осторожно подобрался к нему.

Рассвет тоже выдался на славу: величественный, малиново-пунцовый, без малейшего ветерка... Слышно было, как где-то медленно падает на землю сухая сосновая ветка, изредка цепляется, застревает, но все равно валится вниз. Все было готово к пробуждению птиц, и лес как-то по-особому замер, на короткий миг настороженно затаился.

Глухарь запел вовремя, впотьмах, когда даже на отдаленно растущей ветке его не различить, а можно только услышать сухой стук от падающего помета и как гремит перо у токующей птицы. Всматриваешься до боли в глазах в настороженную весеннюю темноту, сердце ударяет в виски, и все кажется: глухарь почувствовал тебя или заметил и вот-вот сорвется в лесную чащу. Звуки его песни отчетливы и в то же время как будто приглушены; от нее невозможно оторваться, и волнение твое доходит до предела.

Глухарь изредка перелетал с верхушки на верхушку, и я неслышно перемещался за ним, так что к рассвету оказался на краю укромной, заросшей низенькими березками полянки, служившей когда-то покосом. В какой-то миг солнце выкатилось из-за леса, щедро брызнуло между стволов, и поляна окрасилась кремово-розовым светом. Песня глухаря от этого, кажется, еще более оживилась, глухарь повернулся грудью к востоку и восторженно рассыпал колено за коленом. Я стоял на краю опушки, почти под самой птицей, и был так увлечен глухариним токованием, что забыл про ружье в руках...

И тут я отчетливо услышал за спиной чьи-то шаги... Кто-то осторожно шел прямо в моем направлении, и шорох от этих невидимых шагов усиливался благодаря кровавым молоточкам, учащенно барабанившим в напряженных руках. Шум шагов ши-187

рился, рос, и вскоре, боясь нарушить воцарившуюся таинственность, я уже воспринимал их почти за спиной, но повернуться не решался. Пересилив страх, хотелось дождаться мучающей разгадки, никак не выживив себя. Кем мог оказаться неведомый лесной гость в этот предутренний час на далеком глухаринном току?!

А шум все усиливался, но почему-то воспринимался воздушно, оторванно от земли. Он обтекал окружающие кусты и деревья, наполняя собой настороженную тишину, потому что был единственным, помимо глухариного пощелкивания и точения. Шум вобрал, кажется, и меня, и когда он превратился во внутреннее ощущение и я уже было решил повернуться, что-то коснулось моей ноги... Стараясь не двигаться, я скосил вниз глаза и обнаружил... копалуху.

Не обращая на меня внимания, вернее — не замечая, рыженькая курочка, переваливаясь с боку на бок, ловко вышагивала по еле приметной тропинке, а я оказался прямо у нее на пути. Копалуха, наверное, приняла меня за дерево или пень и не побоялась коснуться оперением, пробегая почти вплотную. Она была увлечена присутствием красавца мошника, которого уже давно слышала из своего ночного укрытия, и теперь в возбуждении пробиралась на его песню, желая поскорее оказаться рядом с ним. Ничто не могло остановить копалуху в ее страстном стремлении к любви.

Я с облегчением перевел дух, еще не осознавая, что впервые вижу подобное: как копалуха подбегает к глухарю на его песню, он слетает к ней на землю, какое-то время они милуются, играют, а затем уединяются в лесной чаще для совершения великого природного таинства. Не шелохнувшись, стоял я и любовал-188

ся этим чудесным тихим утром, увлеченными друг другом птицами и невольно думал о том, что в лесу малейший шорох порой среди неведомому и жуткому шуму и должно пройти достаточно времени в лесных скитаниях, прежде чем ты научишься отличать опасность от обворожительной тайны и будешь спокойно и радостно воспринимать все так, как оно есть: и глухариную песню, и поднимающееся солнце, и пронизывающий ветер с холодным дождем, и столкновение со зверем, и самые неожиданные звуки и шорохи, на которые только способен пробуждающийся весенний лес. В лесу, говорят в народе, даже самую радостную думу думают без шума, а любой лесной шум — это его благо и ум.

* * * Среди стрекоз встречается такой вид, как «красотка девушка», и это поистине сказочное создание с темно-синими хрупкими крылышками, чрезвычайно изящным тоненьким телом, отливающим чарующим блеском, длинными грациозными ножками и огромными глазами,— ничего не стоит поймать.

Без зверей и птиц лес как будто сжимается, но стоит в березовой чаще сорваться глухарю — и он становится бесконечно большим.

* * * Упоительная мартовская свежесть огромна: как живой родник, журчит все утро, день, вечер и еще целую нескончаемую ночь...

Горихвостки, как и все мелкие воробьиные птицы, отличаются изумительным постоянством в выборе какой-либо территории. Так, селясь каждую весну у меня в деревне, неизменно под карнизом дома, они, наверное, с неумолимой точностью возвращаются на зиму в один и тот же сад, где-нибудь в экваториальной Африке... Часто я силюсь представить этот сад, но у меня ничего не получается, и я начинаю завидовать маленьким птичкам.

Утреннее солнце в марте розовеет на темных еловых ветвях, а они почему-то кажутся старыми и засохшими.

В разгар лета огромный и сильный медведь в каком-нибудь глухом таежном уголке невыразимо страдает от маленьких комаров: ревет, катается по земле и лапами раздирает себе морду в кровь.

Зимней буре, кажется, не будет конца, но и она неохотно утихает в глубокой лесной чаще...

Есть птицы и звери вполне предсказуемые, и встречу с ними можно вычислить, но иногда попадаются животные, с которыми сталкиваешься благодаря простому везению.

Впрочем, везение это могло явиться результатом кропотливой подготовительной работы, когда ты учился у леса, оставаясь к нему честным, и однажды он отблагодарил тебя за это.

Только весной можно сладко нежиться на солнце, прислонившись спиной к стене лесной избышки, и не жалеть уходящего времени.

Чтобы выразить свои любовные чувства, многие птицы собираются по весне в одно место и принимаются токовать. Турухтаны резко, отрывисто трещат, дупели — будто лучину ломают, бекасы блеют барашком, глухари пощелкивают, а тетерева бормочут. Редко когда кто-нибудь из них остается один, провозглашая весну как будто в безвестности, потому что птицы в эту пору предпочитают оживленные сообщества. Им нужно, чтобы кто-то видел их, восхищался, благоговей перед той красотой, которую источает все их существо, и отдавал им свое сердце.

Дупели сосредотачиваются на рёлке, среди болота, бекасы — в воздухе, над какой-нибудь поймой реки, глухари — в чашобе у старого, заброшенного покоса, тетерева — на прогалине, только что вскрывшейся от снега, вяхири — на укромных еловых опушках... Всем найдется в лесу пристанище по весне, когда хочется любить и быть любимым. Но вот если ты остался один, то можешь выбрать место самое неожиданное,

на первый взгляд совсем не подходящее... Одинокому, как говорится, везде дом.

Так, сам по себе, без дружки и подруги, затоковал однажды тетерев-косач прямо у нас на виду, когда мы с приятелем расположились на вытаявшем угоре у старой заброшенной пасеки. От пасеки осталась одна дощатая стена, выходящая на юго-запад, вокруг покоились полуистлевшие замшелые ульи и только кое-где проклюнулись из неодошедшей земли цветочки мать-и-мачехи, да редкие подснежники робко потянули свои головки в пробуждающееся пространство. В лесу воцарилось то ожидание всплеска жизни, которое бывает только весной, в середине апреля, когда, по народному замечанию, даже одна голова и смеется, и плачет, и скачет.

А тетерев действительно оставался один, и трудно было разобрать, то ли он радуется, то ли горюет. Косач уселся прямо напротив нас, на противоположном склоне глубокого лога, и постепенно так распелся, что трудно было предположить, будто один в поле не воин. В народе говорят, что если один у каши загинет, то только не весной, и наш тетерев, наверное, все про одно неутомимо токовал: как чудесна весна, как вкусна прошлогодняя клюква, которая перезимовала под снегом, как жарок его собственный голосок и неотразима выпяченная грудь, отливающая темно-бархатистой синью! Видно было, что тетереву никуда не хочется улетать: один одного весной стоит.

Перед нами стоял покосившийся стол, облупившийся от снегопадов и дождей, хозяева старой пасеки почему-то никак не представлялись, и это было хорошо: лес, старая пасека и никому неизвестная речушка Карабаиха будто замерли, за-192

таились в преддверии именно их весны, которую разбудили люди. Нам нравилось уходить в лес далеко-далеко, мы как-то угадывали эти глухие места, в которых нас будто ждали невидимые силы, а придя туда и обустроившись, просто наслаждались окружившим покоем и тишиной. Всегда в этих лесных уголках поджидало что-то интересное, что запоминалось на долгие годы, и этот одинокий косач, поначалу не вызывавший особого интереса, постепенно все более приковывал наше внимание.

Косач не умолкал весь вечер, перелетал с дерева на дерево и вновь принимался самозабвенно токовать. Тетерев будто догадывался, что мы за ним наблюдаем, никуда далеко не перемещался и каждый раз норовил выдать еще более переливчатое колено. Усевшись на суку, как баба на току, он то дребезжал крыльями, то разводил ими, словно руками, и беззлобно кому-то грозился: «бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу...» Мы же молча любовались его расфуфыренным видом, и постепенно, через эту заброшенную пасеку, безудержно зарождающуюся повсюду весну и забавного косача, совсем, кажется, не переживающего своего одинокого положения, все отчетливее для себя понимали: одиночеством мир силен!

* * * Сердобольный характер ежа никак не отражается на его чистоплотности, и, оказавшись в неволе, в человеческом жилище, он всю ночь носится из угла в угол, оставляя после себя множество кучек очень въедливого помета, а напившись под утро молока из чашки, засыпает прямо в ней, по-смешному свесив свои когтистые уродливые лапки.

Намаявшись в миру, в лесу человек наконец-то приходит в себя, потихоньку обретая собственную волю.

Ружье в руке легко переводит жизнь в такую плоскость, куда тебе всеми силами следует стремиться не попадать.

За последнее время в наших лесах все чаще стали попадаться лоси, у которых вместо лопатообразных рогов растут одинокие, очень заостренные пики... Подобные рога в природе опасны, особенно у таких агрессивных зверей, как сохатые, какими они бывают осенью, во время гона, когда устраивают между собой отчаянные турниры за самку. Случайно какой-либо самец может поранить своего соперника, порой очень тяжело, и это приводит к нежелательной гибели красивого зверя.

Среди охотников нередко можно услышать рассказы о таком «лосином волке», как его называют в народе. Многие охотники считают достойным поступком застрелить этого лося-убийцу. Мне и самому однажды привелось участвовать в охоте на этого необычного зверя, но сам по себе он не выглядел угрожающим, и только невиданные рога, неизвестно для чего доставшиеся ему от природы, вызывали содрогание.

Лось, конечно, не сознавал себя «волком», но выглядел таким в глазах людей. И хотя он лежал уже повергнутый,

с неестественно задранной головой и вывернутыми копытами, его саблевидные рога как будто вонзались в тебя, и ты почему-то ощущал от этого не страх, а вину... Виноватого же, говорят в народе, Бог рано или поздно отыщет.

В вольно распахнутом, словно зипунок поле по весне набредаешь порой на такие места, где чувствуешь, как земля дышит и обдает теплом, будто из печки.

Кажется, велик ли ноябрьский день, а тянется порой так до нескончаемости монотонно и тихо, что начинаешь думать обо всей жизни, как о непостижимых сереньких сумерках, по всевышнему недосмотру оставленных на время над землей и вскоре вовсе позабытых.

Запах прижженного солнечными лучами снега в апреле источает суховатую горечь фиалки, которая зацвела, наверное, прошлой весной и вознеслась ароматным облачком на небо, откуда слетела еще в начале зимы неприметной снежинкой.

Только в природе счастье может длиться вечно, и человеку надлежит верить чутью птиц, зверей и растений, чтобы учиться у них жизни. Например, у таких замечательных

и красивых птичек, как садовые горихвостки, которые выбрали своим обиталищем сначала крышу моего дома, а затем и скворечник.

В течение восьми лет, каждую весну, я радовался прилету этих долгожданных птиц. С восторгом наблюдал, как они по-хозяйски и в то же время ненавязчиво подправляют старое гнездо, тихонько обустраиваются на новом месте. Всем рассказывал о них, может быть, через меру восхищался и бахвалился, но жизнь распорядилась по-своему: однажды горихвосток в моем огороде не стало.

В тот год они прилетели, как обычно, во второй половине апреля и поначалу держались несколько робко, почти не показываясь, но вскоре уже стали попадаться повсюду и сразу оживили своим присутствием все весеннее пространство. Я слышал, как птички тоненько заливаются в распускающейся сирени, прямо под окнами, весело перелетают с места на место или прогуливаются вместе с зябликами в траве и по дорожкам, а затем вновь вспархивают и куда-то исчезают. Трудно было определить, где горихвостки устроили на сей раз гнездо, и то и дело заглядывая под карниз дома и в скворечник, я их там не находил. Наконец я заметил, что птички больше держатся в огороде у бабушки-соседки, возле старой черемухи, и очень расстроился.

Что-то я, видимо, сделал не так, в чем-то переусердствовал, тогда как надо было тихо радоваться своему маленькому счастью, не кичиться им перед другими, и, вероятно, оно бы меня не покинуло. Но горихвостки отсутствовали, и я считал это нехорошим знаком. Кто бы мог подумать, что маленькие птички способны доставить такие переживания!

Делать нечего, решил я, надо жить, обустраивать, как и горихвостки, собственный дом... Забот, особенно по весне, всегда хватает, и стал я, несмотря ни на что, хозяйничать, но уже без той радости, которой сопутствовали горихвостки. Все думал: а вдруг прилетят? Может, они только погостить у бабушки захотели, скоро им там надоест, и птички и обязательно вернуться. Разве мог я рассердиться на замечательных горихвосток, которые не выбрали в этот год своим местообиталищем мой огород?!

Работа на земле всегда дарит силы, и я постепенно успокоился, тем более что появившиеся вскоре слетки стали частенько залетать на мой участок и даже, кажется, поселились под карнизом. Они так же, как и раньше, порхали под окнами маленькими оранжевыми комочками, трогательно трясли хвостиками, и сердце мое незаметно наполнялось силой, которой ему недоставало. Значит, горихвостки все-таки не оставили меня в беде и по-прежнему держались рядом, как бы напоминая: мы здесь и не желаем оставлять тебя надолго. Очаровательные горихвостки навсегда полюбились мне, и надо радоваться тому, что они так долго украшали мою жизнь своим присутствием, жить не уставая, и, если будешь делать все достойно и правильно, милые птички обязательно к тебе вернуться!

Бывает, пройдет зима по уснувшему лесу крепкий ветер, взворошит его, и лес, на мгновение проснувшись, взглянет так пронзительно чисто, что как будто бы и не спал.

Пугающе громко и в то же время плачуще отмечает филин полночь, но одиночество человека в ночном лесу сразу растворяется...

Выпал снег — и будто побелели серые вороны и сороки.

Лягушки по весне кричат: «Кум! Кума! Где он? Где она? Помер! Помер! Померла!» Померла!» Давай плакать! Давай плакать! По ком? По ком? По нем! По нем! По ней! По ней!» И уж только потом: «Ква-ква, ква-ква, ква-ква...»

Осенние сыроежки — что девушки на выданье: безупречны своими нарядными платьями, ароматом и нежными формами...

Ворон обычно отличает громкий нескончаемый ор, доносящийся со всех сторон, тогда как самих птиц ни в небе, ни на деревьях не видно...

Лесная задача у птиц простая, ничего в ней хитрого вроде бы нет, а распутывать ее приходится не один год, хотя бы и с большим умом. Но иной раз требуется обыкновенный случай,

чтобы увидеть то, чего раньше не замечал, ибо в лесных кладовых много той самой простоты, которую Бог любит, и открывается она человеку неожиданно.

Лишь однажды присел я в лесу на пенек именно так, что вдруг увидел, как птицы прилетают к устроенной человеком кормушке в строгой очередности, будто зная, когда и кому сейчас кормиться, даже если время исчисляется минутами и секундами. Отпущенного срока обычно хватает всем, чтобы проглотить несколько семян, успевая при этом поклевать и сало.

Такая очередность несколько не усложняет отношения среди лесных обитателей, а, скорее, упорядочивает их: каждый берет лишь допустимое. Ведь сидеть у корма до полного насыщения никто из них не в состоянии: в любой момент может появиться более сильный. Завладев доступным, разумней удалиться поглубже в лес, там разделаться с добычей или припрятать ее в укромном месте, а затем попытаться воспользоваться кормушкой еще раз.

От того, как скоро каждая птица или зверек справляется со своими оправданными запросами, выстраивается удовлетворяющая всех лесная лесенка, своеобразная елочка времени, отпущенная как сильным, так и слабым. Пока белка, прихватив в кормушке лакомый сухарик и предварительно разогнав по ближним деревьям всех мелких птах, доставляет его в свое ухоженное гайно, сороки, поползни и гаички, в строгой очередности, успевают попользоваться сладкими остатками.

Сначала неприветливая, но зоркая сорока бесшумно планирует к подножию ели, привлеченная усеявшими снег огрызками. Затем, выдержав необходимую паузу, целенаправленно спуск-199

каются вниз головой по стволу, как бы несколько замкнутые в себе, нежно-дымчатые поползни. Они без устали наклеивают пшениные ядрышки, тут же норovia припасти их под корой соседних деревьев.

В тот момент, когда сосредоточенные птички заняты этой мимолетной, но важной для них процедурой, хитрая сорока еще не управилась с доставшимся ей по случаю пропитанием, а белка только начинает из гайна свой обратный путь, расторопные синички пуховыми шариками скатываются с замерзших веток к месту кормилица. Неугомонным птахам оказывается вполне достаточно предоставленных мгновений, чтобы не на шутку раззадорить друг друга.

Даже большой пестрый дятел, как-то незаметно и вроде бы неловко пристроившийся под самой кормушкой, не пугает их своим присутствием. Ведь давно замечено, что к соседству с дятлом многие птицы относятся сравнительно спокойно. Но если дятел вдруг потребует своей доли — в большей степени очевидно, что ему обязательно уступят ее те, у кого меньше потребностей. По крайней мере, они не используют его время, которое существует в лесу для каждого обитателя на его заслуженной ступеньке. В противном случае звери и птицы будут лишены для себя необходимого жизненного пространства.

В последние годы меня не покидает ощущение, что все невидимые существа и боги давно покинули наши леса, и эту омертвелость не в силах оживить даже дикие звери и птицы.

Идешь елово-пихтовым густым лесом и не чувствуешь его скрытого дыхания, но вот в каком-нибудь уголке вдруг пахнет хвойным жаром и вмиг околдует. Остановившись, растерянно присядешь на пенек и жадно вбираешь живительный аромат... Так, потаенно, бережет чаша свой вековечный целительный дурман.

Сказать, что зимний вид великолепен,— значит просто неумело оговориться. Он сплетен из невероятного числа чудесных и еле ощутимых жизненных построений, проявляющихся в природе именно к зиме. И все они, как ни странно, слагаются из снега, то отражающего их, то скрывающего, но всегда чутко сопереживающего происходящему вокруг.

В отличие от хищной птицы, сжатая лапа зверя не устрашает, а напоминает его младенческую игривость и мягкость.

С виду прохладный и бесчувственный, осиновый лес источает еле уловимое, бледно-зеленое свечение, исходящее от коры, благодаря которому, как ни странно, становится теплее.

Только дважды довелось мне увидеть в лесу синицу и мышь, нанизанных сорокопутом на сучки, и я сразу подумал: отчего

он так безжалостен, этот сравнительно небольшой жулан, что своим загадочным поведением как будто на самом деле плетет сорок пут?! Ведь если есть хотя бы один глаз, который зорок, тогда не надо и сорок, а сорокопугу зачем-то надо. Может быть, только затем, чтобы постоянно устрашать потенциальную жертву, заранее угнетая ее этой боязнью жестокой расправы? Но сорок пут хоть кого на чистую воду выведут, как бы ты мудрено их ни плел, потому что они, скорее, для того и предназначены, чтобы запутать и увести от истины, и сколько ни пугай, говорят в народе, а концы выйдут наружу.

Когда-то на Руси слово «сорок» означало много. Но как это относится к маленькой птице, вес которой не достигает и ста граммов? Скорее всего, из-за тех ухищрений, к которым она прибегает... Сорокопуг имеет способность подражать голосам многих птиц, чем, видимо, вносит достаточно сумятицы в их отношения, и, взбудораженные, они становятся его легкой добычей. Затем, схватив птицу, ящерицу или мышь, он не сразу ее съедает, а накаливает на какую-нибудь колючку. Так ему, имеющему небольшие размеры, во-первых, легче управиться с жертвой, к тому же сорокопуг очень хищен по натуре, хоть и ростом не вышел, и оттого всю свирепствует, наводя страх на мелких обитателей леса. Таким же образом маленький разбойник хранит и свои запасы, и если даже он сыт, то все равно ловит, накаливает на ветки и, мало того, обрывает у своих жертв головы!

Однажды я наблюдал, как самка сорокопуга кормила двух молодых птиц... Какие они были прожорливые и капризные, как горланили, требуя пищи! Уже достаточно взрослые, сорокопуги сидели на проводах, почти прижавшись друг к другу, и

с первого взгляда на них было видно, что им ни до кого нет дела. А ведь была уже почти осенняя пора, середина августа, давно покраснела рябина, и птицам надо было скоро улетать, но молодые сорокопуги до сих пор чувствовали себя птенцами. В этой небольшой детали проявляется характер птицы, которой ничего не стоит угнетать, обманывая, другую, только чтобы удовлетворить свой каприз...

Взрослый сорокопуг обычно устраивается на каком-нибудь возвышении — дереве или кусте, и цепко высматривает добычу. Сидит он всегда ссутулившись и как бы сонно насупившись, голову поворачивает медленно. Но вся сонливость его — опять же только видимая, запугивающая. На самом деле сорокопуг зорко глядит по сторонам и, как только замечает мышь, мгновенно бросается вниз, не присаживаясь, хватая ее и, пролетев низко над землей, крутой дугой взлетает на вершину рядом стоящего дерева. Все это происходит в считанные мгновения.

Да, у сорокопуга не без умысла пугается дело. Но зачем природе такая изощренность? Ей достаточно просто убить, чтобы поддержать свои силы или накормить птенцов, а сорокопуг именно изощряется, когда это совсем не нужно. Напутает так, что никто не распутает, даже, кажется, самого себя вокруг пальца обведет и оставит всех в полном неведении. Как говорится: сварила бы путаницу, да спрягла бы глазунью!

Нет, видимо, птицу эту сам Бог попутал и дал другим в назидание, чтобы не дремали!

* * * Сколько лет хожу в лес, но не в силах привыкнуть, вернее даже — забыть, как стремительно и неудержимо взлетают в лес-203

ной чаще глухари, которые завораживают своей силой; и почти никогда не вспоминаются неугомонные чайки, что постоянно кружат над головой, жалобно стонут и зовут в дальнюю дорогу, а ты никак их не воспринимаешь.

Когда ты научишься быть равным со всем, что окружает тебя в природе, ты поймешь, как абсурдно пытаться все объяснить, вполне довольствуясь тем, что оно всегда находится рядом.

* * * Потаенная гладь лесного озера — будто отраженное в зеркале небо, на котором плавают дивные белые звезды — кувшинки... Чуть набегут тучи — лепестки звезд сразу закрываются и тонут, выглянет солнце — прекрасные бутоны всплывают и распускаются, словно улыбаясь. Как хорошо, что обычная земная красота вдруг воспринимается небесной, и от этого представляется недостижимой!

* * * Тень в самых дремучих ельниках хоть и существует в противоположность свету, а несет в себе свою потаенную умудренность, с неразрешимую с детства загадкой, которая всегда притягивала больше солнца...

* * * Осень подступила со своими промозглыми ночными холодами, и лавина теплых красок затопила леса...

Весной мы совершенно забываем о времени, и эта пора года, как никакая другая, приучает нас к мысли о бесконечности жизни.

Сине-зеленые, с прозрачными крылышками стрекозы доверчиво присаживаются на выгоревшие за лето головы и загорелые руки деревенских мальчишек...

Молчание леса обычно не наводит тоски, а вот ветер может вызвать чувство одиночества, когда своими завываниями напоминает всеми забытого и покинутого изгнанника.

Переживая весеннюю надежду, не стоит даже упоминать самые восторженные июньские, торжественные сентябрьские и величественные январские дни.

Как просто и радостно сознавать, что можно держать Большую Медведицу над левым или правым плечом, соизмеряя с ней свой ночной путь.

* * * Каждый раз как будто навсегда теряешь родное лето, но всякий год оно возвращается.

Только бабьим летом солнце становится особенно уверенным и добродушным.

Нужно научиться забываться в лесу, прежде чем сможешь почувствовать себя в нем чем-то.

Пара чириков-свистунков прочертит зеркальную гладь лесного озера, шумно взмахнет крыльями белая цапля, напугав выводок отъевшихся за лето крякашей, и опять воцарится покой, чутко поджидающий подлет следующих уток.

Когда цветет земляника, в лесу еще нет такого обильного и высокого разнотравья, которое мешает различать отдельные цветы... Старые, протоптанные с осени тропинки не заросли, и ходить по ним очень приятно, с удовольствием разглядывая аккуратные, беленькие цветочки с желтой сердцевинкой... Все в природе чисто, доступно, необременительно, и, любуясь на цветущую маленькую земляничку, за листьями которой и пришел в июньский лес, чтобы заваривать потом с ними чай,— будто уже пьешь этот живительный напиток природы, незаметно обретая жизненную стойкость и красоту.

Лес тем прекрасен, что дремуч.

Молодые березки, незаметно подтянувшиеся и возмужавшие прямо посередине старой вырубки, почему-то напоминают одиноких воинов на поле битвы и даже светятся корой как-то по-особенному напористо и неустрашимо.

Зверь без всякой необходимости никогда не будет испытывать судьбу, а пройдет лишние десятки верст и воспримет это как должное.

В зимнем, кажется, вынужденном и часто скрытом от глаз внимании людей друг к другу хочется видеть не злую приговоренность сурового времени, а доброе участие и заботу.

Ночуя в лесной избушке, нет даже мысли взглядывать в темные окна, ничего в них не видя, но сладостно представлять, как все там, в ночи, происходит...

В марте, особенно под вечер, отчетливо нарастает шорох обрывающегося с крыш снега, подтаявшего за день, воздух необыкновенно ширится и окрыляет, все становится сиреневато-гаинственным, многоликим, хотя настоящая весна должна наступить еще не скоро.

Хорошо возвращаться мягким сентябрьским вечером из лесу в деревню, когда свет в домах еще не зажигали и окна чуть теплятся потухающей зарей, а ты идешь, убаюканный этой дремотной тишиной, и ничего больше не желаешь.

Только когда серое облако заслонит солнце, становятся видны силуэты многих птиц.

Зеленовато-серое брюшко овсяночки апрельским утром превращается в яично-желтое, солнечное.

Омытый дождем сад почему-то сразу напоминает утраченное детство, и благодаря именно этому саду, посвежевшему и чистому, ты, как в детстве, впервые открываешь для себя существование природы.

Темна ледяная чистота осенних потаенных ручьев, которая, кажется, ничего уже не обещает.

Вот и обыденное слово «постель» сразу предполагает в себе легкую и белую, как снег, прохладу.

Удивительно крепко сидит самка рябчика на гнезде, иной раз подпуская человека на метр, чуть ли не вплотную! Сидит, смотрит, видит все, что происходит вокруг, и даже бровью не поведет, но если внимательно всмотреться в ее немигающий блестящий глазок, в глубине его заметишь отчаянную тревогу...

Только весной по-особому ощущается опустившаяся на землю ночная тишина, когда вокруг замолкает на свой положенный срок все то, что живет в лесу и терпеливо ждет пробуждения, подчиняясь короткой, но торжественной темноте. Так и ты,— умолкаешь и подолгу замороженно слушаешь, как пристекает рядом таинственная весенняя ночь, а ухватить в ней самого главного — не в силах. Лес же, будто насупившись, пристально заглядывает в твою душу, но ничего не предпринимает.

Поеживаясь от пронизывающего холода, зеваешь, то и дело разминаешь онемевшие ноги и вдруг замечаешь над высокой черной елью большую зеленую звезду... Это Венера тихо струит свой чарующий свет на землю. А на востоке, над темным лесом, уже занимается заря...

Даже когда застывают в камень последние грибы, и волглый лист смерзается в сплошной хрустящий покров,— в редкие солнечные утра еще угадывается застоявшееся дыхание лета, кото-209

рое почему-то не уходит, замирает немым извоянием в самых неожиданных местах и как будто напряженно решает: что же ему делать дальше?

Высшая заслуга — не только пройти лес, но и правдиво написать об этом.

Затянул я однажды со сбором опят и отправился в лес только в двадцатых числах сентября, после первых крепких заморозков. В деревне поговаривали, что опята несут целыми корзинами, грибы идут много дней подряд и такого грибного хода давно уже никто не помнит. Мне очень хотелось нарезать аккуратных, светло-коричневых грибов, чтобы заготовить их на зиму, но я все никак не мог собраться и, в конце концов, чуть было не опоздал.

Опавший лист местами почернел, свернулся, и под его толстым слоем трудно было разглядеть какие-нибудь грибы. Их почти и не было, за исключением редких красноголовок, уже порядком перестоявших и покосившихся, да промерзших волнушек, с виду довольно крепких, но попадающихся еще реже. Лес казался пустым, приготовившимся к долгой непогоде, и я стал подумывать о возвращении. Горько, конечно, появляться дома с пустой корзиной, но что же поделаешь!

И тут в листе вдруг что-то покраснело: и вон там, под елкой, и среди березок, а дальше — больше, еще и еще... Это были лисички, которые под осень из лимонно-желтых, летних,

превращаются в ярко-оранжевые, хорошо приметные. Лисичек высыпало так много, что я сначала растерялся...

Оглядевшись, долго не мог прийти в себя, и все озирался, не зная: откуда же начать? Лисички маленькие, средние и совсем большие, размером с хорошее блюдце, окружили меня со всех сторон. Самые крупные напоминали глубокие чаши или какие-то неведомые цветы, чудом сохранившиеся в глубокую осень. На них даже не повлияли заморозки, которые не прекращались в течение трех последних дней. Лишь у самых переросших и завалившихся набок от собственного веса и влаги, края потемнели, но их все же можно было брать, обрезая подгнившие верхушки. Большинство лисичек оставались сочными и мясистыми.

Такого грибного раздолья я не помнил даже летом и обрадо-ванно бросился наполнять корзину. Забыл и про красноголовики, и про волнушки, и про опята... А лисички все не кончались, стелились по усыпанной листом земле ярко-красными лоскутами, и я уже боялся смотреть вокруг. Когда корзина заполнилась с верхом, грибы прекратились, как будто по мановению волшебной палочки. Я наконец разогнулся и в полном удовлетворении перевел дух: трехведровая корзина была набрана за какие-нибудь полчаса!

Обратно шел приятно взволнованным, в приподнятом настроении, и уже думать забыл о том, что кто-то носит опят целыми корзинами. Даже тучи, совсем недавно обложившие все небо, куда-то рассеялись, и выглянуло ласковое осеннее солнце. Было радостно шагать по грязной, медленно подсыхающей дороге навстречу небольшому, но веселому стаду коров и овец. Пастухи, поравнявшись со мной, залихватски щелкнули кнутами и приняли независимый и важный вид, но все-таки

заглянули исподтишка в корзину. Что помоложе — хмыкнул и, скорее недоуменно, чем пренебрежительно, обронил: «Лися-та-а...» А я отчего-то встрепенулся, с удовольствием расправил уставшие плечи и вдруг всей грудью ощутил чуть уловимый аромат осенних лисичек — последних из грибов, что подарили мне в этом году незабываемую радость.

* * * После весны света и воды, с их проникновенной ясностью и ласковой теплотой, наступает наконец-то всеохватная и пышущая весна цветов, казалось бы самая долгожданная, родная, но она уже, скорее, опьяняет и кружит, чем придает силы.

* * *

Когда лес обнажается, поля пустеют, а последние птицы улетают на юг, наиболее естественно появление изумрудной озими, чем серовато-пегого снега.

* * * Ранней весной зацветают душистые ландыши, изящный подснежник, трехцветная красавица-медунца, завораживающие лиловые колокольчики сон-травы с ярко-желтыми головками неудержимой мать-и-мачехи, загадочный горицвет, а пчелы слетаются за первым медом на цветы ивы...

* * * В ноябрьские оттепели и березы, и дома, и дымки над крышами словно нарисованы мягким рассыпающимся угольком...

Даже носатое воронье, неловко переворачиваясь в невидимых потоках влажного воздуха, кажется, само вычерчивает в небе свое изображение и тут же его стирает.

Издавна принято думать, будто именно сова сопровождает душу умершего человека в последний путь, но, как всякие мудрые существа, догадываясь о бесконечности жизни, она, наверное, еще и приветствует его возбужденным клекотанием.

Морозные узоры на окнах так изящны и хороши, что на них почти никто не обращает внимания.

Постепенно приходишь к тому, что даже не любование, каким бы продолжительным оно ни было, а только кропотливое и вдумчивое всматривание в природу, не думая о времени, приносит истинное удовлетворение. Природа сама пригласит тебя в свои собеседники, когда почувствует, что ты преодолел поспешность и суету и наконец готов к неторопливому разговору.

Дятла всегда отличишь от других птиц, когда он передвигается по стволу дерева, но вот если дятел присаживается на ветку — его не сразу угадаешь по нескладному силуэту, а какое-то время разглядываешь: что это за птица?

Не утру, не звездам, не копалухе посвящает глухарь свою песню, а самому себе.

Глядя на цветы подснежника, никогда не подумаешь о скрытой в них силе яда, но именно благодаря этой потаенной силе недоуменно переживаешь тихое поклонение, когда ласкаешь взглядом чистые и трепетные головки.

Все мыши чиркают хвостиком по снегу, оставляя на нем изящные росписи-завитки, а малютка несет свой хвост столбиком, как белка, потому что, наверное, еще не научилась писать...

Так уж сложилось, что у одной лесной мочажины, мимо которой я часто проходил во время охоты, меня всегда поджидало какое-нибудь интересное событие... То застану лося, забредшего по грудь в воду, то обнаружу свежие отпечатки косяпа медведя, прохаживающегося через дамбу, отделяющую озерко от глубокого лога; бывало, залетали сюда и глухари с глухарками, неспешно бродили вдоль заросшей дорожки, выскивая недостающие им камешки, и пугали меня своим внезапным взлетом. Неподалеку от мочажины, на укромной полянке, нередко подкарауливал я по весне краснобровых тетеревов, устраивающих здесь свои бурные токовища, по берегам

озерка, на черемухе, каждую осень кормились упитанные рябчики, а уж утка держалась постоянно. Попадались и селезень с серой утицей, и грязновато-пепельные гоголи, дружно взрывающие застоявшуюся тишину, и хлопотливые крякуши со своими беспокойными выводками, чирки же — чаще всего!

Однажды, прямо передо мной, с мочажины взмыла в воздух небольшая стайка чирков-трескунков. Совершив плавный круг над лесом, чирки готовы были вновь плюхнуться в воду, но, напуганные выстрелом, ринулись в разные стороны, тогда как одну утку все же зацепило и, очутившись у камышей, она сразу куда-то исчезла. Подбитая птица никогда не тонет, всегда плавает на поверхности, и было ясно, что чирок просто умело схоронился.

Тихонько подойдя к тому месту, где пропал подбитый чирок, я стал внимательно вглядываться в прибрежную растительность, но ничего не заметил. Чирок словно сквозь землю провалился, хотя было понятно, что оставаться долгое время незамеченным, тем более подраненным, он не может. А между тем гладь озерка ничем не нарушалась, вокруг стояла полная тишина, и я уже начал было подумывать, что чирок погиб или задохнулся, застряв в камышах. Ведь не мог же он так долго находиться под водой?!

От охотников я слышал, будто бы покаленная выстрелом утка тотчас ныряет и, уцепившись клювом за подводные стебельки или какую-либо водоросль, терпеливо затаивается. Используя такой бесхитростный прием, она сбивает с толку нерадивого охотника и тем самым сохраняет себе жизнь. Но, пристально всматриваясь в воду, я различал лишь жучков-плавунцов и маленьких зеленых улиток. Чирка нигде не было!

Я бы, наверное, так никогда и не раскрыл этот секрет, не покажись из-за облаков солнце. Лишь на мгновение озарило оно поверхность озера с отражающимися в нем соснами и березками, и я вдруг сразу все увидел... Чирок прятался под круглым листочком кувшинки, причем вытянулся под ним вертикально, как бы привстав на цыпочки, а кончиком клюва чуть приподнял его над собой... Так и дышал, оставаясь незаметным, и, конечно, пересидел бы меня, если б не случай. Недаром в народе говорят: утка только с носка плоска, да умом баска, и черенок листика — тот же утенок!

Разве вздумашь подбирать в лесу подходящее имя для Бога, но вот он обозначит себя папоротником, сосной, мхом или лишайником, и сразу заметишь это его простое прозвище, и возрадуешься.

Медленно заползает в дом июльская ночная тьма, которую долго не замечаешь, потому что она... зеленая.

Осенняя красота не боится увядания и даже напоследок дарит только счастье.

Ни мартовское солнце, ни открывающиеся небеса, ни звонкое карканье воронья, ни напоенный ослепительной свежестью

воздух не манят в ускользящую весеннюю даль, а какой-то неведомый синий гул, за которым готов отмахивать нескончаемые версты, спать вполглаза и опять бежать без устали, ошалело улыбаясь...

Простая таежная правда, без прикрас, всегда невероятна.

Заяц на лежке всегда основательно утаптывает под собой снег, чтобы первый прыжок, в случае тревоги, получился длинным и стремительным.

Странное забытье испытываешь ночью в лесу, когда вроде бы и проснулся, а прийти в себя до конца не можешь. Так, не очнувшись, и живешь до утра, и даже с рассветом в тебе не рассеивается что-то тревожное и темное, как несмолкающее таежное эхо...

Помнится, в детстве, мне не составляло никакого труда выхватывать из травы за яркие головки вертких ужей, безбоязненно помещать их за пазуху и чуть ли не весь день носить так в рваной майке, время от времени вытаскивая их извивающиеся, блестящие тела и пугая ими девчонок... Углядев же однажды в зрелом возрасте безбидно свернувшуюся на пень-217

ке змейку, мгновенно пережил липковато-отталкивающее, неприятное чувство, которое еще долгое время возбуждало в душе суеверный ужас.

Черный дятел не стесняется нарушать таежную тишь своим громким криком и гулким стуком.

Отцветает шиповник, сыплет на землю свои роскошные лепестки, а его пунцовые плоды только наливаются летним жаром и зреют.

О еже принято думать как о молчаливом зверьке, но он не безголос и, раздосадованный чем-нибудь, часто издает крик, который, как ни странно, напоминает резкий и громкий свист.

Человек может в любой момент жизни оказаться в гиблых снегах, в незнакомом дремучем лесу, на вершине неприступной горы, но самое главное, чтобы он очутился там заслуженно, в согласии с самим собой и окружающим миром.

Будто разбойник, неприметно и тихо, подобралась вдруг осень и в одну ночь подожгла все леса.

После Спиридона-солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет денек. Так издревле говорили на Руси, когда солнце в конце декабря поворачивало на лето, а зима на мороз. Каждые сутки прибавляли хотя бы минутку светлого времени, и до Нового года день прирастал, по народному мнению, на скачок маленькой неунывающей птички, может быть, более всех радостно встречающей движение к теплу и свету.

К середине января, в самые рождественские и крещенские морозы, когда миновал праздник покровителя свиней Василия, день неприметно увеличивался, по тем же народным приметам, уже на куриный шаг, но он не воспринимался так восторженно и не был столь дорог, как крохотный воробьиный прыжок. В заснеженном метельном декабре, после надоевшей осенней расколотицы и стылого предзимья, этот неприметный подвиг любимой всеми птицы дарил не сравнимое ни с чем счастье. Разве можно придумать что-либо более русское, поэтичное и земное, чем «воробьиный скок»!

Слово это казалось самым дорогим в отпущенное на знакомство с суровой зимой короткое декабрьское время, которого на ее пороге если и становилось больше, то всего лишь на такой незатейливый, но милый русскому сердцу воробьиный скок. Тот самый воробьиный скок, с которого начинают проводить человека неустанные вьюги, метели заносят постройки под самую крышу, и когда выходишь на заснеженный двор проводить старое надоевшее всем время, в ворота стучится молодой новый год!

* * *

Никогда, даже в самые пасмурные дни, небо не бывает серо равномерно.

* * *

В лесу всегда думаешь только о самом главном и близком, о том, что под рукой, и что кроме тебя никто не сделает, и это дело, которое для обыденной жизни в городе почему-то оказывается невероятно трудным, сейчас, в лесу, воспринимается необыкновенно легко и просто.

* * *

Вынужденный изо дня в день летать в поисках добычи, как нук, наверное, предается невеселым размышлениям...

* * *

На дворе мечется лютая вьюга, горланит диким зверьем, но за ними с узорами окнами все происходящее кажется таинственным и интересным.

* * *

Бывает, прогремит разудалая, дружная весна, а ты так и не наломаешь букет черемухи или сирени.

* * * Соседство растений никогда не бывает чисто случайным, хотя их расположение и создает ощущение живописной хаотичности.

* * *

Специально для игры лиса или волчица приносит детенышам сухую лосиную ногу с копытом или большую медвежью кость, которую они пытаются друг у друга отвоевать, утащить и спрятать, но ничего у них не получается...

* * *

Потерянную или еще не обретенную мысль человек способен отыскать именно в природе, в самом ее обыденном проявлении, присутствующем всегда. Этот может быть капля росы, неприметное растение либо солнечный блик, затерявшийся в его листе... Но когда в лесу не находят объяснения чему-то и не в силах видеть чудо, обычно ссылаются на случай, который на самом деле всего лишь редкое отражение его бесчисленных загадок, пока недоступных многим людям...

* * *

Постоишь под елкой, послушаешь нежный пересвист синиц и вздохи ветра в ее ветвях, и молчание это будет полнее самого содержательного разговора.

Бесчисленные жаворонки стремглав бросаются сверху в цветы и опять взмывают ввысь, настраивая между землей и небом невидимые нежные струны...

Бывает, еще в конце января в воздухе вдруг запахнет весной — и ты не понимаешь: откуда взялся этот запах? Ведь еще вчера его не было, хотя так же веял теплый ветер и с крыш срывались крупные капли, а вот сегодня запах возник и разбередил душу. Выйдя на улицу, замрешь и стараешься угадать, где его источник. Вот сейчас, думаешь ты, стоит только сосредоточиться — и наконец все узнаешь. Терпеливо вслушиваешься, всматриваешься и вдруг нечаянно обнаруживаешь, что запах весны исходит... подтаивающий снег, который в оттепель всегда становится нежным, навевает добрые мысли и заставляет учащенно биться сердце.

Так я думал раньше, и верилось, что окончательно подошел к отгадке на мучающий меня вопрос. Но вот однажды, в двадцатых числах января, я так же вышел поутру из дома и сразу почувствовал, как остро пахнет весной. И хотя оттепели не было, будоражащий сердце ветерок не веял и подтаявший снег с крыш не соскальзывал, ощущение от дыхания весны было непередаваемым. Казалось, на дворе уже давно стоит март, а январь с февралем затерялись где-то в далеком прошлом...

Долго я не мог понять, что задолго до наступления марта в самом январском воздухе происходит какой-то неминуемый и еле уловимый поворот к весне, точно так же, как в начале мая — к лету. Если ты почувствовал его, странная тяжесть от бесконечных снегопадов раньше других спадает с твоей души, и в ней неминуемо начинает зреть ощущение радостной новизны. Это уже не сладкий зимний сон, а ясная предвесенняя полудремота, готовая с любой миг прийти в себя от подступающей волнами пьянящей свежести, как это бывает только в марте.

До чего хорошо слушать ночное пение сов и ветер, которые будто переключаются между собой, вовлекая в свою игру и твое смятенное сердце.

* * * Есть в природе и отцовский грозовой гнев, и материнская благосклонность, и нежность ребячьей улыбки...

Не всегда возможно созерцать в природе избыток тишины и счастья, которые присутствуют в ней постоянно, а только в отдельные, наиболее удавшиеся тебе часы и минуты...

Сладко жужжат пчелы в тяжелой, как мед, июльской тишине, и в какой-то миг подступает такое упоение от всего происходящего вокруг, что не нужно уже никакой воли, как весной, а только бы лилось и никуда не утекало это безбрежно дурманящее лето...

* * * Осень обычно пьянит своими туманными сумерками, тревожащими голосами птиц, собирающихся к отлету у горизонта, последним трепетом берез и осин, настоем из опавших листьев в колеях лесной дороги, остервенелым воплем лесовиков по дикой чащобе, но сама головы никогда не теряет, хоть и бредет перед самой зимой простоволосая, в затрапезном платье, то и дело оступаясь и оглядываясь...

Во всем есть великий и замечательный смысл: в текущей между крутых берегов дикой реке, в умиротворенно замерших под снеговым покрывалом полях и в удивительных красках осени, какие никогда не используют люди. А еще — в моей восьмидесятилетней соседке-бабушке, когда она тихонько сидит у окна. В избе мирно тикают часы, кошка сонно поуркивает на печке, и вдруг бабушка, после долгого молчания, промолвит: «А снегу-то сколько на крышах!»

У кого, как не у зверя, научись соизмерять желания и реальность!

Полынь горька, обыкновенна и сиротлива, она не обладает таким ярко выраженным ароматом, как кипрей или лабазник, но попробуйте угадать ее запах, и вы будете повергнуты множеством его самых разнообразных оттенков!

Выпал первый снег, и деревья грустно поникли под его тяжестью.

Чему, говорят, не быть, того не добыть, но я в тот день добыл и припрятал, чтобы не носить с собой. Это был увесистый заяц, совсем уже белый, и когда я держал его за задние

лапы, мне казалось, что он вот-вот вырвется и убежит. Я тогда еще не знал, что в лесу добыча ловца не ждет, и привалил зайца большой кучей хвороста.

Уже к вечеру, подойдя к груде из веток, я вдруг увидел, что вся она усыпана заячьим пухом, и, отвалив хворост, обнаружил в боку зайца аккуратную дырочку величиной с пятак. Все внутренности были кем-то начисто выедены, так что стенки брюшной полости блестели до голубизны. Меня тогда очень удивило, что куча оставалась нетронутой, а пух, между тем, был рассеян по ее поверхности... Попробуй отгадай, что загадала природа, тем более загадки свои она загадывает по-особому, всегда с путаными дорожками, по которым нужно семь верст киселя хлебать!

Долго эта лесная тайна оставалась для меня нераскрытой, пока я не узнал от одного егеря, что хозяйничала в мое отсутствие ласка — юркий хищный зверек. Егерь очень доходчиво объяснил и показал, как ласка это делает, что живет она как раз в земляных норах, имеет ловкое, похожее на веретено, тело, и ей самой судьбой уготовано бесчинствовать в нижнем пологе леса. А отчего вдруг пух оказался наверху, — так потому, что легкий... Пока ласка разделялась с внутренностями да теребила зайца, пушинки подымались сквозь сухие ветки, и часть их, зацепившись, осталась на поверхности. Может быть, помог еще и ветер...

Обычно неразрешенный вопрос оставляешь себе на заметку и, бывает, долгое время носишь его в себе, так и не находя ответа, а обнаруживаешь в том же лесу, когда научишься быть более внимательным. Ведь у леса на все свои приметы, среди которых нет ни худых, ни хороших. Они лишь являют одно

общее для природы знание о том, как просто живут в лесу звери, и человеку в его жизни тоже надлежит терпеливо и просто идти своей дорогой,— так до всего и дойдешь!

Порой выдается такой богатый на рябину год, что ягоды алеют аппетитными гроздьями всю зиму и даже остаются нетронутыми до самой весны, но снегири не обращают на них никакого внимания, а усиленно обклеивают засохшие семена сирени.

В начале ноября, когда выпадает коренной снег, лес окончательно замыкается в себе и становится похож на заколоченный, пустой театр, в котором все представления давно окончились, труппа разъехалась на каникулы, и только стены его, вдалеке от движения и былой суеты, стали постепенно полниться каким-то необыкновенно чистым, молодым светом.

К концу зимы лисы справляют свои свадьбы по оврагам, волки — в давно затянувшихся вырубках, и только зайцы — на открытых солнцу полянах!

В лесу в первую очередь поражает пространство, которого вроде бы нет, оно пронизано бесконечными стволами, венчающимися к тому же пушистыми кронами, но именно

здесь, среди высоких деревьев, ты сам себе начинаешь казаться выше...

Те существа, которые толпятся ночью у входа в лесную избушку, нужно обязательно впустить; но когда, собравшись с духом, откроешь дверь, они сразу исчезают.

Запах расцветающей черемухи обычно заполняет собой все весеннее пространство — кружит, дарит непередаваемые ощущения, куда-то уносит. Он почти неуловим и удивительно мягок. Но вот подстрелишь по осени рябчика, зоб которого до отказа набит черемуховыми ягодками, начнешь его обдирать и в нос ударит аромат черемуховых косточек, который ощущается не менее таинственно и завораживающе, но уже очень терпко, насыщенно.

* * *

Засмотревшись на аккуратного, будто кем-то ухоженного снегирика, на его атласную черную шапочку, пунцовую грудку и чутко вздрагивающее горлышко, вдруг понимаешь, что в таком маленьком красивом тельце должна быть тонкая и трепетная душа!

* * *

В природе заключено много такого, что не сразу попадает в глаза, но даже попавшись — ничего не объясняет: его надлежит неспешно и вдумчиво разглядеть. Работа эта, если ею за-227

няться всерьез, доставит немало удовольствия, обогатит душу, разовьет внимание и воображение. И тогда сказкой дохнет на тебя лес, обдаст с головы до ног своим древним величием и явит незримое.

Вот у края опушки, на склоне пологого холма, расположилось небольшое семейство елочек... Все елки одинакового роста, но на одной из них — гроздь шишек, тогда как остальные — пустые. Шишек на единственно плодоносящей елке так много, что они еле умещаются на небольшой вершинке.

Долго я не мог ничего понять, сидел на пеньке, думал, и только обнаружив в траве пни от спиленных деревьев, наконец нашел увиденному разгадку. Оказалось, что елка с шишками просто намного старше своих одноплемянниц-соседей, и не давали ей роста мощные деревья, которые закрывали ее своей тенью. Потом большие деревья срубили, и елка оказалась открытой... Она была намного старше рядом стоящих елочек и, конечно, начала плодоносить, тогда как догнавшие ее по росту были еще не зрелы, отчего и получилось это несоответствие на небольшом участке леса. То, что на первый взгляд казалось необъяснимой тайной, неожиданно просто раскрылось.

Радостно сознавать, что и темень еловой чащи, и нежная бабочка-голубянка произошли от одного и того же.

Бесконечные, смешавшиеся между собой дни швыряет золотыми пригоршнями сентябрь, и они, точно блестящие мо-

нетки, рассыпаются по всей земле, но никто их не собирает, будто не замечая.

Выйдешь апрельской ночью из избушки и не можешь надышаться запахом оттаивающего мха, коры и прелых листьев, а сырой ветер мягко обвеваает лицо, шелестит в хвое и, роняя с ветвей последние комья снега, разрывает сердце на части...

Природа предполагает у человека такое состояние духа, которое невозможно без переживания им совершенной свободы. Постоянно ощущая ее в себе как частицу Бога, то есть душу, каждый имеет все необходимое, чтобы когда-нибудь стать им. Однажды ощутив это состояние свободы и избрав единственно верный путь к самому себе и Богу, человека уже ничто не сможет на нем остановить, а природа останется ему только благодарна за его терпение, несгибаемость и волю.

В юности, когда я еще и не помышлял заниматься литературным творчеством, я часто бывал в лесу, и вот сейчас я думаю, что в этих лесных прогулках, под воздействием сгущающихся сумерек, зарождающегося утра, росы на листьях, осенней тишины или благоухающего аромата ландыша во мне зарождалось то обостренное восприятие природы, благодаря которому

я однажды и начал писать, пытаясь максимально проникнуть в суть вещей.

Однообразным кажется медленно падающий снег, но если присмотреться, то каждая снежинка опускается не просто так, а с оглядкой, будто выбирая себе место.

К возможной встрече с любым зверем надо готовить себя загодя, порой очень долго, а происходит она всегда внезапно.

Порой, созерцая обыкновенное распускание цветка, даже после многолетнего, самого кропотливого и пристального наблюдения за природой, не находишь для всего происходящего иного определения, кроме как — чудо!

Человеческая душа бывает наиболее свободной не в открытом поле или на берегу реки, а почему-то только среди деревьев, и именно в лесу.

Истосковавшиеся по теплу маленькие птички к концу зимы необыкновенно оживляются и в своем предвесеннем возбуждении начинают издавать не свойственные им звуки... В зимнем

лесу, когда большинство его мелких обитателей держится в верхнем пологе, поближе к шишкам, на фоне темно-зеленых верхушек нелегко разглядеть,— клесты, снегири или многочисленные синички подают свой голос. Идя на лыжах и заслышав эти волнующие и непривычные для зимы мелодии, даже остановишься, долго вслушиваешься и никак не можешь разобрать: кто же это поет? Но хорошенько присмотревшись, вскоре с удивлением узнаешь в вездесущих птичках обыкновенных гаичек, которые совершенно изменились благодаря своему необыкновенному творчеству!

Вот и дружные чечетки с приближением весны становятся непохожи на самих себя, и вместо присущей им, нежной песенки: «чет-чет-чет, чет-чет-чет, чет-чет-чет», вдруг оглашают лес чуть ли не стрекотанием, превращаясь в каких-то неведомых маленьких сорок, только милых и ненадоедливых.

Даже воробьиный сыч, обычно скрывающийся в лесной чаще, норвит в эту пору перелететь раз-другой просеку или дорогу впереди идущего человека, как будто напоминая, что и он не в силах сдерживать себя в преддверии пробуждающейся повсюду жизни, вопреки своей природе утрачивает осторожность и тоже чего-то ждет от грядущих перемен, безбоязненно выбираясь к белому свету...

Скорая весна покажет всех!

* * * Есть в молчаливой горбоносоности лося, в его застывшей, словно окаменевшей, фигуре нечто такое, что отождествляет зверя с каким-то древним лесным призраком, беззвучно проходящим через самые дремучие чащи.

Иногда мне начинает казаться, будто я вижу ветер, который неистовствует над низиной таежной реки, взлетает над высокими, старыми елями, и я, не двигаясь, провожаю его глазами, впитывая всем своим существом, пытаюсь запомнить, но как только ветер исчезает — перестаю думать о том, как он выглядит.

С детства принимая и понимая мир как обаятельный и радостный, призванный удивлять, приносить незабываемое и несравнимое ни с чем удовлетворение, когда только счастливо созерцаешь, творишь и воспринимаешь все вещи такими, какие они существуют, я и в зрелом возрасте, как бы меня ни пытались запутать, представляю все точно так же, по-прежнему, и если вижу, как роскошным летним днем золотая пчела утопает в цветке, неспешно копошится в нем и от этого цветок слегка покачивается на тонкой ножке, а воздух вокруг наполнится ее волшебным жужжанием и томным ароматом распускающихся трав,— опять чувствую себя необыкновенно счастливым, без оглядки радуюсь и будто лечу...

В лесу бывает, что кто-то вроде позовет тебя, а ты сразу встрепенешься, оглянешься и, осмотревшись, будто отойдешь от колдовского сна, который мешал тебе жить.

Весной, в половодье, лиса не трогает зайцев: в эту пору все звери спасаются от беды вместе.

Когда приходит лето, кажется, что оно невозмутимо воцаряется на целую вечность!

Умение довольствоваться малым, что чаще проявляется в лесу, есть истинное понимание жизни, то есть возможность всегда чувствовать себя счастливым.

Любовь человека или сохатого по своей сокровенной сути ничем не отличается одна от другой: взгляд, прикосновение, соединение и полное слияние...

Что за восторг шагать выбеленной от жара июльской дорогой, будто вытянутой пастушьим кнутом среди колосющейся ржи, перепрыгивать через небольшие канавки, обрывать васильки, пробуя их на зуб, тут же весело сплевывать, жмуриться от разошедшегося всюду солнца, но вот заслышитесь конский топот и ты сразу спрячешься в поле от встречного проезжего, переждешь, когда осядет пыль и, выбравшись на обочину, уж не скачешь, не срываешь васильков, а идешь разомлелой доро-233

гой степенно, раздумчиво до самой деревни, будто не замечая проистекающей повсюду, опьяняющей воли!

Природа так распорядилась, что даже птицы одного семейства — например, синички — сильно разнятся между собой: московка и длиннохвостая, хохлатая и гаичка, ремез, большая, усатая и лазоревка... Но все они предназначены для одного — тихонько насвистывать в нижнем пологе леса, перелетать с дерева на дерево, крошить еловую шелуху на снег. А еще быть беззаботными в мороз и одинаково в любое время года не унывать, в то же время ни на миг не исчезая из поля зрения человека, всегда находясь поблизости с ним и в лесу, и в городе.

Не потому ли, чтобы смягчить зимой наше сердце и, не вторгаясь, радовать неизбалованное восприятие, делая его богаче? Мала синичка, да ноготок остр!

В первой ледяной лужице крестит весна апрель, и он на весь свой срок становится звонким и чистым!

Ни у одних птиц не встретишь такие великие побоища, как у крохотных воробьев.

Пурга не мучает, как метель, не голосит надсадно в спину:

«О-о-ой-й, верни-ись!», а налетает мгновенно и, ослепив, просто забирает.

* * *

Есть среди лесного люда старая примета: возьмешь с собой в лес ружье — ждет тебя неудача, пойдешь с пустыми руками, чтобы только посмотреть,— лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари — пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы — показывать свой огненный хвост и ушки на макушке,— словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит.

Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да к тому же норовишь ее обмануть, эта же невероятная сила, рано или поздно, неминуемо наказывает тебя. Так однажды по весне наказал меня Отец-лес за двух подбитых без нужды рябчиков, когда трогать их не следовало. Спускаясь к реке по старому волоку, с переброшенным через плечо ружьем, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал, так что шейка у приклада переломилась. Об охоте не могло быть и речи: ружье напрочь вышло из строя, но больше всего поразила именно неумолимость случившегося при всей простоте ситуации... Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надомнил: не шути с лесом, где все про тебя известно и каждый твой шаг не остается без внимания, думай, прежде чем что-либо совершить, а главное — не отделяй свои заботы от его интересов.

И действительно, лучше верить мудрой примете и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. И тогда ты станешь самым богатым человеком — тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество — не взять лесного исполина на берлоге, проявив будто бы неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься негибачимым и не растеряешься, если от тебя потребуются решительность, но все же без надобности не причинишь никому вреда.

Оставь ружье дома, захватив с собой только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты поймешь, что птицы и звери ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже, а поможет человеку в этом верная примета, следуя которой дойдешь и до самого Бога. Ведь самые редкостные встречи в лесу случаются, когда человек чист намерениями, ружье в его руках отсутствует, и лучше, если все происходит сознательно, чтобы звери не принимали это за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания еще не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

* * * Иногда такое простое и обаятельное русское, почему-то бывает непонятно самому русскому человеку. Вот течет тихая речушка, над ней, по склону невысокого холма, прилепилась махонькая деревенька, и тут же разлегся важный лесок, а что там, в лесу, не ясно: то ли ягоды и грибы, то ли волки... Но

в душе всегда почему-то радуешься этому ничем не примечательному виду, как какой-нибудь неожиданной и очень желанной находке.

Увидел однажды, что медведь, то и дело приседая на задние лапы, очень смешно, по-бабьи, ходит вокруг дерева и примеривается, как бы половчее его задрать. Но я даже не помыслил при этом улыбнуться, а только оступело наблюдал, не в силах оторвать глаз от зверя.

Всегда кажется, будто в ночном лесу живет нечто, смотрит на тебя, знает всю твою поднаготную, но никак себя не проявляет.

После своенравной зимы, не желающей сдавать своих позиций, весна так же строптиво то опережает саму себя, то отстает, и только лето все выровняет и успокоит.

По особому насторожены вершины сосен перед заходом солнца, когда ждут прилета мошников и копалух.

Осенью не выходишь на двор посмотреть, чисто ли небо, а принимаешь все происходящее в природе как должное.

В июне дни ложатся, поудобнее укладываются, в июле — растекаются, в августе — приподнимаются к небесам, в сентябре — готовы куда-то лететь, в октябре — тихо растворяются повсюду, они везде и нигде, в ноябре — чего-то ждут, затаившись, в декабре — начинают робко показывать себя, в январе — уже подбоченясь, чуть ли не пляшут, в феврале — мятущиеся, не находят себе места, в марте — пронизывают собой, в апреле — обмякают, много и не по делу плачут, в мае — вообще теряются, но далеко не убегают, к началу лета, наконец, обретая покой...

В марте вся земля и реки еще покрыты снегом, но небесный ледоход уже тронулся: солнце растопило хмурые тучи-глыбы, небо голубеет, как вода, и по нему, будто льдинки в весенний разлив, быстро плывут маленькие легкие облака...

В детстве, на глухом лесном озере, чернеющем своей таинственной глубиной, мы бесхитростно забрасывали лесу с крупным тройником на самую середину, где гуляли у поверхности толстогубые голавли, и, зацепив их за бок или красный плавник, запросто выводили рыбу на берег.

Весной всегда кажется, что самое настоящее в твоей жизни — впереди, а все предыдущее было лишь необходимой подготовкой.

Вся трудность вхождения в контакт с животными, птицами или растениями заключена для человека в терпении, поскольку чтобы понять их, он должен принять условия жизни животных, птиц и растений, безоговорочно подчиняясь ее темпу и ритму. Нестерпимо мерзнут ноги в стылой снеговой массе, когда, не шелохнувшись, стоишь в ночном весеннем лесу в ожидании глухариного пробуждения,— терпи; промозглый холод от земли предательски забирается под суконную куртку, в рукава, за шиворот, если неподвижно наблюдаешь из укрытия за заячьей свадьбой,— терпи; февральская безумствующая пурга застала тебя далеко от деревни, сбивает с ног, пронизывает насквозь, норовит погрести под своими нескончаемыми заносами,— терпи; тридцатиградусный мороз то и дело вы-стужает лесную избушку, так что приходится подтапливать ее каждые полчаса, скорчившись, разводить никак не поддающийся огонь, дуть до одурения на не желающие гореть ольховые полешки,— терпи; завела лесная нужда шагать по глинистой раскисшей дороге верст двадцать, под непрекращающимся нудным дождем,— терпи... И так в любую погоду, независимо от времени года, потому как в хорошую, солнечную пору никогда не увидишь того, что можно узнать в ненастье. Преодолевая нескончаемую лесную дорогу, ты вынужд-239

ден запастись в первую очередь обыкновенным терпением, которое незаметно слагают твоя необыкновенная неутомимость, отвага и воля.

* * * Мне нравится смотреть, как волк, рысь или лисица при встрече с опасностью прижимают уши к затылку, будто выказывая робость и послушание, но на самом деле — это только обаятельное ухищрение зверей, призванных лесным богом выжить и молниеносно напасть, чтобы спасти свою шкуру.

Жестокая тишина морозных январских ночей, в преддверии радужного февраля, нисколько не угнетает, а уж если представишь себе ослепительный март, то и вовсе воспримешь ее за сказочно крепкий утренник, который хоть и обжигает так, что дух захватывает, но все же несказанно веселит!

* * *

Притаившись в тени хвойных ветвей, ждет кого-то крепкий боровик, но не торопится себя объявить.

* * *

Не каждому дереву осенью дано быть красивым... В отличие от березы с осиной листья ольхи темнеют, корябятся и как будто навсегда чахнут.

* * *

Часто не покидает ощущение, что птицы, устремляясь на

юг, в то же время ведут себя так, будто хотят остаться. Они то и дело кричат, по необъяснимой причине надолго задерживают свой отлет и отчего-то очень беспокоятся, словно передавая свою тревогу всей округе — лесу, прибрежным камышовым зарослям и маленьким озерам. Им важно, наверное, чтобы их непременно кто-то услышал, и задремавшим было деревьям, реке и холмам ничего не остается, как невольно думать про них всю долгую зиму и терпеливо ждать их радостного возвращения. Только почувствовав это незримое внимание родной земли, птицы, наконец, отправляются в дальние края.

* * *

Любому растению дается место под солнцем — расти себе и наслаждаться жизнью; человеку это место нужно найти и отстоять. Но встречаются иной раз растения, которые вынуждены бороться, и в этом их устремлении они превосходят многих людей.

* * *

Весеннее небо в апреле, как набрякшая почка: с каждым часом всё бухнет, наливается и вот-вот лопнет, а маленький куличок-бекас будто сшивает его своим неудержимым полетом, когда, радостно взвизгивая, все крутится, падает и вновь взмывает в необозримую вышину.

Никогда лесная красота не стесняла мне душу, а только радовала ее и окрыляла.

Крапива делает много полезного, но никогда не показывает этого и, более того, даже защищает.

Не перечить всех случаев в лесу, многие из которых кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно ни рассказывал об этом «потерпевший». Но именно глухариные тока с их неведомой ночной жизнью могут подарить порой самые невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу...

Иногда в рассказах некоторых по-настоящему бывалых охотников, которых уж сейчас почти не осталось, встречаются упоминания о случаях нападения глухарей на людей во время весенних токов. Взрослые глухари не случайно, а именно целенаправленно атакуют человека, пытаясь задеть его крыльями, грудью или ударить клювом. Они налетают совершенно безбоязненно, как будто ясно представляя свои не понятные человеку намерения. Причем действуют порой с такой решительностью, что охотник спешит в полном недоумении ретироваться. Вероятно, подобные случаи происходят от неудовлетворенного полового побуждения самцов при малом количестве на току свободных самок.

Агрессивно могут вести себя и глухарки, нередко с лёта ударяющиеся охотнику в бок, спину или под колени, как это произошло однажды со мной в рассветных сумерках в начале мая... Две глухарки то и дело перелетали вокруг небольшой поляны,

у края которой токовал один петух, беспрестанно квохтали и вообще казались не на шутку чем-то озабоченными, даже раздосадованными. В поведении копалух чувствовалось нескрываемое раздражение, которое мог вызвать в свободных птицах, к тому же в их лесной обители, только человек...

Я стоял посередине поляны, не успев еще подойти к глухарю поближе, как вдруг за спиной у меня просвистело и через мгновение забилось в ногах что-то живое. Я обмер от липко обволакивающего страха, колени мои подкосились и сосны на опушке поплыли перед глазами. Надо представить мое состояние в глухом лесу, в непробудившейся еще предраусветной тиши, когда на тебя неожиданно налетает кто-то и ты боишься предположить: что последует за этим?

Обернувшись, я увидел довольно небольшую по размерам копалуху, которая, быстро развернувшись, с короткого расстояния вновь наскочила на меня, попытавшись еще и клюнуть, не один раз при этом уцепившись клювом за штаны. Злобно распушив хвост, она даже на какой-то миг повисла на них, но тотчас оборвалась и с шипением отлетела. Удивлению моему не было предела и так, опешивший, я еще долго не мог прийти в себя, в то время как глухарь по-прежнему, без остановки, токовал и звуки его песни мягко разносились над лесом.

* * * Волнушки получили свое название не только потому, что на их шляпках, от самой впадинки посередине, разбегаются к краям хорошо различимые радужные волны, но, наверное, и из-за волнения, которое они вызывают у грибника в конце сентября, после первых заморозков, когда многие грибы уже не растут,

а розовые волнушки радостно выглядывают из пожелтой листвы и будто восклицают, умоляя: «Возьмите нас с собой, мы еще очень ароматные и крепкие!»

* * *

Весной крылья тетеревов кажутся сине-зелеными, а хвост у глухаря — золотым!

* * *

На макушке огромной розовотелой сосны настукивал дятел, и дерево звонко и мелодично стонало от переживания своей могучей зрелости... Обняв шероховатый ствол и приложив к нему ухо, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий в глубь земли...

* * *

Неумолимый октябрь остужает запахи, звуки, желания, а жизнь становится еще загадочней и краше, чем весной или летом.

* * *

В мартовские весенние утра синие тени так заманчиво и уютно выступают на снег из-за широких елей, что хочется потрогать их руками.

* * *

Трава — это непрерывно текущий поблизости источник.

* * *

Из всех птиц только жаворонок в воздухе купается...

* * *

Затаённость сосняков, когда там нет глухарей, настораживает неожиданной омертвелостью.

* * *

Осенью обычно бредешь наугад, больше глядя под ноги, весной — устремленно летишь, не чувствуя под собой земли...

* * *

Только про зайцев почему-то можно сказать, что у них — народ, тогда как у лис — племя, у медведей — род, у волков — семейство, у оленей и кабанов — стадо, а барсуки и вовсе отшельники.

* * *

Звери и птицы живут настоящим днем и вкладывают в него все свое жизнелюбие.

Бродя по лесу, животных почти не слышишь и не видишь, но все время сталкиваешься с немymi свидетелями сложной лесной жизни: то обнаружишь старый выцветший рог, когда-то

сброшенный сохатым, то красивые перья птицы, разодранной хищником, то осиное гнездо или колоду, растормошенную медведем в поисках лакомых яичек, и эти немые свидетели порой рассказывают о лесе неизмеримо больше, чем непосредственно его обитатели.

Забавные ухватки медведя вполне соответствуют его характеру.

Когда шагаешь по весенней дороге, ветер всегда дует навстречу.

Отдаленное дыхание осени порой навевает печаль более неизъяснимую и тяжкую, чем самая слякотная пора.

Наша зима — это большой и ослепительно белый заяц, что живет открыто для всех, но в то же время остается невидимым.

Весна — уже сероштаннный бойкий зайчишка, который вдруг резво выкатится из зацветающего тальника, смело тронет по полю, затем сдвоит, скинется и опять где-то скачет, пока и там не исчезнет. Не заяц, а легкое сизое облачко, озорливо затерявшееся за ближайшим леском...

Лето — укромно притаившийся в шелковистой траве зайка

с теплой шерсткой, который показывается лишь изредка, как ненавязчивое, милое видение, на мгновение радует душу и тотчас забывается,— так вокруг много других завораживающих ощущений, красок и запахов...

Осень же сначала только поманит буровато-молочными заячьими ушами, забавно торчащими в озимых зеленях... Не сразу различишь самого косого с пегими подпалинами на боках в быстро светлеющих гачах... Заяц как-то неловко, скособочившись, подтягивает зад и незаметно оказывается все ближе и ближе. Уже слышно, как шуршат по сухим листьям заячьи пазанки, кровь гулко ударяет в висках, а у самой деревни, в частом осиннике, оживленно перекликаются сороки. Заяц вдруг останавливается и, поводя чуткими ушами, косит боязливо: неужто и до него дойдет в эту пору черед?

И вот, с отъезжего поля уже гулко доносятся радостные возгласы охотников: «До-о-ше-еел!» Красоваться косому в сенах, на крепком гвозде, со свисающими толстыми усами! Но не сегодня-завтра Покров покроет землю снежком, опять незаметно подступит зима и укутает всех в пушистый заячий мех...

До самых крутых морозов сохраняет сирень изумрудные листья и, если бы не долгая зима, кажется, зацвела бы под Новый год!

* * * Я предполагаю, что волк или лисица способны смеяться, но вряд ли они над кем-либо потешаются...

Идя по сырой лесной дороге, усыпанной хвоей и сосновыми шишками, приятно ощущать, как они пружинят под сапогами, и земля совсем не ощущается.

Если привелось наломать елового лапника на постель у костра или не удержался и порадовал себя по весне букетиком медуницы, то извинись перед растениями, поблаговари и пообещай, что сам когда-нибудь явишься для них источником жизненной силы.

Каждое осеннее утро является к человеку с обновлениями, но у осины — самое богатое воображение.

В начале апреля никого не встретишь в лесу за весь день, вроде бы и рассказать нечего, но никогда не сможешь объяснить кому-нибудь в городе, как упоительно пахнет там весной, талым снегом и хвоей.

Длинные бороды голубоватого лишайника, свисающего с ветвей, почему-то напоминают душистый дымок лесного костра, который, будто для забавы, зацепился за их края, а улететь уже не в силах. Так и колышется слегка на ветерке, будит

воображение, и оно рисует бороду лешего, торчашую не клином, а заступом, величиною с лопату, как он от нечего делать притулился к костерку в глубине чаши, зажмурился от удовольствия, и всю голубовато-дымчатую лесную тайну, которая всегда ненавязчиво присутствует рядом и так же незаметно исчезает.

Глухарь силится, точит и щелкает, порой даже хрюкает, щебечет, а чего-то главного у него так и не выходит. Это понимаешь, когда заканчивается очередная песня. Но он все равно пробует, не перестает надеяться и, надо думать, своего добьется.

Зимняя луна и падающий снег умиротворяют лучше любого человеческого слова.

Когда увидишь, как рысь мягко спрыгивает с ветки, в первое мгновение с удовольствием представишь себя таким же красивым и ловким зверем.

Чем пахнут времена года?

Обычно не вызывает никаких сомнений зима, которая, по мнению многих, не может пахнуть чем-либо, кроме елки и мандаринов, да еще, пожалуй, яблок... И действительно, иногда

снег источает аромат этих фруктов, но разве присуще зиме то, что ей не принадлежит, и какие запахи она порождает?! Что на самом деле составляет ее головокружительную или, быть может, усыпляющую суть?

Одно я знаю точно: запах зимы — свежий и душистый, как только благоухают щеки молодых девушек с мороза, а еще хвойные ветки, принесенные из леса в натопленный дом и поставленные в воду. Медленно оттаивая, они будто отходят ото сна, кажется, даже немножко распускаются и что-то нашептывают. Ночью отчетливо слышится их ласковый шорох и вместе с ним — чья-то таинственная поступь, которая постепенно оболакивает сознание и уводит в неизведанные заснеженные глубины. Зима очаровывает скорее звуками, чем запахами, и более всего — своей загадочно переливающейся, будто колокольчики, мелодией.

Но вот пришла весна, самый ее разгар, и сразу запахло талой корой... Остальные запахи лишь дополняют этот дурманящий аромат, который течет над открывающейся прелой землей, пронизывает все вокруг и опьяняет. И снеговая вода, и сладостный перезвон сосулек, и завораживающие дуновения упругого ветерка, и даже вскрикивания воронья с прекращающимся щебетом воробьев пахнут зарождающейся жизнью, то есть волглой корой... Под ней начинает струиться тот самый живительный сок, который вскоре всех напоит и от всего излечит.

Лето — это, наверное, свежее сено, липовый цвет и земляника... Тысячи будоражащих запахов и их оттенков, что просто околдовывают. Но как различить тот единственный и верный, без которого лето — не лето? Самый приятный, одинаковый и

в дождь и в ведро, незабываемый и теплый. Запах короткого уральского лета, который почему-то особенно дорог.

Чистый золотой мед! Вот в чем нельзя ошибиться, говоря и думая о лете. И свежее душистое сено, и аромат земляники, и цвет шиповника, кипрея и липы, все цветы и самые сладостные летние дуновения стекаются в мед, и именно мед, как ничто другое, заключает в себе силу и красоту лета. Когда окажешься на пасеке, у медогонки, где по стенам висят розовато-кремовые, будто светящиеся рамки, сладко пахнет воском и пчелы ненадоедливо, но настырно бьются в заляпанное мухами стекло к разомлелому июльскому жару, ты почувствуешь, что суть лета, его запах, находится где-то здесь, рядом, и оно немыслимо без этого золотистого медового духа, которым пронизано все вокруг.

Ну а к осени, в пору увядания, все запахи сводятся к пряной горечи палого листа, в которой, пожалуй, еще угадывается сытный аромат кульбиков и сыроежек. Так и хочется наломать этих красивых грибов, присесть где-нибудь на пенек и, посыпав солью, да сдобрив свою нехитрую снедь куском черного хлеба, с аппетитом уплетать их, выпитывая вместе с ними чудесный дух уходящей осенней поры...

* * *

Никто в лесу, наверное, и не замечает лаковые копытца лося...

* * *

Любой цветок, если внимательно к нему приглядеться, так или иначе копирует солнце, и больше всего это удается одуван-251

чику. Он дружит с солнцем, во всем ему подчиняется и не может без него жить. На ночь цветы сворачиваются в золотые корзиночки, словно стыдясь соперничать со звездами, но поутру вновь открываются навстречу свету и уже беззастенчиво слепят глаза тысячами маленьких солнц!

Не хочу уже просто выбегать на майский двор, подставлять лицо солнцу и слепнуть от его проникновенного света, а люблю замирать, сидя где-нибудь в тени ограды, и чутко вслушиваться во все доносящиеся с улицы звуки...

От осенней зари остается чуть заметный розоватый след, а ты все на что-то надеешься, смотришь на потухающее небо и не веришь, что незабываемый сентябрьский день вот так, просто, возьмет и закончится, и его уже никогда не будет.

Никто, кроме обыкновенной крохотной синички, не в силах так тонко передать грусть онемевшего осеннего леса.

Любуясь по весне на умиротворенные, будто умытые елочки, вмиг заражающие своим мудрым спокойствием, сразу понимаешь, что голова всем деревьям в лесу — ель, а сосна, береза или осина с ольхой лишь прекрасное ей дополнение.

Самое время искать волчье логово — май, когда волк-отец таскает детенышам зайчатину, и как только выпадет последний снежок — иди по его следу, который непременно приведет тебя к зверям.

Подлинная радость начинается тогда, когда я оставляю внутреннюю борьбу с лесом и предоставляю слово ему.

Печет июльское солнце, земля пересохла и цветы изнемогают от жары, но никогда они не пожалуются, не попросят воды, а терпеливо ждут дождика и улыбаются, чуть покачивая желтыми, белыми и золотисто-лиловыми головками.

Как на крыльях, качусь я по утвердившемуся к марту насту, лыжи еле слышно поскрипывают, солнце неуклонно зажигает снега, и мне видно все, что происходит в лесу.

Черемуха всегда кажется приподнятой над землей, легковесной, а калине надо широко рассесться и замереть так, обремененной алыми гроздьями и своими непонятными мыслями.

Манит зверя зимняя спячка, притупляет в нем звериное начало, и постепенно обнажает милое дитя, которому бы только поуютней уткнуться носом в собственный бок, причмокнуть губами и сладко заснуть.

В лунном свете зимнего леса лицо человека превращается в застывшую маску, кажущуюся неестественной на фоне непередаваемой красоты. Трудно не впустить в себя выхолащивающего лунного сияния, не испытать его безжизненной оголенности.

Но, отдав себя однажды в волю безучастного лунного света, знай: тебе уже не будет ничего забыто или прощено так, как если бы ты еще не входил в ночной лес, а смотрел на него со стороны, и, соединившись с ним, ты остаешься наедине с не знающей преград луной, дикой, неживой и властолюбивой. Лишь на мгновение повеет она своим бесчувственным холодком и раз и навсегда осадит все твои желания, растворит их в околдовывающем безразличии. Пусто станет тогда на душе, так что даже жаждущий добычи зверь равнодушно пройдет мимо, не обратив на тебя своего внимания.

Прозрачные лесные призраки насторожатся, выступят из-за деревьев, и ночное забвение постарается навсегда прикрыть твои веки, остудить сердце и сомкнуть уста безжизненной улыбкой. Только неясные пятна, черные тени и вечная безысходность лунной тьмы окутают собой все вокруг.

Так коварно может вести себя зимней ночью равнодушная луна, которая никуда не спешит и равномерно льет на синие сугробы свой холодный, безучастный свет, а человек, если он неравнодушен, впитывает его, незаметно полнится им, но не замерзает, становясь еще более сильным.

В начале осени, рано поутру, выдается редкий денек, будто вылитый из прозрачно-голубого стекла и разукрашенный позолотой, и хотя к полудню он незаметно истаивает, вся его красота не пропадает, а перетекает в пронзительно-синеющую сказочную даль.

Весной через растворенное окно в комнату с шумом врываются разные запахи и звуки, а из дома, наоборот, неслышно выскользают презимовавшие в нем невидимые существа...

До глубины души жаль мне наших исковерканных, повыщербленных лесов, которые слагали и, несмотря ни на что, продолжают слагать родную для всех русскую красоту. Жаль так, что хочется плакать навзрыд, ибо не вернешь эту первозданную дичь и глушину, те сказочные уголки, которые еще недавно тешили душу, воспитывали ее своей неопишуемой потаенно-255

стью, звали в дальнюю дорогу. Нет их теперь, почти не осталось, но память жива.

Жива тем, что все-таки успел человек кое-что увидеть, и по этому малому и старинному, потихонечку воссоздал картину прошлого. Какой дремучей и радостной предстает она мысленному взору, какой желанной и близкой для памятливого нескгибаемого сердца! Веки вечные стоять бы этой первобытной чаще, а человеку бы учиться у нее истинной жизни! Но не кончилось еще древнее царство лесов, как не изменилось глубокое сердечное чувство русского человека. След и того и другого, хочется думать, неискореним.

В лесу не хочется говорить даже шепотом, который раскалывает тишину.

Катится по коре еловая смола, слеза слезой, но вскоре застывает в расщелинках, густеет и наливается мутновато-белесой желчью.

Это только на первый взгляд кажется, что око у леса зеленое, на самом деле оно темное...

Мы любим и лето, и осень, и зиму, но весь год мечтаем о своей весне.

Качаются на розовых шишках бордовые клесты, и оживают еловые верхушки, сдержанно вспыхивая изумрудным огнем.

Всегда кажется будто ты первым услышал жужжание пчелы в апреле.

Если природа не дала зверю возможности быстро бегать или постоять за себя, она наделяет его способностью притворяться мертвым. Например, барсук проявляет невероятную выдержку, когда его треплют собаки, и не подает никаких признаков жизни в рюкзаке охотника.

Крайне редко показывается в ноябре солнце, но даже тогда уже почти уснувший лес становится цветным...

Странное это было для меня время, когда я ходил лесами, чего-то искал и, находя, вновь устремлялся в свой поиск.

Подумаешь про елку — и уж обязательно вспомнятся и грибы, и белки, и рябчики с глухарями.

* * *

Чуткий зверь не обращает внимания на разнообразные лесные шорохи, но сторожко замирает на тропе, услышав неожиданный пробег ветра по кронам деревьев.

* * * Даже по

знакомому лесу не ходят напрямик.

* * * И

горькая полынь источает аромат...

* * * На только что вытаявшей

опушке стоит пряничный дух и леденцовая свежесть!

* * * И в зимнем безмолвии

угадываешь волнение трепетного лесного сердца...

* * * До конца апреля спит медведь в

берлоге, шуба его подмокает, но он все равно не встает, и уж только когда совсем приспичит — с великой неохотой подымается.

* * * Умершие от старости или

поваленные бурей деревья в лесу

ничуть не жалко, тогда как в городе они вызывают необъяснимые переживания, боль и тревогу.

У леса своя жизнь, у людей своя, но лес, в отличие от человека, всегда и для всех открыт...

Только на миг появилась у опушки огненная лисица, чуть повела носом, и сразу тебя охватила неопишуемая радость!

Невозможно утолить потребность вдыхать хвойный аромат, и чтобы избавиться от этого чарующего колдовства, вынуждаешь себя отказаться от него.

Без страха взираешь на лениво шествующую по просеке рысь и невольно переживаешь вместе с ней всю ее величественную красоту...

В лесу хорошо думать о чем-то одном и всегда додумывать до самого конца.

Недвижима весенняя ночь перед своим скорым пробуждением. Первый вальдшнеп, утробно хоркнув, вдруг нарушит

насторожившуюся тишину, где-то недовольно прогундит воробьиный сыч, и опять воцарится покой. Слух твой обострен в ожидании редкого глухариного скрикания. Все кажется: с минуты на минуту произойдет нечто удивительное, способное затмить собой и ночь с ее скрытыми страхами, и красивых древних птиц, к которым ты, несмотря ни на что, отправился, и саму весну... Не зря в народе говорят: весной ждать — не устать, было б чего.

И вот что-то нарушилось в этом напряженном ожидании. В воздухе вдруг повесело неясной переменной, и появилась легкая тревога. Только в последний миг почувствовал я какое-то шевеление слева, у виска, и тут же его пронзила тупая боль, а в глазах померкло.

По лицу еще раз шваркнуло что-то живое, забилося у груди и пропало, внезапно плюхнувшись справа, в светлеющую в колеях просторную лужу. Это были два чирка, один из которых с лета угодил мне прямо в голову. Чирки, по-видимому, с высоты заметили поблескивающее пятно воды и наметились на него, неслышно планируя вниз над дорогой. На пути одного из них, в темноте, оказался я, и чирок сам должно быть порядком перепугался, натолкнувшись на невидимую преграду.

Свалившись в лужу, он долго не мог успокоиться, то и дело оглашая лес своим трескучим покрякиванием. А я, еще не в силах оправиться от пережитого страха, стоял, не чувствуя ног, по щиколотку в снеговой воде и улыбался сквозь непроизвольно выступившие слезы от комичности произошедшего. Мне вдруг стало жаль маленькую уточку, которая, наверное, перепугалась гораздо более меня, и я рассмеялся, забыв о глухарях.

В ольховнике или осиннике ольха всегда теснит ольшинку, а осина — осинку, но вот в березняке, как бы плотно ни росли между собой деревья, никогда не возникает ощущения, что березы толкуются и мешают друг другу.

Хорошо ходить по лесу и где-то поблизости ощущать лося или медведя...

Наблюдая апрельским утром вроде бы обыкновенную для него картину: синий угор, приукрашенные елочки, кротко замершие по его склону, воздух, звенящий весенней чистотой, лазоревые тени от берез, будто продляющие собой на снегу проникновенное апрельское небо, вдруг до боли осознаешь, что не сможешь иными словами выразить его красоту. Остановившись посреди дороги, пристально вглядываешься во все, что тебя окружает, и опять зачарованно повторяешь: синий угор, приукрашенные елочки, звенящий воздух, лазоревые тени, проникновенная небесная голубизна, но чего-то самого главного, составляющего прекрасную суть только что увиденного, высказать не в силах... Оно все равно остается невыразимым.

Как бы ты ни был бескорыстен в отношении к лесу, он все равно отблагодарит за твои душевные и физические затраты.

В конце лета, под самую осень, рык из звериной утробы вырывается особенно протяжно и звонко.

Буйный шиповник цветет у края дорог подобно розовому прибою, подкатывающему к морским берегам, но никогда не нарушает омываемой границы.

* * *

В погожие апрельские сумерки, под вечер, молодой свет весны никак не хочет уходить, без усталости роится снаружи домов и настойчиво пытается проникнуть внутрь... Так велика сила его нерастроченной жажды жизни!

* * *

Произносить слово «цветы» весело.

* * *

Часто бывает так: природа касается человека своим божеественным крылом, но он не готов к ее восприятию, потому что не потрудился душой, и поэтому суетится, бегаёт, восторгается увиденным, а обрести радость не может.

* * * Представляя скитающегося в

лесной чаще медведя, я

никогда не воспринимаю его как страшного и свирепого зверя.

* * *

Поздняя осень... На дворе холодный ветер и морозящий дождь, слизкая земля и жуткая темень, а на душе много тепла и света.

* * *

Даже забравшись в самую глубину дремучего леса, нелегко предаться ощущению полной тишины, непрерывно простирающейся вокруг и в нас самих.

* * *

Иной раз пурга так разгуляется, неудержимо дует навстречу, пронизывая насквозь, что можно склониться на нее, почти лечь, и не упадешь.

* * *

Когда молодой Шопен создавал свои неподражаемые ноктюрны, за окном у него бушевала не весна, а безудержная метель.

То, что самый ценный жир у медведя, по мнению знатоков, сосредоточен в подошвах, объясняется, наверно, его непри-

хотливым образом жизни, который предполагает неспешное бродяжничество по цветистым лугам, укромным болотам и чудодейственным лесам, где еще сохранились дикие пчелы, муравейники и необыкновенная лесная тьма.

Старый лес всегда величаво неподвижен: он все видел и познал.

К весне всё в лесу укрыто чистым снегом, но вкусный запах свежести появляется только когда с ветки сорвется мокрая снежная глыба и, шлепнувшись, разлетится прозрачными брызгами.

С детства помню, что натруженные ладони бабушки всегда пахли гаретой на солнце польнью...

Часто во сне мне видится почему-то ночной лес, залитый лунным светом, и будто я стою в этом лесу, свет пронизывает меня насквозь, и нет никакого страха перед обступающей темнотой. Но как отправлюсь на самом деле по ночной дороге в нескончаемую лесную чашу, то тьма только сгущается, лунный свет отсутствует и все более растет непонятная, стесняющая отчужденность...

Грибы кажутся созревшими плодами огромного дерева, уходящего корнями в самую глубину земли.

В преддверии зимы, после отшумевшей листопадной метели октября, устанавливаются такие тихие и чуткие дни, что кажется даже воздух настрожен в ожидании грядущей непогоды, но ее все нет, и затаившаяся тишина до дрожи трепетно и ого-ленно вторит малейшему звуку, а сердце сладко замирает от ощущения надвигающегося холода.

Иной раз звери прямо выбегают на меня в лесу, по-видимому чувствуя мое хорошее отношение к ним, а может — не замечая ничего плохого.

В лесу даже в минуты самого высокого физического напряжения не перестаешь замечать все происходящие вокруг перемены.

С наступлением марта, особенно в оттепель, от леса исходит сырой аромат снега, талой коры и хвои, который поначалу крадется к жилью человека мягко, по-кошачьи, но к концу апреля просто ошеломляет.

Незаметно пропадут первоцветы, притихнут птицы, и легкую весеннюю радость вдруг сменит тяжелая ответственность за весь предстоящий год.

Всякий зверь в первую очередь жаждет не расправы, а покоя.

Вот ведь что интересно: за полвека жизни у меня накопились достаточно определенные отношения ко многим зверям, птицам и растениям, которые я постоянно пытаюсь как можно более точно выразить; но даже в своем утвердившемся знании, проверенном за годы неутомимых наблюдений, порой совершенно теряюсь при довольно простой мысли: а почему любой цветок в пору своего весеннего или летнего расцветания, когда у него даже поднимается температура, возбуждается?

* * * Только человеку дано прославить голубые глаза марта, тогда как сам месяц просто смотрит и сияет.

Волчий вой и разбойный свист бури родились в единой утробе.

Поздняя осень в лесу... Какая еще пора может быть более грустной и, тем не менее, самой милой для человека, привыкшего бродить с ружьем по нехоженным тропам, но никого не убивать?!

Нырять в каждый летний день, как в июльский, разом-лелый от жары деревенский пруд, и все не могу в нем наплескаться, пропитавшись, наконец, его бесконечным довольством

После первого весеннего грома дождь всегда радостный, напористый, но у него еще нет желания ластиться к земле.

Утраченная человеком способность удивляться — в лесу, рано или поздно, возрождается.

Осень в деревне тем хороша, что чувствуешь, как быстро и сладко утекает куда-то жизнь, а ты будто ничего не теряешь.

Матёрый волк, который замыкает хвост стаи и внимательно стережет ее тылы, давно забыл, что называется жалостью к са-267

мому себе, и потому не знает жалости ни к прибылым, ни к переяркам, ни к самой волчице, идущей впереди.

Умереть — это значит, подобно дереву, принести вкусный и здоровый плод, которым, на свое счастье, смогли бы воспользоваться другие.

Любовь к природе рождается не в лесном краю, а в душе, которая привыкла трудиться.

После первого выпавшего снега деревья предстают в двойном изображении — белом и черном, и этого достаточно, чтобы все вокруг ожило.

Весенний простор земли так огромен, что боишься дышать, и только вкрадчиво вслушиваешься в свое сердце, которое сейчас для тебя и небо, и воздух, и неудержимая вешняя вода...

* * * Ничего не ответишь каркающей вороне, стрекочущей сороке, возвещающей о чем-то сойке, и только уходящей неподалеку сове тихо промолвишь: «Здравствуй, сестра!»

* * *

То зажигаются, то угасают ночные светлячки, будто звезды вспыхивают между деревьями,— вроде бы, ничего особенного не происходит, а печали как не бывало.

* * *

Листья цветка трепещут при малейшем ветерке, но не дрожат.

* * *

В сентябре, у костра, и чай воспринимается пылающе-огненным и ароматным, как осень.

* * *

Есть ветер на земле, а есть в небесах, но как тот, так и другой рождены из стремления радоваться и, открывая, проникать в человеческое сердце.

* * *

Какими бы заслугами или огрехами ни обладали всем нам известные звери, но у волка хвост в народе всегда назывался «поленом», а у зайца — «цветком».

Уже в середине мая, без всякой надежды на успех, собрался я в последний раз к глухарям, и чем дальше шел

по дороге, тем более убеждался: поздно... Давно уgomонились в лесу ручьи, вроде бы недавно вспыхнувшие первоцветы разлились в целые поляны, на вырубках, у старых пней, появились шоколадные шапочки строчков... Закрылся лиственный лес.

Воздух туманился от растекающегося аромата, листья уже по-летнему шептались на ласковом ветру, трава в некоторых местах доходила чуть ли не до колена. Как-то не верилось, что мошник прилетит на ток, да еще запоет. Но в положенный час глухарь действительно проснулся, долгое время сидел молча, а пропел только одну песню, после чего собрал хвост, гортанно «цокнул» и улетел. И стало так грустно на душе, что весна кончилась; впереди, кажется, бесконечное буйное лето, за которым даже и не видится зима. Где-то там дорогая сердцу весенняя радость, что однажды опять слетит на мартовский наст, пройдет по нему красавцем-глухарем и запоет, позабыв обо всем?!

* * *

Лягушки орут свои дикие песни.

* * * Оглушенный пережитым в лесу

страхом, человек, сам того не подозревая, становится более глубоким.

* * *

Осенняя темень тяжела медвежьей поступью и смрадным дыханием зверя.

Служить богам рек, холмов, гор, лесов и родников — значит служить самому себе.

Иной августовской ночью, с полной жизненного сока светлой луной, кажется, что волки не воют, а поют.

Бывает, талая апрельская вода проскальзывает в тебя мутновато-дурманящей водкой, ничуть не веселя.

Лес хорош тем, что, идя к нему, не замечаешь, как втягиваешься в его жизнь, которая так же незаметно становится и твоей.

Посмотришь на осиновый мысок, мягко выплывающий в озимое поле, и так и пахнёт заячьим теплом.

Интересно: только ли из-за цвета, схожего с известными всем зверями, названы грибы лисичками? Ведь встречаются

лисички и светло-желтые, и блеклые, и даже ярко-оранжевые, как и сами лисы, но понимаем мы сущность этих грибов, наверное, благодаря чему-то другому... Может быть, это какая-то игривая загнутость краев у шляпок, их рыжая волно-образность, наподобие вздутого ветерком меха, воздушность неуловимых звериных повадок, призывающих самку красться в глубине леса и очаровывать своего лисовина?! Так или иначе, но лисички и лисы — из одного семейства и друг без друга почему-то не воспринимаются: говоря «лисица» — мы тотчас представляем во мху ярко-оранжевое и дружное грибное племя, произнося «лисички» — вспоминаем милых звериных детенышей...

Пребывание на глухарином току — это свидание со своим далеким детством, с какой-то древней жизнью, которая совсем забылась...

Пока еще не облетел с деревьев весь лист, но лес стоит уже задумчивый и печальный, только оранжевые осинки напоминают в нем веселых и беззаботных детей, потому что то и дело куда-то перебегают, прячутся и чуть слышно смеются.

Вкус лесной ягоды или гриба естественнее самого откровенного желания человека.

Сирая, молебственная осень покорно сутулит плечи, как бедная инокиня, а неугомонный дятел-желна, подобно очумелому звонарю на колокольне, стучит настойчиво, даже зловеще...

В весеннем круговороте может показаться, что капель торопится, бесперебойно отсчитывая время долгожданного пробуждения природы, на самом же деле она невероятно терпелива.

В глухомани звери ведут себя не так, как их сородичи, которые держатся неподалеку от человеческого жилища.

Древние леса были девственны, полны зверя и птицы, но без человека выглядели, наверное, очень пустынно.

Не каждое утро можно услышать петушиный крик, доносящийся с соседнего двора.

Растения с крупными цветами растут обособленно, свобод-

но; те же, кто незаметен и мал, стоят вплотную, лист к листу, и все это лишь для того, чтобы радовать.

Разложишь обычную карту любого лесного района и вскоре обо всем позабудешь, прочитывая таинственные названия здешних мест: Сергинцы, Воеводинка, Ветляны, Сова, Кутамыш, Кедровка, Таборы, Олени, Шадейка, Волокушино, Задорная, Кулига...

Еще от деревни толком не отойдешь, слышно, как горланят петухи, до настоящего леса далеко — кругом пеньки, да чапыжник, но и здесь, в кажущемся безлесье, присутствует ощущение почитаемого тобой лесного бога, который не высится вековым сосновым бором, не зачаровывает шумом своих величественных дубрав, не околдовывает своим древним знанием, что застыло прямо рядом с жильем, в еще не сломленных могучих стволах редких сосен и елей, а тихо и неприметно живет в обгрызенных непогодой лысых пнях, маленьких, только пробивающих себе дорогу елочках, теряющихся под осень в пожухлой траве, разбросанном повсюду хворосте и не замечаемом никем сером небе, которое тоже, порядком истомившись, тихонечко прибоченилось к самой деревне и со вздохом улеглось за старым молчаливым прудком.

В осенних лесах очень далеко видно, облака же стоят над

остывающей землей совсем низко, но остаются незамеченными.

Жду весну терпеливо, с затаенной радостью, потому как знаю, что она обязательно проснется и на высокой чистой ноте зазвенит во всем, не минуя и моей истосковавшейся по ней души.

Только у зайца в лесу не бывает постоянного жилья: сегодня он здесь, а завтра — где придется! Живет, говорят, заяц на слуху...

Редко переживаешь такие моменты, когда весь заполнен лесом, отчего кажется, будто Бог находится совсем рядом, а он на самом деле — далеко-далеко...

Умереть по-таежному — это значит в полном сознании, спокойно, вовремя уйти в никому не известную лесную даль и не вернуться.

* * * Гулкий звук удара лыжи о лыжу в ночном весеннем лесу отдается многократно и, наверное, перегоняет по дальности барабанную дробь дятла.

Красный цвет редок в природе, особенно среди зверей средней полосы, где выделяться им, особенно в зимнюю пору, не резон. И все-таки лиса-огневка поражает нас своим ярко-оранжевым мехом, когда мы неожиданно застаем ее мышкующей посреди заснеженного поля, и, радуясь, в то же время мучаемся вопросом: отчего природа оказалась такой неосторожной? Оставаясь мудрой и сильной, она, наверное, просто позволила себе эту маленькую прихоть, безбоязненно демонстрируя свою неповторимую красоту.

Поздней осенью лес нахмуривается со всей присущей ему мрачной неприступностью, но уже в декабре, в редкие солнечные утра, неожиданно оживает и многозначительно улыбается.

Кто-то все время как будто поправляет меня, ненавязчиво подсказывает: вот светит солнце — и надо бы, не шадя себя, устремиться к нему, или: вот дует ветер — и необходимо полностью отдаться на его волю, но я не всегда доверяю этому внутреннему голосу и, в итоге, пропускаю в своей жизни прекрасные солнечные дни и забываемо пронзительные вселенские бури.

Природа — это удивительная загадка, и человек ничуть не

лучше всего, что его окружает. В течение всей своей жизни он должен накапливать те секреты и силу, которыми располагает обыкновенное растение, постепенно становясь с ним равным.

В лес ходи — волю свою блюди, ибо, поддавшись его силе, себя уже не сбережешь.

Еле слышно шуршит от легкой поземки полужаснеженная мертвая трава, и становится так хорошо от ощущения безвременья, которое она навевает. Так же неспешно идешь по обочине подмерзшей дороги, предвкушая скорое печное тепло, с удовольствием всматриваешься в окружающую природу и ни о чем не жалеешь.

Редкий молодой лес всюду колышется от ветра, колеблется чуть ли не до самой земли, перехлестываясь своими незрелыми верхушками, но разве сравнишь эти отчаянные потуги с легким шевелением величественных сосновых дубрав?!

Юркий воробей — это всегда воришка, плут, забияка и драчун, но никогда он не бывает нахалом.

Только оттаявшая и еще нехоженая весенняя дорога напоминает молодую женщину, которая терпеливо ожидает прикосновения самого неравнодушного и любознательного мужчины.

Если настоящая темнохвойная тайга, состоящая из ели, сосны и пихты, просто угрюма, то лиственничная — безусловно тосклива, особенно осенью, когда перезревшая хвоя желтеет и осыпается.

Глазурный ледок в апреле тает в мгновение, как сахар, но внезапное появление голубизны в нахмурившемся небе охватывает предощущением нескончаемого полета.

Никакая весенняя трава не выглядит так загадочно и свежо, как осенняя озимь.

Часто в лесу я переживаю ощущение, что как будто меня нет, и происходит это, наверное, благодаря постоянному общению с природой, после которого никогда ничего не болит, мало того — силы твои прибавляются, и на душе всегда так легко и покойно, что ты сливаешься со всем окружающим и растворяешься в нем.

До сих пор меня удивляет, что после суровой зимы приходит радостная весна, на деревьях распускаются листья, в глухом овраге весело бормочет талый ручей, в бездонном небе озабоченно постанывает бекас, повсюду расцветают подснежники, в густых зарослях ивняка жарко заливаются соловей, душной ночью квохчут на болоте лягушки, а лес становится царственным...

Если ты встречаешь в лесу то, что останавливает тебя и ты любишься увиденным, забыв обо всем, у тебя не возникает желания не только идти дальше, но и двинуться с места, и ты готов простоять так, кажется, всю жизнь — значит, все это уже жило в твоём сердце, оно отражает красоту того мира, в котором ты родился и рос, а мир — это всегда отражение нас самих, и потому встреченное в лесу — и твоя душа, в которой и звезды, и деревья, и звери, быть может, также обнаруживают себя...

Не стоит обижаться на весну, когда она поманила и бросила, а надо терпеливо дожидаться ее очередного приступа восторга и радоваться хотя бы мимолетной милости, которой она всех одарила.

Люблю лес, люблю ходить по нему в любую погоду. Но всегда ли с удовольствием отправляюсь к нему в гости? Нет, не

всегда. Иногда по каким-либо причинам мне этого делать совсем не хочется, но я все-таки иду, хотя так и подмывает повернуть обратно, несмотря ни на что продолжаю свой путь, и постепенно желание дороги все более усиливается, жажда встречи с дорогими сердцу местами нарастает, и вскоре я просто не могу остановиться.

Может быть, только раз в году, когда свежесть весны незаметно перетекает в летнюю разномысленность,— сердце мое на какое-то время совершенно успокаивается и обо всем забывает.

Люди веками собирают в лесу бесчисленные корзины боровиков, рыжиков и маслят, охапки лечебных трав и цветов, туески черемухи, земляники, морошки, увесистые кошельки с орехами и... уходят, так и не поблагодарив его. Но лес, одаривая всех своим добром, не ищет благодарности, потому как верит в людей, терпеливо ждет их и надеется, что они вернуться с открытой душой.

В своем искреннем стремлении проникнуться жизнью леса ты порой готов пожертвовать чем угодно, но вот, осенью, листья опадают с деревьев, птицы улетают на юг и уже зарядили нескончаемые холодные дожди, а ты вынужден, несмотря ни на что, жить полной жизнью, оставаясь человеком.

Если ты болен, упал духом и во всем отчаялся — приходи весной в лес, посиди немножко на каком-нибудь пенечке или поваленном дереве, поласкай взглядом распускающуюся медуницу, потрогай рукой цветущую сосну, затем прижмись к ней щекой, да смотри не переборщи, к другим деревьям больше не прикасайся, хватит и ее одной, солнечному лучу улыбнись, ненароком вспугни махонькую бодрюю птичку и испугайся вместе с ней неизвестно чего, угоди ногой в ноздреватый, шумно осыпающийся голубоватый снег, радостно оглянись вокруг, набери полную грудь воздуха и, протянув к небу руки, засмейся!

Переливающиеся трели невидимого в весеннем небе бекаса бывают трепетней, чем бьющийся на ветру листочек или вырывающийся из-под снега ручеек, но именно они есть пик восторженного восприятия пробуждающейся жизни.

Порой мне кажется, что иному дереву, роняющему свои плоды, бывает их жаль, в отличие от листьев, которые оно теряет безо всякой печали...

В зависимости от ветра, снега, дождя и солнечного тепла хвоя на деревьях благоухает по-разному.

Шелест травы, как ни странно, напоминает не укромную поступь животных, а счастливые детские возгласы и смех.

Весной все время хочется куда-то бежать, боясь не успеть, и ты торопишься, бежишь, но никуда не успеваешь...

В жизни мы порой не сразу осознаем, что к нам приходит большая любовь, так и я не распознал этого, когда впопыхах подстрелил свою первую лесную птицу...

С последним листопадом шествие золотой осени прекращается, но начинается праздник пронзительно-вдумчивой предзимней тишины.

Случится мне в лесу натолкнуться на какую-нибудь очень старую ель, будто забывшуюся во времени среди молодых елочек и берез, и я, внутренне робея и дивясь, подолгу смотрю на могучий шероховатый ствол, теряющийся в вышине. Разглядываю бесчисленные толстые ветви — сами, как деревья, и не могу наглядеться. Все в этом древнем старце — мудрость и красота, покой и непостижимое величие. Вот где хочется замереть душой и слиться с неизведанным прошлым, уносящим тебя в глубь несказанных столетий!

Когда в такие забытые уголки заглядывает солнце, они превращаются в настоящую сказку! Ее оживляют юркие белки, озорно перебегающие с ветки на ветку; кажется, совсем дикие, еще не ведающие человека рябчики пронизывают застоявшуюся тишину волшебным пересвистом; в сокровенной глуши пугающе, так что ухает сердце, взрываются красавцы мош-ники; развалистой походкой неслышно бродят по мху могучие и недоступные медведи; нетронутыми стоят в нем богатыри боровики... Воздух отсюда никуда не уходит, а живет вместе с деревьями, мхом, грибами, преумножая нескончаемое долголетие чащи, которая незаметно преобразается в сказочную быль. Усталый, приляжешь отдохнуть под красивую древнюю ель, и она вдруг ненавязчиво овеет твой легкий сон несказанным покоем.

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, которое немислимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу. Только за ней, так сладко пахнувшей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие и кроткие зайцы с невероятно тревожащие синие тени, растворяющиеся в таинственной и глубокой чаще... Все это несла с собой именно елка, как никакое другое дерево располагающая к лесному уюту.

Ель, пожалуй, самое обаятельное дерево на Руси. Оно какое-то особенное, не похожее ни на что и более всех людьми примечаемое. Словно живет в нем лесной бог — старичок-ело-вичок, сказочник и затайник, который со зверями и птицами на их языке разговаривает, да про каждого вступающего в лес

главную его правду тотчас прознает. И хочется к нему поскорей в гости отправиться, а что-то не велит. Видно, не пришло еще время, и ты ждешь в нетерпении, наслаждаясь рождественскими ночами еловым духом.

Встреча с елкой должна непременно состояться в жизни всякого человека. Только не в ухоженном и обогретом доме со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесной чаще, той самой, что занимает с детства наше воображение, пугает и тешит, влечет к себе непрестанно, чарует. Именно в ней должно состояться свидание человека и дерева, которому уготовано, быть может, что-то очень важное...

Человеку надлежит туда отправиться одному. Не сразу, постепенно, как бы даже не думая об этом.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны... Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, притвориться каким-нибудь невиданным зверем или позабыть обо всем на свете перед бегущими облаками... Ни за что не передать этого ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами.

Да только не миновать человеку в его лесных странствиях елового прикосновения. Чутко живет на страже лесного мира неувядающее дерево и не пропускает мимо себя человеческого внимания. Оно будто ждет его и, взлеянное присутствием любознательного человека, все раскрывается. Человек же не может этого не заметить.

Тронув рукой пушистые веточки, ты вдруг ощутишь в душе какое-то особое чувство, за что тотчас поблагодаришь дерево и как будто успокоишься душой. Взглянешь на его шероховатую кору — и не уколешься сердцем. Потом посмотришь на

тугие сучья, густую хвойную бахрому и разомлешь. Что-то необъяснимое воцарится в нем, и еще очень хорошее и глубокое. Захочется тебе разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает...

Слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай все, что на душе накопилось, и ни о чем не тревожься, я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нем сразу мудрость откроется, что заохлодит внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево гораздо?!

А оно не насмеется, прямо в тебя смотрит, и текут еще дальше его еловые мысли. Ни уютным это дерево не назовешь, ни укромным, — разве чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, которая копит неисчислимое богатство. Еловые кряжи негибаемо несут его на своих плечах, не ропщут.

Кажется, что ель бывает одинаковой во все времена года, как бы ни играли вокруг нее яркие краски осени, ни вспархивали по-весеннему оживленно в ветвях только что прилетевшие кукушки, ни окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака в летнюю пору, а зимнее безмолвие ни сковывало ее в своих объятиях... Ель остается всегда одной и той же, полной мудрости и покоя, может быть только ненадолго изменяя настроение.

Самозабвенно любим мы это дерево, несмотря на его силу, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает понимать по-настоящему темноту ельников и их тайну. Только там находит он очень нужное ему успокоение.

Даже зимой солнечный свет залегает среди елей не как в других деревьях. Елки как бы завлекают его к себе и в то же время не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скудным прикосновением солнца, не забывая своей необыкновенной тайны. Они хранят ее под своим покровом, а человек неудержимо стремится ее познать.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче, и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отогреваются под их влиянием и всё больше расступаются. Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую гущу, и тогда из них выпестовывается на свет невыразимая радость. Радость, способная осветить настроение любого человека. А может быть, это необъяснимый дух дерева, который открывается человеку для нескончаемого счастья.

2002—2003 гг.

Борис ПЬЯНКОВ

ПЕРЕЛЕСКИ

Художник

Амирханов А. А.

Редактор

Конькова Т. В.

Автор благодарит за помощь в издании книги
ООО «Пермрегионгаз», ООО «Пермнефтеоргсинтез»,
ОАО «Минеральные удобрения», ООО «Пермэнерго»,
ФГУ «Пермсельлес».

Сдано в набор 06.04.04. Подписано в печать 00.00.04. Формат 60X70¹/16.
Бумага ВХИ. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. .
Тираж 1000 экз. Заказ № 1485.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.